Враги И союзники

Р. Пономаренко

32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января»

Р.О. ПОНОМАРЕНКО

32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января»

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
П56

Scan By Vitautas & Kali

Издается с информационной поддержкой сайта Reibert.info

Рецензентами книги являлись
доктор исторических наук, профессор Гилязов И.А.,
доктор технических наук, профессор Гриффен Л.А.,
доктор исторических наук, доцент Салата О.А.
Автор выражает им благодарность за внимание к своему труду

Пономаренко, Р.О.

П56 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января» / Р.О. Пономаренко. — М. : Вече, 2011. — 272 с. : ил. — (Враги и союзники).

ISBN 978-5-9533-5617-6

Рассказывая об истории войск СС, большинство исследователей упоминают прежде всего элитарные формирования, забывая в то же время, что значительное количество дивизий СС составляли «некондиционные дивизии». Одной из таковых является 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января». Послужной список ее очень короткий, но достаточно яркий. Просуществовав всего лишь три с лишним месяца, дивизия приняла активное участие в последних сражениях Второй мировой войны в Европе — в боях на Одере в феврале 1945 года и в обороне Берлина. В конце войны дивизия разделила трагическую судьбу 9-й армии, уничтоженной в Хальбском котле.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9533-5617-6

© Пономаренко Р.О., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ВВЕДЕНИЕ

К концу Второй мировой войны войска СС фактически стали четвертой составляющей вермахта, наряду с сухопутными войсками, люфтваффе и кригсмарине. Они достигли численности около 830 000 человек, расширились от трех дивизий и одного полка в 1939 году до 38 дивизий (а с учетом трех расформированных иностранных дивизий общее количество дивизий СС достигает 41) и большого числа других подразделений. Развитие военной ситуации и, что главное, большая боевая эффективность войск СС привели к тому, что общее количество эсэсовских дивизий достигло более четырех десятков, начали появляться корпуса СС, а в конце войны — даже армия СС.

С другой стороны, не все было так радужно: процесс укрупнения и штампования соединений, характерный для немецкой армии конечного периода войны, мало способствовал действительному повышению их боеспособности, поскольку все составляющие этих дивизий, корпусов и армий явно не дотягивали до штатной численности (это правило не касается элитарных эсэсовских дивизий, большая часть из которых имела номера из первой двадцатки).

Рассказывая об истории войск СС, большинство исследователей упоминают прежде всего элитарные формирования, забывая в то же время, что значительное количество дивизий

СС составляли, как мы их здесь назовем, «некондиционные дивизии»[1]. Такой подход далеко не случаен и полностью понятен. Действительно, куда интересней и привлекательней рассказывать про боевой путь элитарных ударных танковых дивизий СС, которые одним своим присутствием на фронте могли изменить положение вещей в пользу немецкой армии, чем описывать страдания и неудачи какой-нибудь добровольческой дивизии, просуществовавшей полгода и даже не достигнувшей при этом штатной численности. Хорошо еще, если «некондиционная дивизия» была инонациональной (то есть укомплектованной иностранными добровольцами) и с переменным успехом сражалась на Восточном фронте, — в этом случае к ней привлекалось самое широкое внимание апологетов идеи нацистского «крестового похода против большевизма». Во всех остальных случаях, за редкими исключениями, история такой дивизии была обречена на забвение.

Этому также есть и объективные причины. Дело в том, что почти все подобные дивизии просуществовали очень короткое время, и поэтому просто не имели ни времени, ни возможности вписать свое имя в историю. Они не оставили после себя толстых томов штабных документов, ворохов рапортов и отчетов и увесистых пачек наградных листов. Они не упоминались в сводках Верховного командования вермахта среди частей и соединений, отличившихся в боях. Укомплектование и снаряжение их оставляло желать много лучшего, из-за чего об этих частях часто даже отзываются

---

[1] Анализ показывает, что чем больше росло на бумаге число эсэсовских дивизий, тем меньшее количество из них были действительно боеспособными. Четырнадцать дивизий СС по численности равнялись полку или, в лучшем случае, бригаде.

с неким презрением. Так что вполне понятно, что объем имеющейся в распоряжении историков информации по этим дивизиям часто минимален. В итоге так и получается, что практически все пишущие о войсках СС авторы, причем не только в наших широтах, но и на Западе, чаще всего просто констатируют существование подобных дивизий, в редком случае коротко опишут боевой путь, но и только-то.

Одной из таких малоизвестных дивизий СС является 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января». История создания этой дивизии полна тайн, загадок и противоречий, которые кочуют из книги в книгу. Ставшая одной из дивизий СС «последнего часа», она имела все шансы для того, чтобы раствориться в серой массе «некондиционных дивизий СС». Но как оказалось, «30 января» стоит особняком среди всех прочих дивизий СС, созданных в конце войны. Послужной список ее хоть и очень короткий, но в то же время достаточно яркий. Просуществовав всего лишь три с лишним месяца, дивизия приняла активное участие в последних грандиозных сражениях Второй мировой войны в Европе — в упорных боях на Одере в феврале 1945 года и в судьбоносной для Германии и Европы обороне Берлина. В конце войны дивизия разделила трагическую судьбу 9-й армии, уничтоженной в Хальбском котле.

Актуальность темы обусловлена и тем, что история дивизии СС «30 января» представляет интерес прежде всего как образец креативности немецкого командования, направленной на увеличение количества дивизий на фронте. Никто не обращает внимания на такой очень важный факт, что формирование дивизии проходило непосредственно в условиях боевых действий, что сразу же выделяет «30 января» из ряда

всех других дивизий СС и делает по-своему уникальной. При этом созданная спонтанно, с долей импровизации, из разношерстных подручных подразделений, дивизия оказалась упорным противником для наступающих частей Красной армии. Так сложилось, что воины дивизии не заслужили высоких орденов (ни один из военнослужащих дивизии не стал кавалером Рыцарского креста или же Германского креста в золоте), однако на это есть вполне объективные причины — в Хальбском котле, где оказалась дивизия, было не до раздачи наград, речь шла о спасении жизней солдат. Вероятно, если бы дивизия оказалась втянута в уличные бои в Берлине, то количество наград в ней резко бы пошло вверх (как в случае с французской 33-й добровольческой гренадерской дивизией СС «Шарлемань»), а так — имеем то, что имеем.

Кроме этого, история данной дивизии весьма актуальна и для отечественного читателя. Дело в том, что в «30 января», несмотря на то, что дивизия имела статус немецкой, служило несколько сотен русских и украинских добровольцев. Информации по ним очень немного, но сам факт того, что в момент агонии Третьего рейха в рядах эсэсовской дивизии бок о бок с немцами против Красной армии сражались русские и украинцы, достоин самого пристального внимания.

В данной работе автор поставил себе цель рассмотреть и проанализировать особенности формирования, структуру и боевой путь 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января». Хронологические рамки исследования — январь—май 1945 года.

С учетом того, что информации о дивизии СС «30 января» крайне мало, вначале целесообразно сделать обзор историографии по теме.

Документальная база для исследования истории 32-й дивизии СС, по понятным причинам, чрезвычайно узкая. В работе нами были использованы некоторые документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и из Национального архива США, а также уникальные документальные материалы из частных архивов американского исследователя Д. Мура, и российских историков К. Семенова и П. Куропятника. Существенная информация о командном составе и структуре дивизии была почерпнута нами из официального ростера офицеров войск СС на 1 марта 1945 года опубликованного А. Муньосом (The Last Levy: SS Officer Roster March 1st, 1945). Оригинал данного ценнейшего документа хранится в Национальном архиве США.

Первую попытку осветить историю дивизии СС «30 января» предпринял американский историк Р. Ландвер, его работа была издана в 1991 году. К сожалению, в своей книге Р. Ландвер более чем поверхностно рассматривает историю дивизии, практически лишь коротко пересказав общеизвестную информацию (в основном заимствованную из книги В. Тике, о которой речь будет ниже) и добавив несколько интересных фактов, главным образом касательно персоналий. При этом многие спорные моменты в истории дивизии Р. Ландвер просто обошел молчанием; встречаются в его работе и ошибки.

Еще одну попытку написать историю 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января» предпринял немецкий автор Р. Михаэлис. На немецком языке его книга была издана в 1993 году, а в 2008 году — переведена на английский язык, без каких-либо изменений или дополнений. Как и предыдущая книга, работа Р. Михаэлиса весьма поверхностно затрагивает все аспекты существования дивизии — историю

формирования, структуру и боевое расписание, а также историю боевого пути и изобилует многими ошибками и неточностями. Основная ценность книги Р. Михаэлиса — использование автором воспоминаний ветеранов дивизии. Это тем более ценно, поскольку воспоминания именно ветеранов дивизии СС «30 января» в военно-исторической литературе встречаются крайне редко. Как правило, многие историки, опирающиеся прежде всего на ветеранские источники, в своих работах приводят воспоминания ветеранов элитарных дивизий СС — «Лейбштандарт», «Дас Райх», «Тотенкопф» или «Викинг», а из дивизий, сформированных в середине войны, — «Фрундсберг» и «Гитлерюгенд». Не обойдены вниманием и воспоминания ветеранов различных инонациональных частей войск СС. А вот касательно воспоминаний о дивизиях СС «последнего часа», к которым и относится дивизия СС «30 января», то подобные встречаются крайне редко. Так что уже то, что Р. Михаэлис ввел в научный оборот несколько подобных ветеранских воспоминаний, заставляет с должным вниманием отнестись к его книге.

Среди общих работ, посвященных истории войск СС, наибольшее количество информации почерпнуто нами из книги Х. Штобера, посвященной истории зенитных подразделений войск СС.Х. Штобер не обошел своим вниманием и дивизию СС «30 января», при написании очерка о которой использовал как документальную информацию, так и воспоминания последнего командира зенитного дивизиона. Благодаря этому его работа представляет существенный интерес для исследователей.

Кроме непосредственно трудов о войсках СС, при работе над книгой мы детально проанализировали и ряд исследова-

ний, посвященных битве за Берлин. Одну из главнейших работ по этой теме написал известный немецкий военный историк В. Тике, ветеран войск СС и автор многих работ, посвященных истории войск СС. В указанной работе он детально проанализировал практически все аспекты подготовки вермахта к обороне Берлина и исследовал действия многих частей немецкой армии в этом сражении. В отличие от большинства других авторов, обычно сосредоточивающих свое внимание только на непосредственной обороне самого Берлина, В. Тике комплексно рассмотрел весь ход сражения за Берлин, включая и действия 9-й армии генерала пехоты Буссе (куда входила дивизия СС «30 января»), которые обычно не пользуются должным вниманием историков. Определенное внимание В. Тике уделил в том числе и дивизии СС «30 января». Значение книги В. Тике тем больше, что основными источниками для автора послужили малоизвестные документы и воспоминания немецких ветеранов, многих из которых В. Тике интервьюировал лично. На сегодняшний день это лучшая книга об обороне Берлина, написанная с немецкой стороны.

Полезными оказались и некоторые общие работы, посвященные битве за Берлин, в частности, книги Ж. Бернажа, Э. Бивора, Т. Ле Тиссье, К. Райана и коллективная монография советских историков «Последний штурм».

В работах современных российских историков К. Александрова и О. Гончаренко приводится информация о службе в дивизии СС «30 января» русских и украинских добровольцев. На сегодняшний день это практически единственные работы, где приводятся данные факты.

Важная информация была почерпнута нами в справочных изданиях. Первостепенное значение для всех историков, изу-

чающих германские сухопутные силы во Второй мировой войне, имеют справочники Г. Тессина и Б. Мюллера-Гиллебранда. В своей многотомном основательном труде Г. Тессин собрал и систематизировал информацию про все существовавшие соединения, части и подразделения вермахта. Что касается Б. Мюллера-Гиллебранда, то в своем, также фундаментальном, труде он исследовал развитие организации немецких сухопутных сил накануне и в период Второй мировой войны. Также существенную роль для изучения истории СС и войск СС играют биографические и документальные справочники американского историка М. Йергера, содержащие огромное количество уникальнейшей информации.

Не остались в стороне и российские авторы. Историк К. Семенов впервые на русском языке собрал и систематизировал информацию обо всех когда-либо существовавших частях и подразделениях войск СС, вплоть до отдельных батальонов и рот. Немаловажное значение для изучения истории Третьего рейха имеют и справочные издания К. Залесского.

Полный список источников и литературы, использованных автором, приводится в конце работы.

Исходя из всего этого, наша работа может претендовать на первое болееилименее полное исследование истории дивизии СС «30 января», причем не только в наших широтах, но и во всем остальном мире. Вместе с тем, любая историческая работа не застрахована от наличия в ней ошибок или неточностей. Наверняка присутствуют они в данной книге, ведь не ошибается тот, кто ничего не делает. Поэтому автор будет благодарен за указания на фактические ошибки и неточности, а также за любые дополнения и корректировку представленной в книге информации. Исследование существенно

восполнит для отечественного читателя пробелы в истории Второй мировой войны.

Автор выражает огромную благодарность за предоставленные ценные документы, материалы и оказанную поддержку в написании книги Маркусу Венделу (Швеция), Юрию Денису (Киев, Украина), Дмитрию Жукову (Москва, Россия), Игорю Карпову (Лиепая, Латвия), Ивану Ковтуну (Москва, Россия), Петру Куропятнику (Москва, Россия), Джону П. Муру (США), Бегляру Новрузову (Москва, Россия), Константину Семенову (Москва, Россия), Антону Алексееву (Москва, Россия). Без помощи этих людей данная книга никогда бы не увидела свет.

Часть 1

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Висло-Одерская стратегическая наступательная операция Красной армии поставила крест на всех надеждах немцев удерживать советские войска подальше от имперской территории. 14 января 1945 года 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г.К. Жукова с плацдарма южнее Варшавы нанес мощный удар на запад, пытаясь как можно быстрее создать Одерский плацдарм в районе Франкфурта-на-Одере и Кюстрина, как базу для дальнейшего наступления на Берлин. За первые два дня наступления войска фронта продвинулись на 25—40 км. Противостоящая Жукову 9-я немецкая армия была сразу же разгромлена. Между Восточной Померанией и Силезией больше не существовало никакой четкой линии фронта. Советские войска встречали лишь разрозненные очаги сопротивления, которые сметали один за другим.

21 января 1945 года Адольф Гитлер приказал сформировать новую группу армий под командованием рейхсфюрера СС и командующего Армией резерва Генриха Гиммлера,

который до этого командовал группой армий «Оберрейн»[1] на Западном фронте. Эта новосформированная группа армий получила наименование «Группа армий “Висла”».

В этих тяжелейших условиях военные округа Померания, Берлин — Бранденбург, Силезия и Саксония, оказавшиеся в непосредственной близости от линии фронта, были вынуждены отправить на фронт все имеющиеся части резерва, включая сюда и подразделения Фольксштурма[2]. Так что неудивительно, что 26 января 1945 года Главное оперативное управление СС отдало приказ сформировать на полигоне СС «Курмарк» (район Либерозе-Ямлитц) боевую группу. Этот приказ положил начало организации боевой группы «Курмарк», укомплектованной кадровым составом и молодыми новобранцами учебного полигона СС «Курмарк»[3]. Поскольку уже 27 января первые сводные роты этой боевой группы были отправлены на Одерский фронт, в район Франкфурта-на-Одере, то мы можем предположить, что поначалу о формировании новой дивизии СС и не думали — задача стояла лишь просто создать любую «пожарную часть» из того, что было под рукой, дабы срочно залатать брешь на фронте перед лицом угрозы советского прорыва через Одер к Берлину.

---

[1] Верхний Рейн. (*Примеч. ред.*).

[2] Фольксштурм — немецкое народное ополчение. Начал формироваться согласно приказу Гитлера от 25 сентября 1944 года. Призыву в Фольксштурм подлежали мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Важной особенностью Фольксштурма было то, что организационно он входил не в вооруженные силы, а в национал-социалистическую партию (НСДАП). Члены Фольксштурма носили гражданскую одежду с нарукавной повязкой. Официальным руководителем Фольксштурма являлся рейхсфюрер СС и командующий Армией резерва Генрих Гиммлер.

[3] *Бернаж Ж.* Берлин 1945. Агония «тысячелетнего» Рейха. С. 83.

Между тем близилось 30 января 1945 года — двенадцатая годовщина прихода нацистов к власти, один из главнейших государственных праздников Третьего рейха. В эти дни руководству Главного оперативного управления СС неожиданно пришла в голову светлая мысль: на фоне формирования различных «пожарных частей» создать новую дивизию СС. Стоит ли говорить, что такое решение было встречено с одобрением всеми вышестоящими инстанциями, и уже к 30 января были оформлены соответствующие приказы[1]. И именно 30 января 1945 года о создании новой дивизии было объявлено официально[2]. С этого дня 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС, получившая почетное наименование «30 января» была внесена в боевое расписание войск СС и официально начала формирование как дивизия СС[3].

Таким образом, само по себе создание 32-й добровольческой дивизии СС проходило в большой суете и спешке. Факты свидетельствуют, что поначалу высшее руководство СС совсем не намеревалось формировать новую дивизию СС, и решение о ее создании явилось в большей мере спонтанным.

Версию о внеплановом создании этой дивизии СС, по нашему мнению, также подтверждает и личность первого дивизионного командира. Им стал инспектор танковых ча-

---

[1] *Семенов К.* Войска СС. Солдаты как все. С. 182.

[2] Там же.

[3] *Nafziger G.* The German Order Of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. P. 132. Отметим, что Р. Михаэлис утверждает, что формирование дивизии СС «30 января» началось еще 26 января 1945 года, что, как мы увидели, не соответствует действительности. Смотрите: *Michaelis R.* The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar», P. 15.

стей войск СС[1] штандартенфюрер СС Йоханнес Муленкамп, которого 26 января выдернули из инспекции, вероятно, по причине того, что больше никаких подходящих фигур под рукой не было, и направили формировать боевую группу «Курмарк». Муленкамп заработал себе громкую славу как командир 5-го танкового полка СС дивизии СС «Викинг», на этой должности он заслужил Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Все бы ничего, да вот только 32-й дивизией СС Муленкамп «прокомандовал» всего неделю, очевидно, пока вышестоящее руководство подбирало подходящую кандидатуру на этот пост. Уже 5 февраля в командование дивизией вступил штандартенфюрер СС Йоахим Рихтер, бывший сослуживец Муленкампа по 5-й дивизии СС «Викинг»; Рихтер был прежним командиром 5-го артиллерийского полка СС и кавалером Рыцарского креста. С 10 августа 1944 года Рихтер находился в резерве, преподавал в панцер-гренадерской школе СС «Киншлаг» и попутно окончил 14-е армейские курсы командиров дивизий (8 сентября — 7 октября 1944 года)[2]. Что касается Муленкампа, то он вернулся на прежнюю должность инспектора танковых частей войск СС, которую и занимал до конца войны.

Забавно, что на этом чехарда с командными кадрами для дивизии СС «30 января» не закончилась. Всего через 12 дней, 17 февраля, в должность командира дивизии вступил 39-летний оберфюрер СС Адольф Акс, отозванный с поста командира 15-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 1), который в итоге и продолжил формирование дивизии

---

[1] Эта инспекция находилась при Главном оперативном управлении СС: Управленческая группа «С» (инспекции), Инспекция 6.

[2] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 2. P. 179.

СС «30 января», одновременно руководя ее боевыми действиями на Одерском фронте.

Начальником оперативного отдела дивизии (первый офицер Генерального штаба, отдел Ia) был назначен штурмбаннфюрер СС Карл-Хорст Ленц[1]. Пост квартирмейстера (отдел Ib) занимал сначала оберштурмфюрер СС Ханс Клингсохр, а после его перевода в формирующийся штаб румынских частей СС[2] — штурмбаннфюрер СС Вильгельм Бюте[3]. Бюте находился на этом посту до 1 марта 1945 года, а затем был переведен в формирующуюся 35-ю полицейскую гренадерскую дивизию СС. По данным Д. Мура, после Бюте квартирмейстером дивизии стал гауптштурмфюрер СС Фридрих Шауб[4]. Начальником разведывательного отдела дивизии (отдел Ic) был гауптшутрмфюрер СС доктор Вальтер Лахер[5].

Ответственную должность адъютанта дивизии (отдел IIa) занимал гауптштурмфюрер СС Густав Браун. Это был один из

---

[1] Ленц родился 13 августа 1914 года. Член СС (билет № 133 467). В 1936 году служил в штандарте СС «Дойчланд», в июле 1941 года в звании гауптштурмфюрера СС был командиром 11-й роты 1-го полицейского полка СС полицейской дивизии СС. В штурмбаннфюреры СС произведен 9 ноября 1943 года. В апреле 1944 года Ленц был начальником оперативного отдела 19-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 2). В июне 1944 года служил в дивизии СС «Хорст Вессель».

[2] Уже на 1 марта 1945 года Клингсохр (родился 16 октября 1901 года) значился квартирмейстером Румынского подразделения СС, командиром которого был штандартенфюрер СС Вилли Фортенбахер.

[3] Бюте родился 18 октября 1914 года. В штурмбаннфюреры СС произведен 30 января 1944 года.

[4] Шауб родился 9 ноября 1898 года. Член СС (билет № 275 504). На январь 1944 года числился на службе в Главном управлении СС.

[5] Лахер родился 19 января 1911 года. Член СС (билет № 112 423). Произведен в гауптштурмфюреры СС 9 ноября 1943 года.

самых опытных офицеров в 32-й дивизии СС. Браун родился 16 сентября 1918 года в австрийском городе Гаминг. Член СС (билет № 309 090). Выпускник 2-го юнкерского класса для офицеров резерва в юнкерской школе СС в Бад-Тёльце; впоследствии Браун из офицеров резерва был переведен в офицеры активной службы. В 1941 году он командовал минометным взводом 12-й роты полка СС «Дер Фюрер». В феврале 1943 года был командиром 9-й роты полка СС «Дер Фюрер», на этом посту был дважды ранен. 24 апреля 1943 года Густав Браун был награжден Германским крестом в золоте. После выздоровления от последствий тяжелого ранения служил инструктором в панцер-гренадерской школе СС «Киншлаг» в Чехии (эта школа также известна как «Прозетшниц»). Зимой 1945 года часть персонала школы включили в состав формирующейся дивизии СС «30 января», и Браун занял пост дивизионного адъютанта.

Эмблемой дивизии стала руна «Тюр» («Тейваз»). Эта руна считалась символом древнескандинавского бога Тюра (а не Тора, как часто утверждается). Тюр был богом-воином, но воином не силы (в отличие от Тора), а, скорее, воином-стратегом и тактиком. Использование этой руны в символике СС имело давнюю традицию. Например, иногда надгробный знак в виде руны «Тюр» устанавливался на могилах эсэсовцев в виде креста. Также эта руна татуировалась под левым плечевым сгибом членов СС вместе с условным обозначением группы крови. Кроме этого, до 1934 года нашивку руны «Тюр» на левом рукаве мундира носили выпускники «Спецшколы СА рейхсфюрера СС». Впоследствии она трансформировалась в специальный

нагрудный знак сотрудников Главного оперативного управления СС[1].

В заключение отметим, что иногда в литературе проскакивает информация о существовании специальной дивизионной нарукавной ленты с надписью «30 января». Следует помнить, что подобной нарукавной ленты никогда не было, хотя и есть данные, что дизайн подобной ленты был все же разработан, но производство этих лент по вполне понятным причинам наладить не сумели. Каких-либо других специальных знаков отличия дивизия не имела.

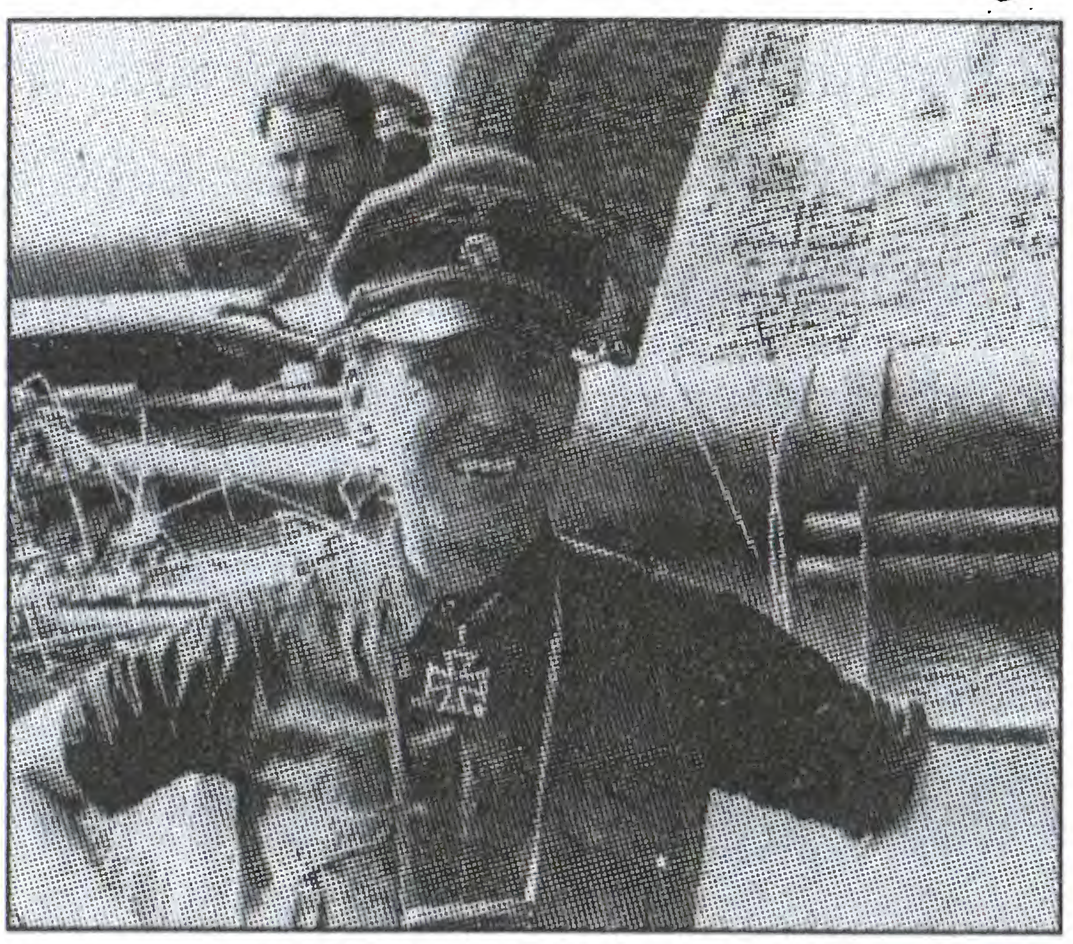
ОРГАНИЗАЦИЯ И БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ ДИВИЗИИ

Дивизия СС «30 января» представляла собой типичную «сборную солянку» из различных запасных и учебных частей и подразделений войск СС. Подобные соединения, в процессе формирования которых присутствует элемент импровизации, в конце войны немецкое командование создавало (так и хочется сказать — штамповало) десятками, если не сотнями. В целом, значительное количество подобных формирований германской армии имело крайне низкую боеспособность. На этом общем сером фоне 32-я дивизия СС несколько выделялась в лучшую сторону, что, впрочем, в основном объяснялось ее эсэсовским статусом.

Итак, кроме оставшейся части персонала учебного полигона СС «Курмарк», на формирование дивизии в основном

---

[1] *Залесский К.А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 201.



Йоханн Муленкамп, первый командир дивизии

были направлены солдаты подразделений СС из Либерозе, Грунова, Губен-Нойцелле, а также часть курсантов и инструкторского персонала унтер-офицерской школы СС в Лауэнбурге[1] (Померания) и отпускники войск СС, следующие транзитом в свои части. Все эти части и подразделения были очень разношерстными[2]. Интересно отметить, что один штаб гренадерского полка и одна противотанковая рота были присланы из резерва Главного оперативного управления СС[3]. Также на укомплектование дивизии была направлена некоторая часть персонала панцер-гренадерской школы СС «Киншлаг»[4], часть личного состава учебно-запасных батальонов 3-й, 6-й и 9-й дивизий СС (а по некоторым данным — и 16-й), запасные подразделения горных частей СС из Халлейна и Предаццо[5] и многих других учебно-

---

[1] Унтер-офицерская школа СС в Лауэнбурге была основана 1 ноября 1940 года. На 1944 год школа состояла из трех учебных батальонов, по четыре роты каждый. Кроме собственно немцев, в ней обучались эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, итальянцы, французы и голландцы. В конце войны персонал школы использовали для формирования различных боевых групп и «пожарных частей», в том числе часть личного состава школы попала в формирующуюся дивизию СС «30 января».

[2] *Бернаж Ж.* Берлин 1945. С. 83.

[3] The Last Levy. P. 71.

[4] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 1. P. 120.

[5] *Landwehr R.V.* SS Mountain Corps and 32nd SS Panzer Grenadier Division «30.Januar» on the Oder front, 1945. P. 11.

запасных частей и подразделений СС. Отдельную группу составляли бывшие чины охранного персонала концлагерей[1]. Общее количество всех частей и подразделений войск СС, переданных на формирование дивизии, установить трудно, тем более что многие из них оказались включенными в состав дивизии в период хаотичных боев на Одере в феврале 1945 года, и полной информации по ним нет.

Кроме военнослужащих войск СС на формирование дивизии были направлены солдаты, переведенные в войска СС из люфтваффе[2], кригсмарине, а также служащие РАД[3]. Как правило, в этих случаях это был превосходный «человеческий материал», но имевший один существенный недостаток — эти солдаты не были обучены как пехотинцы и поэтому сразу пускать их в бой особого смысла не имело, так как это могло привести к неоправданным и бессмысленным потерям.

Первое официальное боевое расписание дивизии было составлено уже 4 февраля 1945 года[4]. По этому расписанию дивизия должна была состоять из двух гренадерских полков, артиллерийского полка, противотанкового батальона,

---

[1] *Michaelis R.* The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar». P. 26.

[2] Люфтваффе до 10 февраля 1945 года высвободило 112 000 военнослужащих для использования в наземных боях.

[3] РАД — аббревиатура от немецкого названия организации Имперская рабочая служба. Это было центральное государственное учреждение, которое руководило прохождением гражданами Германии обязательной трудовой повинности. В конце войны целые подразделения РАД часто вливались в формирующиеся новые части, как сухопутных сил, так и войск СС.

[4] NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command», Frame 379529.

батальонов связи, саперного и учебно-полевого, плюс стандартные части снабжения. Интересно, что формировать зенитный дивизион не предусматривалось — вместо него рассчитывали ввести в состав дивизии два зенитных дивизиона люфтваффе со своими собственными штатами, однако этого так и не случилось. Подробнее каждую составляющую дивизии мы обрисуем ниже.

Штурманн войск СС

Как бы странно это ни выглядело на данном этапе, но большое количество военнослужащих войск СС вступало в новую дивизию добровольно, несмотря на, казалось бы, уже предрешенный для Германии неудачный исход войны. Солдаты понимали, что в этот трагический для Третьего рейха момент многое зависит от того, сумеют ли они удержать фронт и остановить вражеские армии. Одна из типичнейших ситуаций произошла в танково-разведывательном учебно-запасном батальоне СС, который дислоцировался в учебном лагере СС в Штаунмюле[1]. Проходивший в нем службу роттенфюрер СС Эбергард Ба-

[1] В войсках СС быоа два танково-разведывательных учебно-запасных батальона. Оба они в марте 1945 года вошли в состав танковой бригады СС «Вестфален». Какой конкретно батальон, 1-й или 2-й — имеется в виду — неизвестно.

умгарт[1] вспоминал о том, как он и его сослуживцы оказались в рядах 32-й дивизии СС: «В феврале 1945 года я находился в лагере Штаунмюле. Здесь я числился в тыловой роте[2] и ждал отправки назад в свою часть, в «Лейбштандарт», хотя до сих пор и не был готов к активной фронтовой службе из-за последствий моего последнего ранения. В батальоне я добровольно служил в роте подвоза. Одним февральским вечером после дежурного осмотра комнаты в казарме, мы выключили свет и улеглись спать. В комнате было двенадцать кроватей, а посреди комнаты стояла железная печь, в которой догорали остатки дневной нормы угля. Многие из моих сослуживцев уже засыпали, а некоторые еще перешептывались друг с другом. Комната все более погружалась в тишину. Вдруг неожиданно раздался свист и крик: «Подъем, вы, ублюдки! Немедленно собраться возле учебного барака. Быстрее, быстрее!» Повсюду раздавался шум. Быстро, через снег, к указанному месту сбора. Здесь полутьма из-за того, что соблюдается затемнение, наши товарищи уже столпились на плацу. Командиры прерывают любое замешательство или размышления, пока идет построение, царит суматоха, но затем порядок восстанавливается. Командир роты обращается к нам: «Солдаты! Русские атаковали по льду через Одер и создали плацдарм. До столицы Рейха им осталось не более пятидесяти километров.

Камрады, солдаты! В этой ситуации фюрер приказал сформировать новую дивизию СС, дивизию «30 января».

---

[1] Баумгарт родился 29 апреля 1925 года. Служил в 3-й роте 1-го разведывательного батальона СС дивизии СС «Лейбштандарт». Был тяжело ранен и до полного выздоровления направлен в танково-разведывательный учебно-запасной батальон СС.

[2] По-немецки — Genesenden-Kompanie, можно также перевести как рота выздоравливающих после ранений.

Штурманн СС Эбергард Баумгарт

Я знаю, что ни я, ни кто-либо другой не может отдать вам приказ касательно выполнения боевой задачи (большинство чинов батальона были выздоравливающими ранеными, не годными к активной боевой службе.. — *Р.П.*). В этой критической ситуации я могу только взывать к вашей солдатской совести. Это для Рейха, для фюрера, для Берлина и для конечной победы — в последней битве! Для этой новой и молодой дивизии СС фюрер нуждается в личном составе, в опытных, закаленных боями солдатах. Я знаю, что эти солдаты — это вы! Вы знаете это сами!

Я призываю вас последовать призыву фюрера; добровольцы, просто сделайте шаг вперед!». После этих слов строй солдат нарушился, это было, как если бы рухнула дамба, сдерживающая напор воды. Все шагнули вперед… «Я не ожидал от вас ничего другого!» — раздался голос оберштурмфюрера. — Наша честь зовется верностью, камрады!». Он позволил тем, у кого были вопросы, требования и или соображения подойти к нему для доклада. В течение ночи нами были получены оружие, преимущественно карабины, боеприпасы, сухие пайки и снаряжение. Вскоре после того как рассвело, мы сели в грузовики, проехали через ворота Штаунмюле,

оставив позади этот вшивый лагерь (так в тексте. — *Р.П.*), и уже вскоре прибыли на товарную станцию и погрузились в вагоны. Неожиданно поезд остановился. Приглушенный шум голосов все возрастал, затем до нас донесся звук быстрых шагов по гравию, приближавшихся к нашему вагону. Затем дверь вагона распахнулась. Крик: «Маршевая рота, шаг вперед!». Мы вскочили на ноги. Хаос и неразбериха, толчея и давка. Мы построились. Затем ночной марш, спотыкаясь о перевернутые железнодорожные вагоны и цепляясь за провода. Каменные дома слева и справа от нашего пути выглядят покинутыми. Мы повернули на площадь, огражденную этими домами; за площадью начинались мрачные ряды бараков (судя по всему, это был полигон СС «Курмарк». — *Р.П.*). Стояла мертвая тишина, только шаги нашего марша нарушали ее. Не было никакой охраны. Казалось, никто не заметил нашего прибытия. Было очень холодно, а униформа от мороза не спасала. Мы просто стоим и переминаемся с ноги на ногу. Командир подозвал к себе унтер-офицера и что-то прошептал ему. Тот куда-то побежал, а мы все стоим в нерешительности. Наконец, мы двинулись к ближайшим баракам. Ни замков на дверях, ни соломы, на которой можно спать, просто прямые доски. Ранец служил нам подушкой, а шинель и чехол — постельными принадлежностями. Было так холодно, что я дрожал»[1].

На примере маршевой роты Баумгарта мы видим, что солдаты СС, даже те, кто мог отказаться от записи в дивизию,

---

[1] *Michaelis R.* The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar». P. 26—28; *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. P. 72.

добровольно в нее вступали, видя в этом свой долг перед родиной и фюрером. Солдаты надеялись, что они будут служить в новой дивизии СС, такой же мощной, как и их прежние части. Однако этот энтузиазм погас достаточно быстро. Уже вскоре добровольцы из роты Баумгарта были направлены на фронт, в район деревни Одербрух. Марш проходил по унылым пространствам заливных лугов пересеченных плотинами. При виде этих тоскливых пейзажей один из сослуживцев Баумгарта заметил: «Мы на самом краю земли». Еще большее разочарование постигло солдат, когда они обнаружили, что их новая дивизия не имеет ни танков, ни штурмовых орудий. «Это не дивизия, — заметил тот же самый солдат — это сброд, собранный из всего того, что есть под рукой»[1].

По данным Р. Михаэлиса, первоначально 32-я дивизия СС формировалась как панцер-гренадерская (моторизованная), однако 25 февраля 1945 года пришел приказ реорганизовать ее в добровольческую гренадерскую (пехотную) дивизию[2]. Естественно, что такой шаг стал вынужденным и отражал то бедственное положение с автотранспортом и горючим, в котором оказались вермахт и войска СС на завершающем этапе войны. С другой стороны, уже в первом же боевом расписании дивизии от 4 февраля 1945 года было четко указано, что дивизия СС «30 января» является гренадерской дивизией, а не панцер-гренадерской[3].

Основу дивизии составляли три гренадерских полка СС, каждый из которых состоял только из двух батальонов, вместо

---

[1] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945, P. 72.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 16.

[3] NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command», Frame 379529.

Солдаты войск СС

обычных для гренадерских полков СС трех батальонов. Естественно, что командование пошло на подобный шаг не от хорошей жизни, а из-за острой нехватки личного состава, опытных офицерских кадров, вооружения, боеприпасов, снаряжения и прочих военных материалов. В частности, только винтовок за 9 месяцев, с 1 июня 1944 года по 1 марта 1945 года, вермахтом было потеряно 3,5 млн штук. Дошло до того, что в официальных документах Верховного главнокомандования вермахта пришлось уныло констатировать, что пропагандистский лозунг «Народ, в ружье!» уже не может выполняться буквально из-за нехватки оружия[1]. Все это отразилось на формировании новых частей и подразделений немецкой армии, в том числе и частей войск СС. Даже то, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер занимал должность командующего Армией резерва и, следовательно, оказывал формирующимся дивизиям СС полное содействие, не особо помогало, так как очень часто брать вооружение и снаряжение было неоткуда. Положение усугублялось проблемами взаимоотношений СС с другими структурами. В частности, 12 февраля 1945 года начальник Главного управления СС обергруппенфюрер СС Готтлоб Бергер с тревогой

[1] Проектор Д.М. Агрессия и катастрофа, С.729.

доносил Гиммлеру, что как гражданское население, так и армия относятся к эсэсовским организациям с все большим неуважением. По его словам, такое отношение можно назвать «не товарищеским»[1].

Все эти трудности отразились на дивизии СС «30 января». Нужно отметить, что организационная структура пехотной дивизии, формировавшейся в 1945 году, предусматривала, что гренадерские полки пехотной (гренадерской) дивизии должны были состоять из трех батальонов, в каждом — по 3—4 роты. На вооружении каждой роты находилось шесть ручных пулеметов и не имелось станковых пулеметов или какого-либо тяжелого вооружения[2]. Однако, как мы увидим, гренадерские полки дивизии СС «30 января» не соответствовали этой схеме.

Итак, «первым по номеру» стал 86-й добровольческий гренадерский полк СС «Шилль», сформированный на базе добровольческого полка СС «Шилль». Этот полк берет свое начало от боевой группы «Шилль»[3], созданной 20 июля 1944 года из курсантов различных учебных подразделений войск СС, дислоцировавшихся в Чехии, вероятно, в качестве меры противодействия «заговору 20 июля». Основу группы составил панцер-гренадерский полк СС из состава юнкерской школы СС «Киншлаг», плюс подразделения из

---

[1] Beevor E. The Fall of Berlin 1945, P.72.

[2] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945, С.471-472.

[3] Свое название боевая группа получила в честь национального героя Германии, майора прусской армии Фердинанда фон Шилля (1773—1809), участника наполеоновских войн.

саперной школы СС в Градишко и противотанковой школы СС в Бенешау. По некоторым данным, в состав этого полка был также включен персонал 10-го панцер-гренадерского учебно-запасного батальона СС из Брно[1], однако это не подтверждается данными Г. Тессина[2]. Боевая группа состояла из трех батальонов, батареи 150-мм гаубиц, противотанкового дивизиона из 20 «хетцеров» и взвода на бронетранспортерах SdKfz 251 «ханомаг». Численность боевой группы составляла 2200 военнослужащих[3].

Осенью 1944 года боевая группа «Шилль» под командованием штурмбаннфюрера СС Рудольфа Клотца принимала участие в подавлении Словацкого национального восстания[4]. Отметим, что в некоторых источниках указывается, что в Словакии это уже был полк, а не боевая группа[5], однако это не совсем верно[6]. Только в октябре 1944 года боевая группа была реорганизована в добровольческий гренадерский полк СС «Шилль». В него вошли часть кадрового состава боевой

---

[1] *Schulze-Cossens R.* Die Junkerschulen. P. 318; *Michaelis R.* The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar». P. 16.

[2] *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg, B. 6. S. 91. Косвенно данные Г. Тесина подтверждает и М. Йергер: *Yerger M.* German Cross in Gold, Vol. 3, P. 152.

[3] *Kliment C., Nakladal B.* Germany's First Ally. P. 93.

[4] Многие чины полка были награждены словацкими наградами, в частности медалями «За харабрость» и «За заслуги при подавлении мятежа».

[5] *Schulze-Cossens R.* Die Junkerschulen, P. 318; Rikmenspoel M. Waffen-SS Encyclopedia, P. 52; *Michaelis R.* The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar». P. 16.

[6] В литературе о Словацком национальном восстании, как правило, упоминается именно боевая группа «Шилль», а не полк. Смотрите, например, *Kliment C., Nakladal B.* Germany's First Ally. P. 93.

Солдат войск СС вооруженный трофейной советской винтовкой СВТ

группы, персонал панцер-гренадерской школы СС «Киншлаг» и подразделения 10-го панцер-гренадерского учебно-запасного батальона СС из Брно[1]. Судя по всему, «хетцеры» из состава полка были изъяты, поскольку в дальнейшем они уже нигде не фигурируют, однако вместо них были получены штурмовые орудия из школы штурмовых орудий СС в Буковани (правда, не известен ни тип орудий, ни сколько их было). После этого полк в основном занимался борьбой с повстанцами в районе Прессбурга[2] (за эти бои Рудольф Клотц был даже награжден

---

[1] *Nafziger G.* The German Order Of Battle: Waffen SS And Other Units In World War II. P. 132; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. B. 6. S. 91.

[2] Немецкое название Братиславы, столицы Словакии.

Германским крестом в золоте, 14 ноября 1944 года[1]), а затем был переброшен на полигон СС «Курмарк».

После того как было объявлено о формировании дивизии СС «30 января», 30 января 1945 года этот практически готовый полк и был реорганизован в 86-й гренадерский полк СС[2]. Важно помнить, что этот полк был единственным полком в дивизии, имевшим более-менее слаженную структуру и, что главное, боевой опыт. При этом часть подразделений полка, в частности, артиллерийское подразделение (вышеупомянутые гаубицы), саперы, истребители танков и так далее были зачислены в соответствующие подразделения дивизии, фактически составив их костяк.

Полк состоял из двух батальонов (вместо предусмотренных организационными расписаниями трех), по четыре роты в каждом батальоне, плюс 13-я (тяжелого оружия) и 14-я (противотанковая) роты. Подразделения полка организовывались согласно штатным расписаниям, которые были утверждены 1 сентября 1944 года (для всех частей и подразделений) и 1 ноября 1944 года (для обычных гренадерских рот). Последняя рота каждого батальона (соответственно 4-я и 8-я роты) были тяжелыми и имели на вооружении шесть 81-мм минометов, четыре легких пехотных орудия, восемь

---

[1] Вскоре Клотц был назначен командиром 48-го добровольческого панцер-гренадерского полка СС «Генерал Зейффардт», а в конце февраля стал командиром 47-го добровольческого панцер-гренадерского полка СС «Де Рюйтер» (оба полка из дивизии СС «Недерланд»). В апреле 1945 года Клотц стал командиром добровольческого панцер-гренадерского полка СС «Данмарк» дивизии СС «Нордланд». На этом посту он и погиб 20 апреля 1945 года.

[2] *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. B. 6. S. 91.

тяжелых и один легкий пулемет. Остальные роты были обычными стрелковыми и имели по девять ручных пулеметов в каждой.

По штатам от 1 сентября 1944 года (*KStN 171V*), 13-я рота была тяжелой, имела два взвода 120-мм минометов по четыре в каждом, без взвода легких пехотных орудий. В роту дополнительно включался взвод тяжелых пехотных орудий (два 150-мм орудия), имелось также пять пулеметов[1].

Моторизация полка была крайне низкой — на этом этапе войны даже всесильный рейхсфюрер СС ничего не мог поделать с нехваткой автотранспорта и, прежде всего, горючего. Так что полковой транспорт был в основном на конной тяге.

Командиром полка был оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Эккер[2]. Командиром I батальона был оберштурмфюрер СС Хорст Матибе[3], II батальона — штурмбаннфюрер СС Франц-Йозеф Хюртер[4], которого впоследствии заменил гауптштурмфюрер СС Эрих Штайдтманн[5], а последним командиром батальона стал штурмбаннфюрер СС Бостманн.

---

[1] NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command». Frame 379529.

[2] Эккер родился 15 декабря 1908 года. Был произведен в оберштурмбаннфюреры СС 1 февраля 1943 года.

[3] Матибе родился 3 июня 1920 года. Член СС (билет № 423 865). Ветеран полка СС «Дойчланд». Произведен в оберштурмфюреры СС 30 января 1944 года.

[4] Хюртер родился 27 ноября 1910 года. Был произведен в штурмбаннфюреры СС 30 января 1945 года.

[5] Штайдтманн родился 15 ноября 1914 года. Член СС (билет № 160 812). В январе 1945 года был командиром 1-го батальона 14-го горнострелкового полка СС дивизии СС «Принц Евгений», в марте 1945 года возглавил 2-й батальон 86-го полка СС.

Хорст Матибе, командир I батальона 86-го полка СС

Должность адъютанта полка занимал гауптштурмфюрер СС Рихтер, а штабсшарфюрера[1] — гауптшарфюрер СС Бёрвальд. Известны также командиры 6-й роты: до 7 февраля — унтерштурмфюрер СС Николаус, с 7 февраля по май 1945 года — оберштурмфюрер СС Голло.

Офицерский состав полка не был однородным. Среди заслуживающих внимания офицеров полка был гауптштурмфюрер СС Герман Шпехт[2], ветеран дивизии СС «Викинг», где он в 1941—1942 годах служил в противотанковом дивизионе и в 13-й роте полка СС «Нордланд». Затем, в июне 1944 года был адъютантом (должность IIa) в штабе командующего войсками СС в Нидерландах (то есть служил вместе с одним из командиров дивизии Адольфом Аксом). Еще одним ветераном дивизии СС «Викинг» в полку был унтерштурмфюрер СС Отто Штойернагель[3].

---

[1] Он же «Шписс». «Шписс» — в немецкой армии специальный унтер-офицер для поручений. В вермахте «Шписсы», как правило, носили звание гауптфельдфебеля, в войсках СС — штабсшарфюрера. Отличительным признаком «Шписса» были два белых галуна на каждом из рукавов.

[2] Шпехт родился 18 января 1918 года. Член СС (билет № 361 274).

[3] Родился 12 мая 1922 года. Член СС (билет № 490 040). В марте 1941 года в звании штурмманна СС служил в полицейской дивизии СС, в июне 1944 года числился в полку СС «Вестланд».

В то же время, некоторые офицеры полка не имели никакого боевого опыта, как, например, оберштурмфюрер СС Вальтер Шукер (родился 17 июля 1914 года, член СС, билет № 103 118) или унтерштурмфюрер СС Герман Сиука (родился 3 января 1920 года).

Одной из важнейших задач, стоявших перед немецкими частями, была борьба с танками противника. Противотанковой обороне в вермахте традиционно уделялось серьезное внимание. Обычные части гренадерских полков в качестве средства борьбы с танками оснащались гранатометами «Панцерфауст»[1], которыми в этот период оснащались все пехотные дивизии, фольксгренадерские дивизии и части Фольксштурма. По статистике, осенью 1944 года на один километр фронта приходилось до 80—90 «Панцерфаустов». К 1945 году этот показатель еще более возрос. Как отметил исследователь С. Монетчиков, «во всех германских пехотных ротах на передовой каждый солдат имел в запасе по несколько гранатометов («Панцерфаустов». — *Р.П.*), что позволило значительно укрепить противотанковую оборону и во много раз увеличило потери советских войск в бронетанковой технике»[2].

В этой связи имеет смысл более подробно остановиться на полковой 14-й (противотанковой) роте. Организованная по штату от 1 сентября 1944 года (KStN 154V), она состояла

---

[1] «Панцерфауст» является одним из символов вермахта последнего периода войны. Это был ручной противотанковый гранатомет одноразового действия. Начиная с ноября 1943 года «Панцерфауст» широко использовался частями немецкой армии для поражения танков и других бронированных целей на дальностях 30—150 м.

[2] *Монетчиков С.* Реактивное оружие вермахта. С. 47; *Шунков В.* Оружие вермахта. С. 15.

Немецкие солдаты вооруженные панцерфаустами

из трех взводов по 18 «реактивных противотанковых ружей 54» (так официально именовалось реактивное противотанковое ружье, известное как «Панцершрек»[1]) в каждом и еще 18 таких ружей в резерве. Кроме этого, в роте было четыре ручных пулемета. Взвод истребителей танков состоял из трех отделений по шесть «Панцершреков» в каждом и секции управления с ручным пулеметом. Отделение состояло

---

[1] «Панцершрек» был модернизированным вариантом реактивного противотанкового ружья «Офенрор». От «Офенрора» он отличался наличием специального защитного щитка для защиты от раскаленных пороховых газов, образующихся при выстреле. Стреляло реактивными минами (гранатами) кумулятивного действия. Калибр — 88-мм, прицельная дальность стрельбы — 150 м, начальная скорость мины — 130—140 м/с, бронепробиваемость — 150—220 мм. На поле боя противотанковое ружье «Панцершрек» обслуживалось расчетом из двух человек: наводчиком и заряжающим.

из командира, 12 гранатометчиков (по двое на «Панцершрек») и повозочного. Командиры отделений вооружались пистолетами-пулеметами, наводчики — пистолетами, а все остальные — карабинами 98к. Всего взвод истребителей танков насчитывал 48 человек, на вооружении которых имелось 18 «Панцершреков» (или же его более ранняя модификация «Офенрор»), 19 пистолетов, четыре пистолета-пулемета, 24 карабина и один ручной пулемет MG-42. Добавим, что одна из инструкций немецкого командования также рекомендовала снабжать истребителей танков дымовыми гранатами и «Панцерфаустами» (как средство ближнего боя с танками). В итоге в конце 1944 года каждая пехотная дивизия вермахта по штату имела 130 ружей «Панцершрек» в активном использовании и 22 запасных ружья. Так что «Панцершреки», наряду с «Панцерфаустами», стали основой немецкой противотанковой обороны в боях 1945 года[1].

Вторым гренадерским полком в составе дивизии стал 87-й добровольческий гренадерский полк СС «Курмарк». По иронии судьбы, этот полк формировался специально для дивизии, и если смотреть с формальной точки зрения, то он должен был бы быть первым (то есть иметь порядковый номер 86), однако судьба распорядилась по-другому. Его начали формировать 25 января и уже через пять дней(!), к 30 января, формирование полка было окончено. Именно на его формирование были направлены вышеупомянутые подразделения рекрутского депо «Курмарк» и военнослужащие подразделений СС из Либерозе, Грунова, Губен-Нойцелле, часть личного

[1] *Монетчиков С.* Реактивное оружие вермахта, с.47; *Шунков В.* Оружие вермахта. С. 133—135.

Солдат, вооруженный «Панцершреком»

состава унтер-офицерской школы СС в Лауэнбурге, а также отпускники и отставшие от своих частей солдаты. Более того, при формировании полка также были использованы персонал 6-го горностелкового учебно-запасного батальона СС из Халлейна и 9-го панцер-гренадерского учебно-запасного батальона из Штральзунда[1] (при этом часть военнослужащих из этих подразделений попала и в другие части дивизии. Так, оберштурмфюрер СС Густав Шнабль[2] из 3-й роты этого батальона получил назначение в полк СС «Шилль»). Часть офицерского состава для полка прибыла из офицерского резерва войск СС, базировавшегося в Веймаре[3].

---

[1] *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. B. 6, S. 97.

[2] Шнабль родился 17 апреля 1918 года. Член СС (билет № 342 590).

[3] *Landwehr R.* Op. cit. P. 8.

Сразу отметим, что, по данным Р. Ландвера и Р. Михаэлиса, при формировании полка был задействован не 6-й горнострелковый учебно-запасной батальон СС из Халлейна, а 16-й гренадерский учебно-запасной батальон из Зенфтенберга, а также 1-й панцер-гренадерский учебно-запасной батальон СС из Шпреенхагена[1]. Однако данные касательно 16-го батальона не подтверждаются Г. Тессином (он просто указывает, что батальон был брошен на Одерский фронт в январе 1945 года[2]). 1-й панцер-гренадерский учебно-запасной батальон СС в состав 87-го полка СС также не входил — он был направлен на формирование полка СС «Фальке» (о нем речь будет идти ниже).

В первые дни своего существования полк носил наименование 32-й добровольческий полк СС (1-й гренадерский полк дивизии СС «30 января»). А 30 января 1945 года этот полк стал 87-м добровольческим гренадерским полком СС «Курмарк».

Организован этот полк был так же, как и 86-й полк СС — два батальона по четыре роты в каждом, плюс 13-я и 14-я роты.

С 26 января командиром полка был штандартенфюрер СС и полковник полиции Гюнтер Анхальт. Он родился 23 января 1906 года в Бреслау. Ветеран СС (билет № 45 837), член НСДАП (билет № 1 395 568). Опытный ветеран «Лейбштандарта», Анхальт прославился в качестве командира 2-го полицейского полка СС полицейской дивизии СС. 16 июня 1944 года он был награжден Германским крестом в золоте, а

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 18; Landwehr R. Op. cit. P. 8.

[2] *Tessin G.* Op. cit. B. 4. S. 48.

12 августа 1944 года — Рыцарским крестом. Где-то 15 февраля он получил ранение[1], после чего полк возглавил 32-летний оберштурмбаннфюрер СС Герберт Фолльмер[2]. После этого иногда этот полк неофициально называли полк «Фолльмер», однако данное наименование не прижилось. Есть также данные, что командиром полка был оберштурмбаннфюрер СС Фосс[3], причем, судя по всему, — последним командиром. Скорее всего, это был 56-летний оберштурмбаннфюрер СС Отто Фосс, который на декабрь 1944 года числился в штате одной из панцер-гренадерских школ СС, откуда он и мог попасть в «30 января».

Командиром I батальона был гауптштурмфюрер СС Вальтер Лерманн (родился в 1913 году, переведен в «30 января» из дивизии СС «Гогенштауфен»[4]), II — 39-летний гаупт-

---

[1] Уже на 1 марта 1945 года Гюнтер Анхальт числился командиром 90-го полицейского гренадерского полка СС 35-й полицейской гренадерской дивизии СС. Убит в бою 25 апреля 1945 года в Берлине.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 24. Фолльмер родился 29 октября 1913 года. Член СС (билет № 139 159), член НСДАП (билет № 4 166 993). Выпускник первого юнкерского класса юнкерской школы СС в Бад-Тёльце. В 1938 году служил в этой школе инструктором. В 1941 году Фолльмер был командиром 7-й роты полка СС «Вестланд». В октябре 1942 года командовал 1-м батальоном 13-го горнострелкового полка СС. В июне 1944 года был адъютантом V горного корпуса СС. Награжден Германским крестом в золоте 13 января 1945 года. В оберштурмбаннфюреры СС произведен 30 января 1945 года. Умер 15 июня 1945 года (очевидно, в плену).

[3] *Тике В.* Падение Берлина. С. 223.

[4] Интересно, что, согласно офицерскому ростеру войск СС от 1 марта 1945 года, Лерманн одновременно числится в составе как 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен» в качестве командира II батальона 20-го панцер-гренадерского полка СС, так и в составе «30 января». При этом, согласно официальной истории «Гогенштауфен», Лерманн

штурмфюрер СС резерва Эрих Роттер[1]. 6-й ротой командовал оберштурмфюрер СС Артур Шпаховски[2]. В 7-й роте полка служил унтерштурмфюрер СС Гельмут Штендер, ветеран дивизии СС «Викинг»[3]. Начальником штаба полка был гауптштурмфюрер СС Визмайер, офицером для поручений — унтерштурмфюрер СС Вейц, командиром саперного взвода — унтерштурмфюрер СС Хиронимус.

88-й добровольческий гренадерский полк СС был полк был сформирован в марте 1945 года, то есть уже после того, как были созданы первые два гренадерских полка дивизии. Его основой стала боевая группа «Беккер» (ставшая I батальоном полка), а также подразделения I батальона 34-го полицейского полка и некоторые мелкие подразделения сухопутных войск и частей Фольксштурма (составившие II батальон).

Боевая группа «Беккер» была создана в феврале 1945 года из курсантов административно-хозяйственной школы СС в

числится в составе 9-й дивизии СС на момент Арденнской операции, а касательно 1945 года каких-либо данных о командном составе батальона нет. Очевидно, что Лерманн был переведен в «30 января» из «Гогенштауфен» после боев в Арденнах. Смотрите: *Furbringer H.* 9.SS-Panzer-Division. S.555; The Last Levy. P. 28, 71. Здесь же отметим, что в гауптштурмфюреры СС Лерманн был произведен 20 апреля 1941 года.

[1] Роттер был произведен в гауптштурмфюреры СС резерва 9 ноября 1944 года.

[2] Шпаховски родился 6 мая 1905 года. Член СС (билет № 431 133). В сентябре 1942 года служил в полицейской дивизии СС, а в январе 1944 года — в комендатуре снабжения войск СС «Центр».

[3] Штендер родился 17 марта 1923 года. Член СС (билет № 498 111). В январе 1943 года в звании обершарфюрера СС служил в 11-й роте полка СС «Германия»; в ноябре 1944 года унтерштурмфюрер СС в 18-й роте рекрутского депо «Курмарк». Погиб в апреле 1945 года.

Арользене[1], под командованием инструктора по тактике школы 30-летнего штурмбаннфюрера СС Карла Беккера[2]. Численность личного состава боевой группы достигала 900 человек. На вооружение боевой группы поступило практически все оружие и транспортные средства, имевшиеся в школе. Затем, 5 февраля 1945 года к этой группе присоединили вышеупомянутый I батальон 34-го полицейского полка[3].

После формирования 88-го полка СС Карл Беккер стал его командиром, так что иногда этот полк упоминается в литературе как боевая группа «Беккер» или добровольческий полк СС «Беккер»[4].

Нужно объективно признать, что этот полк был укомплектован далеко «не самым боевым» личным составом. Дело в том, что юнкерская школа СС в Арользене была, прежде всего, административной. Хотя курсантов и обучали военному делу и борьбе с танками[5], однако административный статус все

---

[1] Всего из чинов школы СС в Арользене было создано две боевые группы. Вторая боевая группа, состоящая из двух батальонов, принимала участие в боях с американскими войсками в районе Ремагенского плацдарма на Рейне.

[2] Беккер родился 28 сентября 1915 года.

[3] Отметим также, что II и III батальоны 34-го полицейского полка присоединили к пехотной дивизии «Регенер», которую вскоре реорганизовали в 286-ю пехотную дивизию.

[4] The Last Levy. P.72.

[5] В соответствии с инструкцией начальника Генерального штаба от 21 декабря 1943 года, все военнослужащие от командира полка и ниже должны пройти обучение противотанковому ближнему бою. Последнее включало в себя практические упражнения, такие как стрельба винтовочной противотанковой гранатой, метание противотанковых гранат, обучение применению «Теллер-мин» и использованию различных противотанковых зарядов и средств и тому подобное. Офицерский

же накладывал свою специфику на обучавшийся там личный состав. Также сложно было ожидать военных чудес от фольксштурмистов или же от бывших полицейских. Забегая вперед, заметим, что он оказался самым слабым элементом в составе дивизии. Тем не менее, 88-й полк СС был введен в боевое расписание войск СС, тем более что и особо выбирать в той ситуации было не из чего.

Обратите внимание, что в боевом расписании войск СС от 26 марта 1945 года этот полк не фигурирует в составе дивизии СС «30 января»[1]. Тем не менее, 88-й полк СС, как правило, приписывают именно к ней[2]. Очевидно, что он был введен в состав дивизии где-то в начале апреля 1945 года. Организация этого полка повторяла организацию 86-го и 87-го полков СС[3].

Командиром I батальона полка был весьма незаурядный офицер, оберштурмбаннфюрер СС Вильгельм Кариус[4]. Интересно, что Кариус не был боевым офицером в строгом смысле этого слова — всю войну он прослужил на административных должностях. При этом в 1940—1941 годах он стал кавалером Железного креста II и I классов, заслужив их на должности административного офицера, а затем казначея(!) I и II артиллерийского дивизионов артиллерийского полка

корпус всех юнкерских школ выполнил эти упражнения и включил их в планирование курса обучения. Смотрите: *Schulze-Kossens R.* Die Junkerschulen. P. 216.

[1] The Last Levy. P. 71.

[2] Среди множества источников смотрите, например: *Tessin G.* Op. cit. B. 6. S. 104.

[3] *Michaelis R.* Op. cit. P. 23.

[4] Родился в Киле 12 августа 1911 года. Член СС (билет № 65 397), вступил в СС 3 февраля 1933 года, в 3-й штурм III штурмбанна 40-го штандарта СС в Киле.

Роттенфюрер СС

дивизии СС «Райх»; Железным крестом I класса он был награжден 24 августа 1941 года. Однако настоящая известность пришла к Кариусу в 1943 году, после того как он занял должность интенданта и командира хозяйственного батальона дивизии СС «Дас Райх» (в должность вступил в августе 1942 года). Здесь он в полной мере проявил свои способности, обеспечив снабжение продовольствием как собственно дивизии СС «Дас Райх», так и воевавших рядом с ней армейских частей. За свои выдающиеся заслуги Кариус был награжден очень редким орденом — Германским крестом в серебре, 21 июня 1944 года. Затем, с января 1944 года по середину августа 1944 года Кариус преподавал в школе СС в Арользене. После он короткое время служил в личном штабе начальника Главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрера СС Освальда Поля, откуда в сентябре 1944 года прибыл на должность инструктора на курс административных офицеров юнкерской школы СС в Праге. В декабре 1944 года Кариус получил назначение на административную должность в управленческий штаб СС «Штайермарк»[1] (действовал на территории Австрии).

[1] Yerger M. German Cross in Silver. P. 106.

Следует отметить, что его служба на должности командира I батальона 88-го полка СС не отражена в его личном деле, но именно Кариус упоминается в офицерском ростере СС от 1 марта 1945 года как командир батальона[1].

Известен также командир 1-й роты — им был гауптштурмфюрер СС Фишер. Имя командира II батальона 88-го гренадерского полка СС пока остается неизвестным. Должность адъютанта полка занимал оберштурмфюрер СС Хайнц Картинг (родился в Данциге в 1918 году).

Кроме гренадерских полков в состав дивизии также входил и артиллерийский полк. 32-й артиллерийский полк СС, созданный 30 января 1945 года, состоял из трех артиллерийских дивизионов. Преимущественно полк был сформирован на базе личного состава и материальной части специализированных артиллерийских школ войск СС. В частности, среди множества учебных подразделений войск СС, переданных на формирование дивизии, были штаб и штабная батарея из 1-й артиллерийской школы СС в Глау, а также два артиллерийских дивизиона (каждый из которых состоял из двух батарей) из артиллерийского учебно-запасного полка СС штандартенфюрера СС резерва Рихарда Айнспеннера, дислоцировавшегося в Праге[2]. Как нельзя кстати при формировании полка пришлись и артиллеристы из полка СС «Шилль» (группа «Мёзингер»).

Штабные части школы СС в Глау составили штаб полка, I и III артиллерийские дивизионы были созданы на основе переданных артиллерийских дивизионов артиллерийского учебно-запасного полка СС, а II дивизион был сформирован на основе вооружения и личного состава полигона СС «Кур-

---

[1] The Last Levy. P. 72.

[2] The Last Levy. P. 71. Сам Айнспеннер остался на своем посту в Праге.

марк». Формирование основных частей полка главным образом проходило в соответствии со штатными расписаниями, утвержденными 1 января 1945 года. В каждом дивизионе было всего по две артиллерийских батареи. Таким образом, полк состоял лишь из шести артиллерийских батарей. Согласно боевому расписанию дивизии от 4 февраля 1945 года I дивизион и II артиллерийские дивизионы имели по двенадцать 105-мм легких полевых гаубиц каждый (по шесть орудий на каждую батарею). III дивизион имел на вооружении шесть 150-мм орудий и шесть 105-мм легких полевых гаубиц[1].

Важно отметить, что, по данным немецкого автора Р. Михаэлиса, в состав полка входил и IV артиллерийский дивизион — прежний 550-й артиллерийский дивизион СС, состоящий из двух батарей[2]. Более подробная информация по этому поводу отсутствует и, скорее всего, действительности не соответствует.

Первым командиром полка был 40-летний штурмбаннфюрер СС Хайнц Хоффманн[3]. По сообщениям ветеранов дивизии, Хоффманн был кавалером Германского креста в золоте, совсем недавно переведенный в войска СС из армии. Членом СС Хоффманн не был. Историк М. Йергер высказал предположение, что это был Хайнц-Гюнтер Хоффманн, заслуживший Германский крест в золоте 28 февраля 1942 года как оберлейтенант 155-го артиллерийского полка[4]. Возможно, это и так, однако по

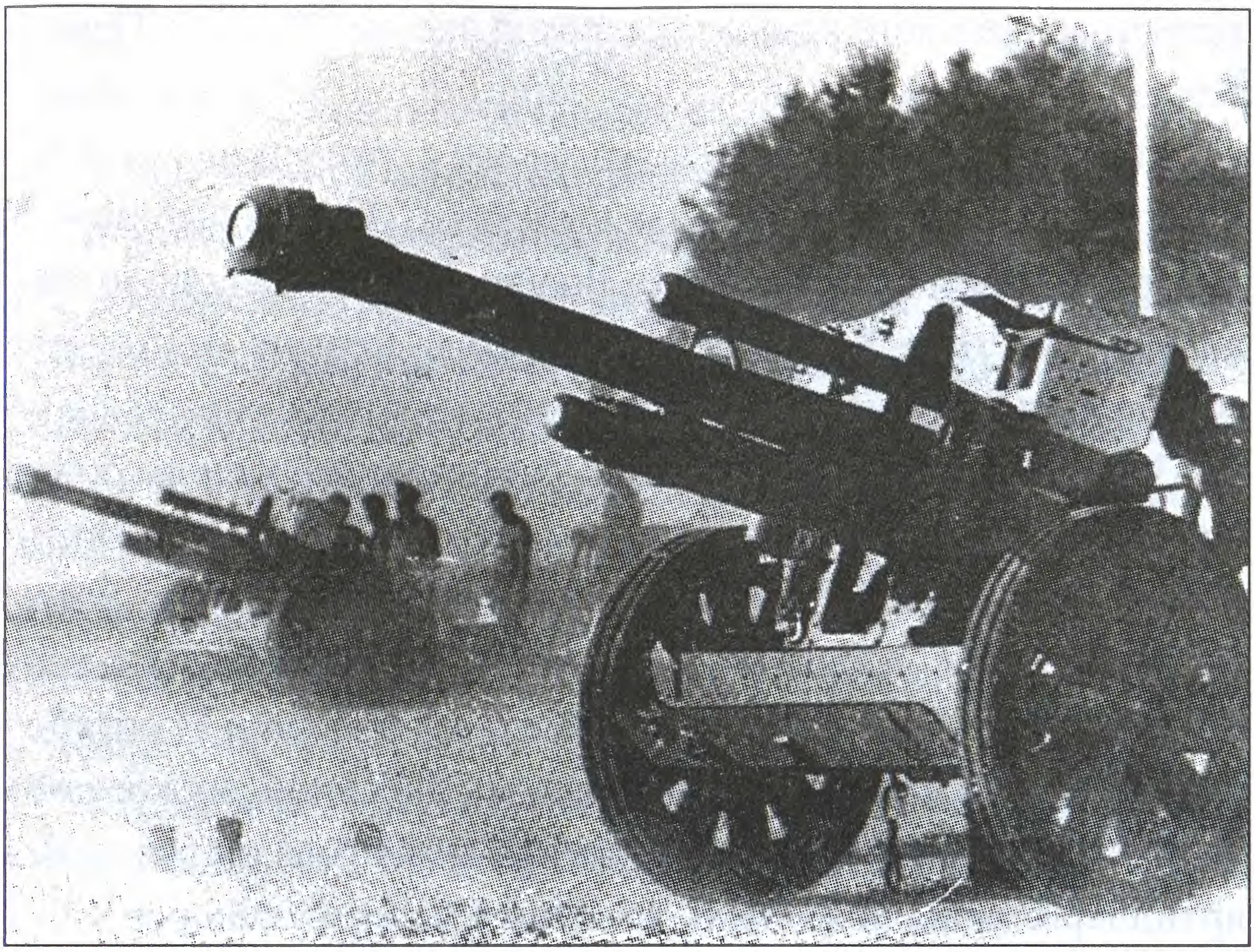
---

[1] NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command». Frame 379529.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 19.

[3] Хоффманн родился 29 декабря 1905 года.

[4] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 1, P. 379. 155-й артиллерийский полк входил в состав 21-й танковой дивизии и в 1942 году воевал на Северо-Африканском театре военных действий.



105-мм гаубица

данным офицерского ростера войск СС на 1 марта 1945 года, Хайнц Хоффманн был произведен в звание штурмбанфюрера СС 1 апреля 1941 года, что означает, что он служил в войсках СС уже в 1941 году (если, конечно, в ростере нет банальной опечатки). Хайнц Хоффманн погиб в автомобильной катастрофе 3 марта 1945 года[1] (по другим данным — 2 марта[2]).

После гибели Хоффманна полк возглавил штурмбаннфюрер СС Хайнц Лоренц, став вторым и последним командиром полка. Лоренц родился 12 января 1913 года в Хемнице. В СС вступил в начале августа 1931 года (билет № 16 393). Выпускник

---

[1] *Yerger M.* Op. cit. Vol. 1. P. 379.

[2] The Last Levy. P.72.

первого юнкерского класса юнкерской школы СС в Бад-Тёльце. После выпуска был зачислен в «Лейбштандарт», где прослужил вплоть до 12 июня 1939 года, когда его перевели на службу в артиллерийский полк частей усиления СС. С артиллерийским полком дивизии СС «Дас Райх» Лоренц прошел Западную кампанию 1940 года, Балканскую 1941 года, первую Восточную кампанию (был ранен), сражение за Харьков в феврале-марте 1943 года, операцию «Цитадель», бои на Миусе и снова бои за Харьков, на этот раз в августе 1943 года. С 1942 года Лоренц был командиром I дивизиона 2-го артиллерийского полка СС дивизии СС «Дас Райх». За отличия 7 августа 1944 года он был награжден Германским крестом в золоте. 13 сентября 1943 года Лоренц был тяжело ранен и к активной службе смог вернуться только через год — осенью 1944 года он возглавил артиллерийский полк 16-й дивизии СС «Рейхсфюрер СС». В ноябре 1944 года Лоренц был переведен в артиллерийский учебно-запасной полк СС в Праге, с частями которого и прибыл в дивизию СС «30 января»[1]. В формирующейся дивизии Лоренц был одним из самых заслуженных офицеров.

Следует сказать, что, по данным исследователя Д. Мура, в марте 1945 года 32-м артиллерийским полком СС командовал штурмбаннфюрер СС Херманн Шюнеманн[2], что, однако, не подтверждается другими источниками, в частности ветеранскими[3]. Отметим, что в феврале 1945 года Шюнеманн был

---

[1] *Yerger M.* German Cross in Gold, Vol. 1 P. 379.

[2] Шюнеманн родился 10 апреля 1912 года. Член СС (билет № 405 845). В августе 1942 года был командиром 12-й артиллерийской батареи 4-го артиллерийского полка СС.

[3] Именно так утверждает М. Йергер. Смотрите: *Yerger M.* German Cross in Gold, Vol. 1 P. 379.

командиром II дивизиона артиллерийского учебно-запасного полка СС, переданного в состав дивизии СС «30 января».

Командиром I артиллерийского дивизиона был штурмбаннфюрер СС Ульрих Эрнст[1], II — гауптштурмфюрер СС Альфред Маттауш[2] (по другим данным — гауптштурмфюрер СС Ценкер), III — гауптштурмфюрер СС Гюнтер Партоунс[3]. Интендантом полка (должность IVa) был оберштурмфюрер СС Рихард Шульц[4]. За исправное состояние автотранспорта отвечал гауптштурмфюрер СС Хайнц Зорге[5]. Должность штабсшарфюрера занимал гауптшарфюрер СС Маркс. Командиром 2-й артиллерийской батареи был оберштурмфюрер СС Ханс Шуфф[6].

Также известны следующие офицеры полка в звании унтерштурмфюрер СС: 24-летний Готфрид Шартль, ранее

---

[1] Эрнст родился 21 января 1908 года, в штурмбаннфюреры СС произведен 30 января 1944 года.

[2] Произведен в гауптштурмфюреры СС 30 января 1945 года.

[3] Партоунс родился 30 марта 1916 года. Произведен в гауптштурмфюреры СС 9 ноября 1943 года.

[4] Шульц родился 9 декабря 1915 года. Член СС (билет № 429 608). В январе 1941 года в звании роттенфюрера СС служил в штабной батарее артиллерийского полка бригады СС «Лейбштандарт», в сентябре 1941 года, уже в звании унтерштурмфюрера СС — в хлебопекарной роте хозяйственного батальона СС дивизии СС «Райх», в июне 1942 года занимал пост интенданта III дивизиона учебно-запасного артиллерийского полка СС.

[5] Зорге родился 26 февраля 1908 года. Член СС (билет № 126 407). В сентябре 1941 года служил в артиллерийском полку дивизии СС «Тотенкопф».

[6] Шуфф родился 13 ноября 1920 года. Член СС (билет № 423 783). В феврале 1943 года в звании унтерштурмфюрера СС служил во 2-й батарее артиллерийского полка дивизии СС «Лейбштандарт». Умер 2 марта 1991 года.

служивший в дивизии СС «Викинг»; 25-летний Рихард Шриннер (член СС, билет № 340 056), ранее служивший во 2-й батарее артиллерийского полка дивизии СС «Тотенкопф»; 29-летний Ханс Штёбе.

Испытываемая дивизией СС «30 января» нехватка тяжелого вооружения и различных военных материалов особенно отразилась на 32-м артиллерийском полку СС. Эта удручающая ситуация не изменилась и к апрелю. Согласно официальным штатам, каждая из батарей должна была состоять из шести орудий, однако в некоторых батареях было всего по три орудия. Все батареи испытывали постоянный недостаток боеприпасов, что еще больше усугубляло положение.

Здесь же отметим, что в своей книге, посвященной истории войск СС, оберстгруппенфюрер СС Пауль Хауссер охарактеризовал дивизию СС «30 января» следующим образом: «Она была слаба пехотой, но зато сильна артиллерией, своего рода “артиллерийская дивизия”»[1]. Однако после ознакомления с реальным положением дел в 32-м артиллерийском полку СС такие слова Хауссера могут восприниматься лишь как горькая ирония, если не издевка. Действительно, хороша «артиллерийская дивизия» из шести батарей, некоторые из которых были до конца не доукомплектованы! По-видимому, оберстгруппенфюрер СС Хауссер просто не имел понятия о реальном состоянии дел в дивизии, тем более что на фронте он с ней не пересекался, иначе бы вряд ли позволил себе делать такие далеко идущие утверждения.

Дивизионные части усиления были представлены следующими подразделениями.

---

[1] *Хауссер П.* Войска СС в действии. С.576.

32-й дивизион реактивных минометов СС[1]. Его основу составляли штаб, штабная батарея и одна легкая минометная батарея, переданные из учебно-запасного дивизиона реактивных минометов СС который дислоцировался в Люббинхене[2]. В тот момент в этом учебном дивизионе проходили полевые испытания три переданных в войска СС экспериментальных сверхтяжелых 300-мм реактивных миномета Raketenwerfer 56[3].

Итак, 4 февраля 1945 года эта 300-мм батарея реактивных минометов, дополнительно усиленная одной 210-мм реактивной пусковой установкой (по-видимому, эта единственная установка и составляла легкую батарею), была подчинена 32-й дивизии СС. Некоторые авторы считают, что тем самым было положено начало существованию 32-го дивизиона реактивных минометов СС[4], хотя официально подразделение с таким названием так и не было создано, а речь в данном случае может идти лишь о приданной дивизии отдельной батарее реактивных минометов СС. Личный состав для батареи был взят из 1-й батареи учебно-запасного дивизиона реактивных

---

[1] Это название использовано нами номинально. Хотя некоторые авторы и считают, что существовала часть с таким названием, однако это не совсем верно.

[2] The Last Levy. 1945. P. 71.

[3] Реактивный миномет Raketenwerfer 56 (RW 56) поступил на вооружение в 1944 году. Он выпускал реактивный снаряд Wurfkorper весом в 127 кг и калибром 300 мм из шести направляющих стволов. Дальность полета реактивного снаряда составляла 4550 м, однако ему недоставало точности. RW 56 мог производить полный залп за 10 секунд и два залпа в течение пяти минут.

[4] *Hart S., Hart R.* Weapons and fighting tactics of the Waffen-SS, P. 46.

минометов СС. Командиром батареи был унтерштурмфюрер СС Вальтер Вальдик, то есть, несмотря на передачу штаба и штабных подразделений, никто из старших офицеров учебно-запасного дивизиона к дивизии СС «30 января» не присоединился.

Уже изначально к этим реактивным установкам было ограниченное количество боеприпасов (минометы то были экспериментальными, и боеприпасов к ним было изначально немного), дополнительного оборудования и запасных частей, что, естественно, сказалось на их боевом применении. Возможно, что факт присоединения к дивизии четырех тяжелых реактивных минометов и послужил для Пауля Хауссера основой для заключения, что «30 января» была «артиллерийской дивизией», хотя, опять же, четыре реактивные установки, пусть и тяжелые, но при этом с крайне ограниченным боезапасом, существенно повлиять на мощь дивизии не могли. Подробности участия дивизиона в боевых действиях буду приведены ниже, а здесь просто отметим, что в февральских боях 1945 года на Одерском фронте сверхтяжелые реактивные минометы израсходовали все имеющиеся к ним боеприпасы. После этого дивизион был расформирован[1].

Однако на этом история реактивных минометов в дивизии СС «30 января» не закончилась. В самом конце февраля в состав дивизии ввели 506-й минометный дивизион СС, приказ о формировании которого был отдан 25 февраля. Этот дивизион первоначально формировался как корпусная часть VI армейского корпуса войск СС (латышский). Фактически это был последний минометный дивизион, сформированный в рамках

[1] Ibidem.

войск СС[1]. По данным Г. Тессина, он состоял из четырех батарей[2]. Одной из них была 521-я батарея реактивных минометов СС, сформированная по специальному приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Эта батарея имела на вооружении четыре 80-мм реактивные установки Raketen-Vielfachwerfer, которые, как правило, устанавливали на трофейные французские бронированные полугусеничные машины «Сомуа». Производились такие установки только для войск СС и в крайне ограниченных количествах[3]. Отметим, что по некоторым данным, 521-я батарея была объединена с 522-й батареей реактивных минометов СС[4]. Также 2 марта в состав подразделения была включена батарея из десяти 80-мм реактивных минометов под командованием гауптштурмфюрера СС Флеке, однако уже вскоре эта батарея была из дивизиона изъята[5].

Командиром 506-го минометного дивизиона СС был штурмбаннфюрер СС резерва Хайнрих Руппель[6]. Должность адъютанта дивизиона занимал унтерштурмфюрер СС Кифер.

32-й фузилерный батальон СС. Был создан в конце февраля в начале марта 1945 года. Состоял из четырех рот. Личный состав для укомплектования батальона в основном был заимствован из расформированной в начале февраля 1945 года музыкальной школы СС в Брауншвейге[7] (к этому моменту она была переведена в Бад-Сааров, поскольку основное здание шко-

---

[1] Ibidem.

[2] *Tessin G.* Op. cit. B. 11. S. 22.

[3] *Hart S., Hart R.* Op. cit. P. 46.

[4] *Семенов К.* Указ. соч. С. 252.

[5] *Landwehr R.* Op. cit. P. 80.

[6] Руппель родился 18 января 1901 года. В штурмбаннфюреры СС резерва произведен 9 ноября 1943 года.

[7] *Rikmenspoel M.* Waffen-SS Encyclopedia. P. 52.

лы было разрушено воздушными бомбардировками союзной авиации). Напомним, что фузилерами в вермахте именовали легкую пехоту, исполнявшую, главным образом, функцию поддержки гренадерских полков и разведчиков. В официальную немецкую военную терминологию это название было введено как дань прусским военным традициям и использовалось с конца 1942 года. Затем, указанием организационного отдела Генерального штаба сухопутных войск Главного командования сухопутных войск № I/3197/43 от 5 августа 1943 года (1-е издание) и 2 октября 1943 года (2-е издание) разведывательные батальоны пехотных дивизий были преобразованы в дивизионные фузилерные батальоны и отнесены к пехоте. По штатам пехотной дивизии 1945 года, фузилерный батальон должен был состоять из одной моторизованной роты тяжелого оружия (четыре станковых пулемета и два легких пехотных орудия), 2-й и 3-й рот (самокатных), имевших на вооружении только стрелковое оружие (без пулеметов), 4-й роты (кавалерийской) (на вооружении — девять пулеметов)[1].

Командиром батальона был гауптштурмфюрер СС Клинг. В завершение добавим, что данный батальон не фигурирует в боевом расписании дивизии, представленном в официальном ростере офицерского состава войск СС на 1 марта 1945 года, однако факт его существования сомнений не вызывает.

32-й противотанковый дивизион СС. История создания этого подразделения полна загадок и противоречий. Есть данные, что первоначально для образования первой противотанковой роты в дивизии была задействована группа «Рёсснер», прежде входившая в состав полка СС «Шилль» и состоявшая

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945, С. 472.

из двух батарей штурмовых орудий, заимствованных в школе штурмовых орудий СС в Буковани (Чехия) [1]. При этом какие-либо данные о количестве имеющихся в дивизии штурмовых орудий на февраль 1945 года отсутствуют.

Затем, уже к 4 февраля[2], было принято решение ввести в состав дивизии 16-й противотанковый дивизион СС (штаб, штабная рота, 1-я и 2-я батареи, рота снабжения)[3]. Этот дивизион изначально входил в состав 16-й панцер-гренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер СС», и зимой 1945 года находился на полигоне СС «Богемия» в Чехии, где проходил переподготовку. Отсюда его и направили на формирование 32-й дивизии СС; в конце февраля он стал 32-м противотанковым дивизионом СС. Так что командир этого 16-го противотанкового дивизиона СС гауптштурмфюрер СС Пауль Краусс стал командиром 32-го противотанкового дивизиона СС. Отметим, что в феврале 1945 года короткое время подразделением командовал 43-летний штурмбаннфюрер СС Рудольф Ноенфельд[4], прежний командир 16-го дивизиона штурмовых орудий СС. По-видимому, Нойенфельд заменял временно отсутствовавшего Краусса; вскоре он был ранен и Краусс окончательно возглавил дивизион.

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 20.

[2] Именно эта дата стоит в первом известном боевом расписании дивизии. Смотрите: NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command». Frame 379529.

[3] The Last Levy. P. 71.

[4] Ноенфельд родился 31 декабря 1902 года. Член СС (билет № 194 578). В январе 1940 года был адъютантом противотанкового батальона дивизии СС «Райх». Произведен в штурмбаннфюреры СС 9 ноября 1942 года. По некоторым данным, к указанному моменту Нойенфельд имел звание оберштурмбаннфюрера СС.

Все части дивизиона формировались по штатному расписанию, утвержденному 1 апреля 1944 года. Изначально структура дивизиона предусматривалась следующей: одна рота из 14 противотанковых самоходок «Ягдпанцер-IV», одна рота из 14 самоходок Stug-III, одна рота (3-я) из двенадцати буксируемых 75-мм противотанковых орудий (три батареи по четыре пушки и четыре пулемета в каждой), рота материально-технического обеспечения, плюс еще три самоходки «Ягдпанцер-IV» при штабе. При каждой «самоходной» роте предусматривался взвод гренадеров сопровождения, однако сразу отметим, что добиться этого не удалось. Вообще, однозначно точных данных о структуре 32-го противотанкового дивизиона СС на данный момент не существует. Но обо всем по порядку.

Итак, по данным Г. Нафцигера и Г. Тессина, 32-й противотанковый дивизион СС состоял из двух рот и зенитной роты[1]. Однако зенитное подразделение не предусматривалось штатами от 4 февраля. Не было оно создано и в дальнейшем, так как наличие в дивизионе зенитной роты не подтверждается другими источниками, в том числе и ветеранскими. В составленном Р. Михаэлисом[2] боевом расписании указано, что дивизион состоял из трех рот штурмовых орудий, плюс штаб, рота снабжения и материально-технического обеспечения и два взвода вооруженные 75-мм противотанковыми орудиями. Точное количество 75-мм противотанковых орудий во взводах определить трудно (тем более что об их существовании упоминает один Р. Михаэлис), но скорее всего, два-три орудия на взвод. Можно предположить, что эти взводы составляли 4-ю батарею (про существование которой, опять же, упоминает лишь один Р. Михаэлис).

С оснащением дивизиона бронетехникой вопросов несколько меньше, но и здесь не все до конца ясно. Как мы

---

[1] *Nafziger G.* The German Order Of Battle. P. 132; *Tessin G.* Op. cit. B. 5. S. 23.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 23.

уже отметили, дивизион изначально планировали оснастить семнадцатью самоходками «Ягдпанцер-IV». Такое намерение наверняка не было лишено оснований и явно опиралось на наличие данной бронетехники под рукой, очевидно, в 16-м противотанковом дивизионе СС. Отметим, что, по данным А. Муньоса, этот дивизион как раз и имел на вооружении противотанковые самоходные установки «Ягдпанцер-IV»[1].

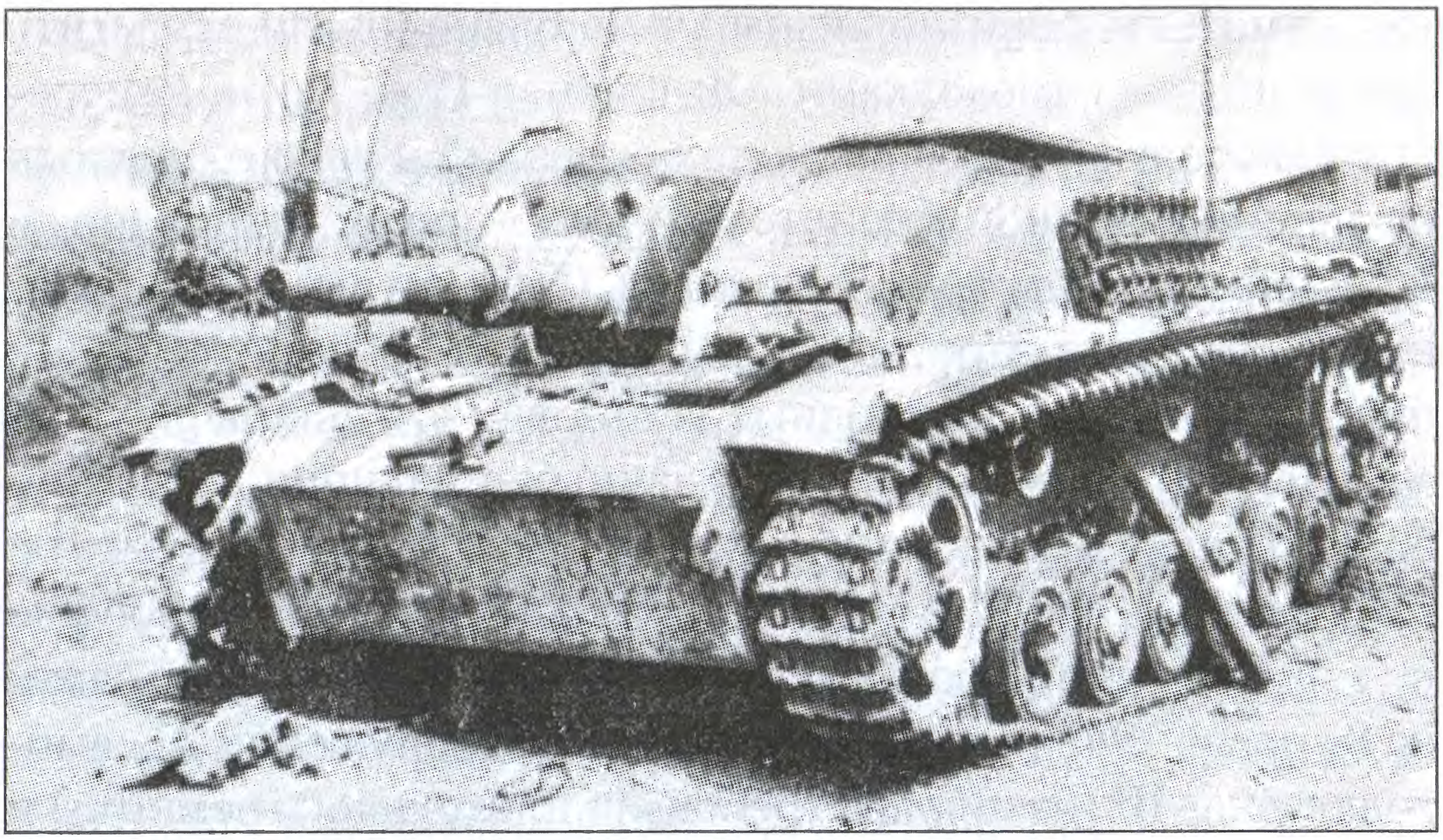
Вместе с этим, каких-либо данных о наличии в дивизии бронетехники именно такого типа нет, а известные документы говорят о том, что 32-й противотанковый дивизион СС вообще не имел ни одной противотанковой самоходки. Судите сами: на 8 апреля 1945 года дивизион имел на вооружении 22 самоходки Stug-III (из них две требовали длительного ремонта) и девять штурмовых самоходных гаубиц Stuh-42[2] (из них одна нуждалась в длительном ремонте)[3].

---

[1] The Last Levy. P. 71.

[2] В ходе войны самоходка Stug III с длинноствольным орудием превратилась в сугубо противотанковую машину поддержки пехоты. Вместе с этим, фронт нуждался в самоходных гаубицах, способных поражать цели за пределами прямой видимости. Для подобных целей было разработано новое штурмовое орудие на старой базе, вооруженное 105-мм гаубицей leFH 18 L/28 (длина ствола 2940 мм). Разработки этой штурмовой гаубицы начались зимой 1941—1942 годов, в 1942 году были произведены первые модели, а в марте 1943 года началось массовое производство. Официально именовалась SdKfz 142/2. Необходимо отметить, что большинство самоходных гаубиц Stuh-42 несли двухкамерный дульный тормоз, но машины, выпускаемые с осени 1944 года, дульного тормоза не имели. Всего было выпущено 1217 таких самоходных гаубиц. Вес — 23,9 т, скрость дивжения — 40 км/ч, экипаж — четыре человека. Дальность стрельбы составляла 10—12 км в зависимости от боеприпаса. Штатное количество выстрелов внутри машины составляло 36 единиц (в основном осколочно-фугасные (18—24 штуки), бронебойные (6—12) и кумулятивные (6—12)).

[3] *Тике В.* Падение Берлина, С. 589; *Michaelis R.* Op. cit. P. 20.



Штурмовая гаубица Stuh-42

Таким образом, фактически это был не противотанковый дивизион, а бригада штурмовых орудий[1], которая к этому моменту, по штату от 1 июня 1944 года для бригад с батареями по 10 орудий, как раз и должна была состоять из 22 штурмовых орудий и девяти штурмовых гаубиц. Необходимо отметить, что, по штатам, в пехотной дивизии должно было быть лишь 14 штурмовых орудий, так что 32-й противотанковый дивизион СС был почти в два раза сильнее, чем требовалось. Исходя из наличия бронетехники, можно предположить, что роты дивизиона были вооружены по разработанным для бригад штурмовых орудий штатам: три батареи по 10 орудий — семь штурмовых орудий Stug-III и три гаубицы Stuh-42 в каждой, плюс одна самоходка в штабе батальона. В свою очередь, Р. Михаэлис предполагает, что дивизион был укомплектован по-другому: две батареи самоходок

[1] К 1945 году войсковые дивизионы штурмовых орудий были переименованы в бригады.

Stug-III и одна батарея гаубиц Stuh-42 (плюс одна батарея 75-мм противотанковых орудий). Начальник оружейно-технической службы[1] дивизиона оберштурмфюрер СС Берманн также указал в своем дневнике, что 1-я и 2-я роты были оснащены Stug-III (скорее всего, Р. Михаэлис заимствовал свою информацию именно от Берманна). Тем не менее, нам такая постановка вопроса кажется крайне маловероятной, с учетом того, что командир дивизиона Краусс был фактически кадровым самоходчиком и вряд ли бы экспериментировал со структурой. Что касается Берманна, то его упоминание об оснащении дивизиона датировано разгаром боевых действий во второй половине апреля 1945 года, когда структура подразделений перемешалась.

В общем, противотанковый дивизион (а фактически — бригада штурмовых орудий, усиленная 75-мм противотанковыми орудиями) являлся главной ударной силой дивизии, одновременно играя роль и дивизиона штурмовых орудий, и противотанкового дивизиона, и особенно выделял «30 января» среди других немецких пехотных частей на Одерском фронте. Он был не только хорошо вооружен, но и, что немаловажно, хорошо организован, так как личный состав его был спаян и прошел совместную подготовку, в отличие от других подразделений дивизии.

Первоначально командиром 1-й роты дивизиона был оберштурмфюрер СС Эмиль («Джим») Шёттле[2], 3-й роты —

---

[1] На немецком — Technischer Fuhrer Waffen (TFW). Входила в состав роты материально-технического обеспечения.

[2] Шёттле родился 4 января 1914 года. Член СС (билет № 474 318). В феврале 1943 года как обершарфюрер СС служил в IV дивизионе артиллерийского полка дивизии СС «Дас Райх». В апреле 1944 года как унтерштурмфюрер СС — во 2-м дивизионе штурмовых орудий

унтерштурмфюрер СС Альфред Штахон[1]. Командиром роты материально-технического обеспечения был оберштурмфюрер СС Карл Хёрль (по другим данным, Хёрль был командиром 4-й роты), начальником оружейно-технической службы — оберштурмфюрер СС Берманн. Должность врача дивизиона занимал унтерштурмфюрер СС доктор Эгон Штраус[2]. Впоследствии командиры рот неоднократно менялись.

Командир дивизиона гауптштурмфюрер СС Пауль Краусс родился 16 сентября 1913 года в Кобурге. Он был ветераном СС (билет № 14 935), членом НСДАП (билет № 697 209). До войны служил в частях СС «Тотенкопф». В первый период войны воевал в составе дивизии СС «Тотенкопф». Окончил армейскую школу штурмовых орудий в Бурге. Принимал участие в антипартизанских операциях в Белоруссии. В 1943 году возглавил противотанковый дивизион бригады СС «Рейхсфюрер СС», которую вскоре переформировали в 16-ю панцер-гренадерскую дивизию СС «Рейхсфюрер СС». В 1944 году участвовал в сражении под Нарвой в составе 54-го противотанкового дивизиона СС (и даже временно исполнял

СС. Осенью 1944 года командовал батареей «Хетцеров» боевой группы «Шилль» в Словакии, отличился в боях и заслужил уважение у солдат боевой группы, имел прозвище «Джим». В ноябре 1944 года командовал 1-й ротой 17-го противотанкового дивизиона СС. В феврале 1945 года возглавил 1-ю роту 32-го противотанкового батальона СС.

[1] Штахон родился 5 октября 1920 года. Член СС (билет № 498 110). В январе 1943 года служил в артиллерийском учебно-запасном полку СС.

[2] Штраус родился 2 августа 1918 года. Данных о членстве в СС не имеется. В октябре 1944 года был врачом 16-го противотанкового батальона СС дивизии СС «Рейхсфюрер СС». С этим батальоном и прибыл в «30 января».

обязанности командира дивизиона) бригады СС «Недерланд», награжден Железным крестом I класса. Затем служил в дивизии СС «Нордланд», а в марте 1945 года был снова переведен в дивизию СС «Рейхсфюрер СС», на свою прежнюю должность командира противотанкового дивизиона. Однако формально в рядах 16-й дивизии СС он уже не воевал, практически сразу же отправившись вместе со своим дивизионом в ряды дивизии СС «30 января».

32-й зенитный дивизион СС. При формировании дивизии изначально планировалось, что в дивизию должны были войти два зенитных дивизиона люфтваффе организованные по своим собственным штатам, однако этого так и не случилось.

Указанный же дивизион был развернут на основе «дивизиона особого назначения» при Главном оперативном управлении СС, который, в свою очередь, был сформирован в конце 1944 года из частей зенитного учебно-запасного полка СС в Мюнхене[1], в основном на базе I дивизиона полка. Командир последнего гауптштурмфюрер СС Фриц Лёшниг[2] и стал первым командиром дивизиона особого назначения. По началу этот дивизион состоял из четырех батарей: 1-я имела на вооружении шесть 88-мм зенитных орудий, 2-я — девять 37-м зенитных орудий, 3-я и 4-я — по двенадцать 20-мм зенитных

---

[1] Командиром полка был оберштурмбаннфюрер СС Рудольф Дирнагель.

[2] Лёшниг родился 15 августа 1918 года. Член СС (билет № 276 410). Выпускник юнкерской школы СС в Бад-Тёльце. 23 сентября 1943 года награжден Германским крестом в золоте, как командир 1-й батареи зенитного дивизиона кавалерийской дивизии СС. Послевоенная судьба неизвестна.

орудий в каждой. Также имелись штабная батарея и легкая зенитная колонна. 31 января 1945 года по железной дороге из Мюнхена, через Треббин — Цоссен — Фюрстенвальде дивизион был переброшен в район Бад-Сааров, куда прибыл 4 февраля. Дивизион непосредственно подчинялся Главному оперативному управлению СС (как раз дислоцировавшемуся в Бад-Саарове и носившему кодовое название оперативный штаб «Айсберг») и имел задачу обеспечивать противовоздушную защиту Бад-Саарова, а в случае чего — вступить в бой с прорвавшимися вражескими танками.

В начале марта зенитный дивизион особого назначения (из которого изъяли 4-ю батарею) был передан V горному корпусу СС, хотя у корпуса и имелся свой собственный зенитный дивизион — 505-й зенитный дивизион СС штурмбаннфюрера СС Герда Тобина.

Теперь дивизион получил наименование 550-й зенитный дивизион СС. 1-я батарея дислоцировалась на высотах перед Риссеном, 2-я батарея — в Брискове, а 3-я батарея обеспечивала противовоздушную и противотанковую оборону моста между Политцом и Цильтендорфом. Части обоза дивизиона вместе с подразделениями учебно-запасного батальона и двумя небольшими боевыми группами войск СС занимали позицию на линии Риссен — Политц[1].

В середине марта дивизион передали под командование 32-й дивизии СС. Такое решение было обусловлено тем, что в дивизии не было своей собственной зенитной части. Правда, ей был подчинен (с 4 февраля 1945 года) 1204-й зенитный дивизион люфтваффе под командованием гауптмана Эссера,

[1] *Stober H.* Die Flugabwehrverbande der Waffen-SS. S. 360.

с командным пунктом в Шёнфлисе[1], однако это был дивизион люфтваффе, а не войск СС. Немаловажной причиной являлось и то, что батареи 550-го дивизиона и так находились в секторе обороны дивизии.

В это же время новым командиром дивизиона был назначен гауптштурмфюрер СС резерва Эвальд Кейк[2]. 1 апреля 1945 года Кейк заболел и был временно заменен гауптштурмфюрером СС Карлом Хохенгасснером[3], прежним командиром штабной батареи. Однако так получилось, что именно Хохенгасснер стал последним командиром дивизиона и прокомандовал им до конца войны.

Первым адъютантом дивизиона был унтерштурмфюрер СС Ханс-Герхард Шварц[4], погибший 1 апреля 1945 года; по-

---

[1] Ibidem.

[2] Кейк родился 25 мая 1911 года. В СС вступил в 1932 году (билет № 38 171), служил в 25-м штандарте СС, где получил звание оберштурмфюрера СС. В 1939 году служил в армейском противотанковом подразделении, в январе 1940 года вступил в войска СС как унтерштурмфюрер СС резерва. Во время Западной кампании 1940 года был командиром взвода противотанкового батальона дивизии СС «Тотенкопф». Затем служил в различных зенитных подразделениях войск СС, в том числе и в известном зенитном дивизионе СС «Ост». В 1942 году Кейк стал командиром зенитного дивизиона кавалерийской дивизии СС (будущая «Флориан Гейер»). В 1944 году командовал 19-м зенитным дивизионом СС 19-й дивизии СС (латышской № 2). Кавалер Железного креста II и I классов. Умер в 1973 году.

[3] Хохенгасснер родился 25 января 1906 года. Член СС (билет № 135 644). В апреле 1941 года служил в артиллерийском полку дивизии СС «Викинг». Через год, в апреле 1942 года — в зенитном дивизионе СС «Ост».

[4] Шварц родился 30 января 1923 года. В декабре 1944 года служил в 12-м зенитном дивизионе СС дивизии СС «Гитлерюгенд». Убит 1 апреля 1945 года.

сле него эту должность занял унтерштурмфюрер СС Кёбль. Остальные должности занимали: квартирмейстер — унтерштурмфюрер СС Рюттгерс; врач — лейтенант медицинской службы доктор Коссманн, переведенный из люфтваффе; штабсшарфюрер — гауптшарфюрер СС Эрмих. Командир 1-й батареи — оберштурмфюрер СС Хюбнер, 2-й — оберштурмфюрер СС Густав Дейшле[1], 3-й — оберштурмфюрер СС Хиблер, а затем штандартенобербюнкер СС Щольц.

Из всего этого следует, что фактически для дивизии СС «30 января» не создавали специального зенитного дивизиона, придав дивизии приданный корпусу дивизион, который даже не посчитали нужным переименовать. Однако с учетом того, что в литературе, в том числе и в справочной[2], частенько упоминается именно 32-й зенитный дивизион СС, мы сочли возможным также использовать здесь это название[3].

32-й саперный батальон СС. Штаб батальона формировался по штату от 1 сентября 1944 года (*KStN 702V*), саперные роты — по штату от 1 апреля 1944 года. По штатам пехотной дивизии 1945 года, саперный батальон должен был иметь на вооружении только стрелковое оружие[4]. Формирование батальона проходило в лагере РАД в Фюнфайхене. Первоначаль-

---

[1] Густав Дейшле родился 10 июня 1910 года. Член СС (билет № 225 434). В 1941 году в звании гауптшарфюрера СС служил во 2-й батарее зенитного дивизиона дивизии СС «Райх». В июне 1944 года числился в списках личного состава 4-й батареи 4-го зенитного дивизиона СС полицейской дивизии СС. Умер 11 сентября 1980 года.

[2] *Tessin G.* Op. cit. B. 5, S. 23; *Nafziger G.* Op. cit. P. 132.

[3] Все же отметим, что историк зенитных частей СС Х. Штобер придерживается именно официального названия дивизиона — 550-й зенитный дивизион СС.

[4] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 472.

ной основой батальона послужили саперные подразделения боевого полка СС «Шилль»[1]. Первым командиром батальона был назначен гауптштурмфюрер СС Кёниг, погибший в бою 15 февраля 1945 года. После этого новым командиром батальона стал штурмбаннфюрер СС Карл Худитц[2], которого 25 февраля сменил гауптштурмфюрер СС Курт-Йоахим Шютте[3].

Основу батальона составил персонал специализированной саперной школы войск СС «Градишко», из которой в «30 января» были переданы штаб, 1-я и 2-я саперные роты и пехотный взвод. Эти подразделения составили 1-ю и 2-ю роты батальона. 3-я рота была сформирована прямо в Фюнфайхене из венгров и румын (по-видимому, это были обычные рабочие, завербованные немецкими трудовыми службами), большинство из которых даже не говорило по-немецки. Несмотря на все эти трудности, уже 5 февраля батальон был брошен в горнило бушующего на Одерском фронте сражения, где понес очень тяжелые потери.

10 марта 32-й саперный батальон СС был усилен остатками боевой группы «Френкен». Эта состоявшая из трех рот группа была сформирована из персонала саперной школы СС в Дрездене (саперный учебно-запасной полк СС) и использовалась как корпусная часть в боях на Одере. После «слияния» командир боевой группы «Френкен» опытный

---

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 11.

[2] Худитц родился 23 ноября 1914 года. В штурмбаннфюреры СС произведен 21 июня 1944 года.

[3] Шютте родился 8 июня 1918 года. Член СС (билет № 346 833). В ноябре 1943 года был командиром 3-й роты 1-го саперного батальона СС дивизии СС «Лейбштандарт».

гауптштурмфюрер СС Лоренц Френкен[1] был назначен командиром 32-го саперного батальона СС — это случилось 11 марта. Что касается Шютте, то он был назначен командиром 54-го саперного батальона СС дивизии СС «Недерланд».

Адъютантом батальона был оберштурмфюрер СС Браузеветтер, а штабсшарфюрером — гауптшарфюрер СС Буссе. Со 2 февраля командиром 1-й роты был оберштурмфюрер СС Атц, а после его гибели 15 февраля, с 20 февраля и до конца войны — оберштурмфюрер СС Карл-Георг Штайнер[2]. Есть также данные, что командиром 1-й роты в феврале 1945 года был оберштурмфюрер СС Герберт Зеллманн[3]; возможно, он исполнял обязанности командира пять дней до назначения Штайнера. Штабсшарфюрером 1-й роты был гауптшарфюрер СС Фишер. Командиром 2-й саперной роты был оберштурмфюрер СС Рейнхольд Штаух[4]. Известен еще один

---

[1] Френкен родился 29 июля 1913 года в Мангейме. Член СС (билет № 200 891). В июле 1941 года служил во 2-й роте саперного батальона дивизии СС «Райх». Кавалер Железного креста II и I классов. В ноябре командовал 2-й ротой 1-го саперного учебно-запасного батальона СС в Дрездене.

[2] Штайнер родился 17 декабря 1919 года. Член СС (билет № 452 048). В сентябре 1944 года был командиром 1-й роты 9-го саперного батальона СС дивизии СС «Гогенштауфен», участник сражения за Арнем и битвы в Арденнах. Умер 22 августа 1983 года.

[3] Зеллманн родился 14 декабря 1916 года. Летом 1944 года служил в одной из панцер-гренадерских школ войск СС.

[4] Штаух родился 28 декабря 1906 года. Член СС (билет № 200 408). В январе 1941 года Штаух в звании унтершарфюрера СС служил в 1-й роте саперного батальона дивизии СС «Тотенкопф». В ноябре 1941 года уже в звании унтерштурмфюрера СС служил в 1-й роте саперного батальона дивизии СС «Викинг». В декабре 1944 года был командиром 3-й роты 22-го саперного батальона СС кавалерийской дивизии СС «Мария Терезия». Погиб в апреле 1945 года.

Теодор Буссе, командующий 9-й армией

офицер батальона — оберштурмфюрер СС Хайнрих Шютт, который как штандартеноберюнкер СС в октябре 1941 года служил в 16-й роте полка СС «Дойчланд» и был ранен в бою в районе Гжатска 9 октября 1941 года[1].

Отметим, что согласно официальному боевому расписанию дивизии от 4 февраля 1945 года, батальон состоял из двух рот. Эту информацию подтверждают Г. Нафцигер и Г. Тессин, по данным которых 32-й саперный батальон СС состоял из двух рот (взятых из «Градишко»)[2], хотя на основе имеющихся данных мы все же пришли к выводу, что рот в батальоне было все же три, по крайней мере в первый период его существования (февраль 1945 года). Правда, в дальнейшем, после тяжелых потерь в феврале 1945 года и слияния с боевой группой «Френкен» их количество могли сократить до двух более-менее полнокровных.

Согласно боевому расписанию, 1-я и 2-я саперные роты имели по два 81-мм миномета каждая, 11 пулеметов (2 тяжелых и 9 легких) и шесть огнеметов. 1-я рота была самокатной, то есть оснащенной велосипедами.

---

[1] Шютт родился 10 марта 1915 года. Член СС (билет № 232 092).

[2] *Nafziger G.* Op. cit. P. 132; *Tessin G.* Op. cit. P. B. 5. S. 23.

Обратите внимание, что, по данным современных российских историков, в 32-м саперном батальоне СС 2-я и 3-я роты на 70 % состояли из балтийских немцев (фольксдойче), советских немцев (в основном выходцев из Поволжья), подсоветских русских и украинцев[1]. Кроме того, по этим же данным, одной из рот 32-го саперного батальона СС командовал бывший лейтенант Красной армии по фамилии Антонов, носивший звание унтерштурмфюрер СС[2] и имевший несколько немецких наград, в том числе «золотую планку отличия за храбрость»[3]. Скорее всего, здесь имеется в виду унтерштурмфюрер СС Василий Антонов, родившийся 13 августа 1921 года, который, по данным Д. Мура, в марте 1945 года занимал пост командира 5-й роты 2-го батальона 87-го полка СС (то есть в 32-м саперном батальоне СС он не служил). К этому человеку мы еще вернемся ниже, в разделе об иностранных добровольцах в дивизии.

32-й батальон связи СС, основу которого составляли две роты связи из подразделений полигона СС «Курмарк»[4] и подразделения из учебного батальона связи СС в Айхштадте[5] состоял из двух моторизованных рот (радиорота и

---

[1] *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта. С.193; *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. Судьбы белогвардейцев. С.197.

[2] О. Гончаренко указал, что Антонов командовал всем 32-м саперным батальоном, что, как мы увидели, далеко от действительности. Смотрите: *Гончаренко О.Г.* Указ. соч. С.197.

[3] Приведший данную информацию К.М. Александров (Указ. соч. С. 193), ссылается на Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Ф. 338. Оп. 8714. Д. 6744. Л. 112—114).

[4] The Last Levy. P. 71.

[5] *Michaelis R.* Op. cit. P. 21.

телефонная рота) и легкой колонны связи[1]. Подразделения батальона формировались по штатам от 1 ноября 1944 года. Командиром батальона был гауптштурмфюрер СС резерва Пауль Бартон[2], командиром 1-й роты, телефонной, был оберштурмфюрер СС Карл-Хайнц Шлама[3], а радиороты (2-й) — оберштурмфюрер СС Фауланд. Во 2-й роте также служил унтерштурмфюрер СС Ханс Шмид[4]. Адъютантом батальона был унтерштурмфюрер СС Герхард Штайнерт[5].

32-й полевой запасной батальон СС. Состоял из четырех рот[6] (по расписанию дивизии от 4 февраля, рот планировалось пять[7]). Батальон был сформирован по штатам от 1 апреля 1944 года (*KStN 125A*) для подготовки прибывшего пополнения. Дело в том, что в дивизию прибывало большое количество военнослужащих, переведенных из люфтваффе и кригсмарине, которые не были обучены навыкам ведения боя как обычные пехотинцы, а также мобилизованных при-

---

[1] Ibid. P. 23.

[2] Бартон родился 30 апреля 1912 года. В гауптштурмфюреры СС резерва произведен 20 апреля 1943 года.

[3] Шлама родился 30 октября 1913 года. В январе 1945 года служил в 1-й роте 105-го батальона связи СС V горного корпуса СС.

[4] Шмид родился 26 сентября 1923 года. В мае 1943 года служил связистом в 10-м разведывательном батальоне СС, в мае 1944 года — во 2-й роте 8-го батальона связи СС, в октябре 1944 года — офицер связи в 8-м саперном батальоне СС (оба последних подразделения из состава дивизии СС «Флориан Гейер»).

[5] Штайнерт родился 29 декабря 1923 года. В апреле 1944 года служил во 2-й роте 9-го батальона связи СС дивизии СС «Гогенштауфен». Умер 26 октября 1910 года.

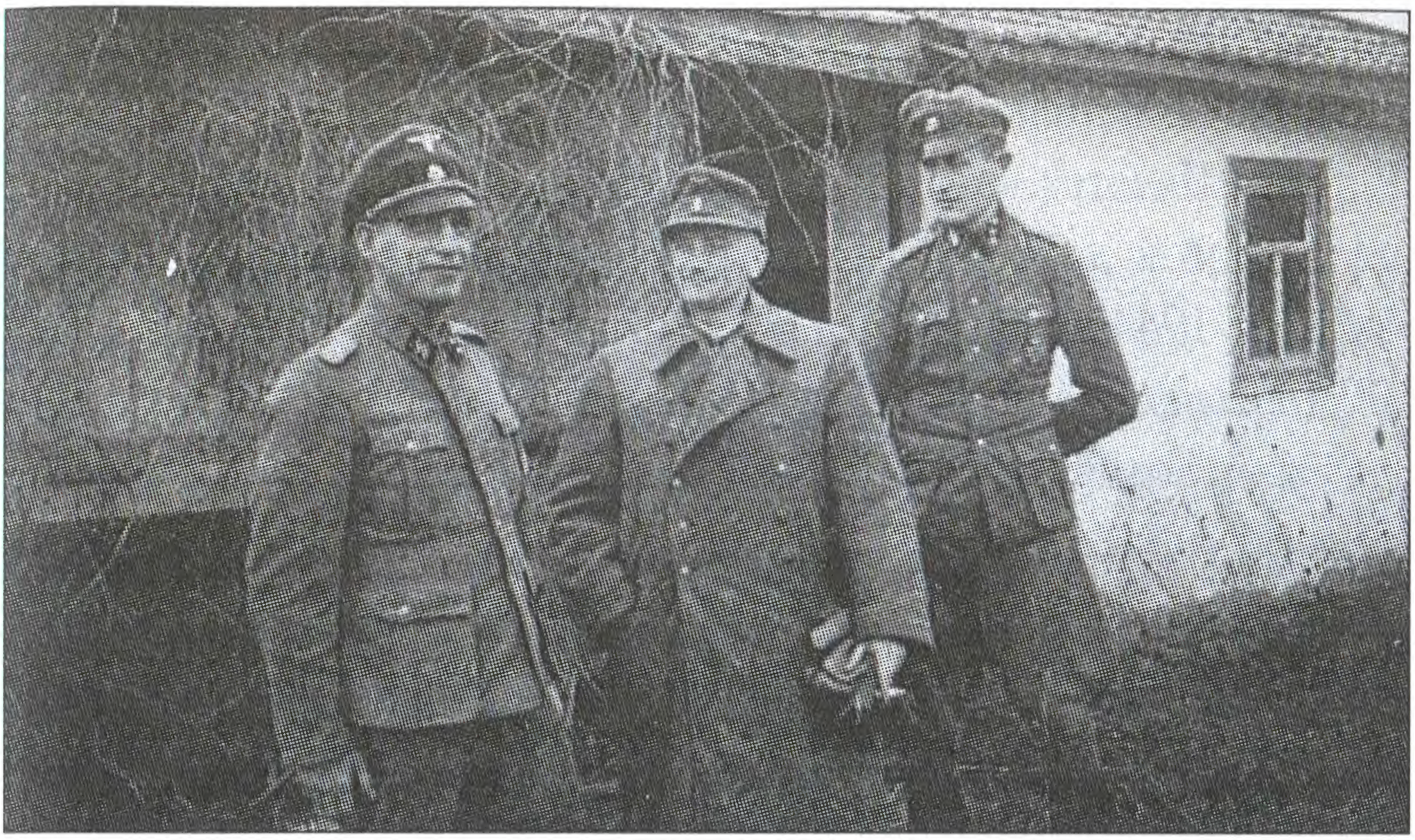
[6] *Michaelis R.* Op. cit. P. 23.

[7] NARA, T-78, Roll-411 «Records of the Headquarters of the German Army High Command». Frame 379529.

зывников. Вот для их первичного обучения и был нужен полевой запасной батальон. Срок нахождения солдат в батальоне обычно варьировался от нескольких недель до месяцев, однако в случае с «30 января» он вряд ли превышал две-три недели. После прохождения службы в учебно-запасном батальоне солдат распределяли по строевым частям.

Первым командиром батальона был штурмбаннфюрер СС Бернхард Бартельт. Он родился 4 марта 1901 года и был ветераном СС (билет № 27 759). До войны он служил в СД, а в 1940 году как офицер резерва был зачислен в штаб дивизии СС «Тотенкопф», с которой прошел первую Восточную кампанию, после чего был направлен на службу в одну из учебных частей войск СС в Праге. В штурмбаннфюреры СС был произведен 20 апреля 1943 года. Летом 1944 года командовал 11-м учебно-запасным батальоном СС дивизии СС «Нордланд», на этом посту был заменен Вилли Швайтцером (будущий кавалер Рыцарского креста). Осенью 1944 года Бартельт служил в боевой группе «Шилль», в составе которой и пришел в дивизию СС «30 января», где его сразу поставили во главе учебно-полевого батальона. В марте 1945 года Бартельт был убит (точная дата гибели неизвестна).

После его гибели батальон возглавил опытнейший оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Плёв, один из ветеранов СС и войск СС. Плёв родился 3 февраля 1904 года в Кенигсберге. В 1919—1931 годах он служил в Рейхсвере, достигнув чина фельдфебеля. В СС вступил 26 февраля 1932 года (билет № 29 429), служил в 18-м штандарте СС в Кенигсберге. 11 мая 1933 года Плёв вступил в «Лейбштандарт», став одним из первых его членов. 25 июня 1934 года он вступил в части усиления СС, где и служил на разных должностях вплоть до



Вальтер Плёв (крайний слева) в период своей службы в дивизии СС «Нордланд»

начала войны. В феврале 1941 года Плёв уже был командиром III батальона полка СС «Нордланд». В мае 1943 года Плёв был зачислен в зенитный учебно-запасной полк СС в Мюнхене, а осенью 1943 года окончил курсы командиров тяжелых зенитных дивизионов в 1-й армейской школе зенитной артиллерии. После этого он был назначен командиром 11-го зенитного дивизиона СС дивизии СС «Нордланд». В оберштурмбаннфюреры СС произведен 9 ноября 1944 года. За заслуги на этом посту Плёв был награжден Германским крестом в золоте, 13 января 1945 года. И именно с этой должности он был переведен в «30 января» командиром учебно-полевого батальона[1], которым и прокомандовал до конца войны[2].

---

[1] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 3. P. 122.

[2] Отметим, что на должности командира 11-го зенитного дивизиона СС его заменил штурмбаннфюрер СС Эмиль Курц. Плёв пережил войну и умер 1 января 1977 года.

Командиром 1-й роты был унтерштурмфюрер СС Эмиль Дейшле[1]. В батальоне также служил оберштурмфюрер СС Ханс-Юрген Шмидт[2], который в 1942 году был одним из немецких офицеров в добровольческом легионе СС «Недерланд», а в октябре 1944 года служил в 15-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 1). Шмидт погиб в апреле 1945 года.

32-й хозяйственный батальон СС. Состоял из хлебопекарной роты (*KStN 671SS от 1 января 1945 года*) и роты мясников (*KStN 676SS от 1 января 1945 года*). Личный состав и костяк частей были взяты из учебно-запасного батальона СС при административной службе СС в Дахау[3]. По другим данным, личный состав для хлебопекарной роты и роты мясников был заимствован из расформированных подразделений 21-й горной дивизии войск СС «Скандербег» (албанская № 1) [4]. В состав батальона входил и 32-й полевой почтамт СС, персонал для которого был взят из 2-го автомобильного учебно-запасного полка СС, дислоцировавшегося в Веймаре[5]. Предположительно, командиром батальона был штурмбанн-фюрер СС Отто Кюстер.

32-й взвод фельджандармерии СС. Личный состав для создания этого очень важного для дивизии подразделения также был заимствован из 2-го автомобильного учебно-запасного полка СС, дислоцировавшегося в Веймаре[6]. Взвод фельджан-

---

[1] Эмиль Дейшле родился 1 февраля 1920 года. Член СС (билет № 399 568). Выпускник юнкерской школы СС в Брауншвейге.

[2] Шмидт родился 27 декабря 1920 года. Член СС (билет № 423 939).

[3] The Last Levy. P. 71.

[4] *Michaelis R.* Op. cit. P. 22.

[5] The Last Levy. P. 71.

[6] Ibidem.

дармерии был приписан к штабу дивизии и формировался по штату от 1 ноября 1943 года (*KStN 2033c*).

Моторизованная санитарная рота была практически целиком заимствована из состава запасного санитарного батальона СС в Штеттине (однако номер ее в этом батальоне неизвестен). По данным Р. Михаэлиса, сюда же, в роту был направлен персонал медицинской академии СС в Граце, госпиталя войск СС в Праге и 505-го санитарного батальона СС[1] (корпусная часть V горного корпуса СС), а Р. Ландвер настаивает на зачислении в роту личного состава 21-й санитарной роты СС из албанской дивизии СС «Скандербег»[2]. Рота формировалась по штату от 1 августа 1944 года (*KStN 1314gek.*). При роте имелась одна колонна машин скорой помощи.

32-я ветеринарная рота СС была сформирована по штату от 1 сентября 1944 года (*KStN 1416*) из военнослужащих ветеринарного учебно-запасного батальона (подразделения) СС, дислоцировавшегося в Вандерне[3]. Отметим, что Р. Михаэлис указывает, что на формирование роты, кроме чинов баатльона из Вандерна, были направлены солдаты из «ветеринарного учебного батальона СС»[4], однако суть в том, что подобного батальона в войсках СС никогда не существовало — в СС был лишь один учебный батальон для подготовки ветеринаров — в Вандерне[5].

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 22.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 11.

[3] Ветеринарное учебно-запасное подразделение СС в Вандерне было создано в 1943 году для подготовки специалистов по лечению конского состава для войск СС.

[4] *Michaelis R.* Op. cit. P. 22.

[5] Вывод на основе данных приведенных в справочнике *Семенов К.* Войска СС. Солдаты как все.

32-й полк снабжения СС. Был полком чисто номинально, состоял из двух рот, организованных по штату (*KStN 661SS от 1 января 1945 года*). Личный состав и костяк роты были взяты из учебно-запасного батальона СС при административной службе СС в Дахау[1]. Отметим, что в боевом расписании дивизии на 1 марта 1945 года полк снабжения не фигурирует (хотя его создание предусматривалось боевым расписанием дивизии от 4 февраля 1945 года, причем он должен был состоять из четырех рот). Однако согласно данным Р. Михаэлиса[2] и Г. Нафцигера[3] он все же существовал.

В целом полностью формирование и реорганизация дивизии завершились только в апреле 1945 года.

По общепризнанным данным, максимальное количество личного состава дивизии СС «30 января» на пике численности составляло около 12 000 человек[4]. Однако эти оценки чересчур оптимистичны, фактически дивизия вряд ли достигала такой численности. Подробнее об этом речь пойдет ниже, а сейчас просто укажем, что общая численность дивизии могла достигать немногим более 11 000 солдат и офицеров, что и так являлось очень неплохим результатом как для апреля 1945 года. При этом на 15 апреля 1945 года ее боевой состав[5] насчитывал 6703 военнослужащих[6].

---

[1] The Last Levy. P. 71.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 23.

[3] *Nafziger G.* Op. cit. P. 132.

[4] *Landwehr R.* Op. cit. P. 11; *Семенов К.* Указ. соч. С. 182; *Уильямсон Г.* Дивизии СС. 24. Gebirgs SS-Division — 38. SS-Division «Nibelungen». С. 22.

[5] Kampf-Staerke, то есть те военнослужащие, которые непосредственно участвуют в бою, без тыловых служб.

[6] *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder: The Decisive Battle for Berlin. P. 273.

Исследование данных Германского Красного креста[1] показало, что почти 75 % военнослужащих дивизии были молодыми людьми в возрасте от 17 до 24 лет, причем 2/3 из них были 18—19 летними юношами. 15 % военнослужащих были в возрасте от 35 до 45 лет и 10 % — старших возрастных категорий[2]. При анализе возрастных категорий личного состава дивизии обращает на себя внимание практически полное отсутствие в «30 января» военнослужащих в возрасте 25—35 лет, что является отражением сложной ситуации с укомплектованием войск, сложившейся к этому моменту в Германии.

Кроме должностных лиц, известно лишь очень немного офицеров, служивших в дивизии СС «30 января». Одним из них был оберштурмфюрер СС Ханс-Хайнрих Клаусс, за-численный в дивизию в конце февраля 1945 года. До этого Клаусс командовал 2-й батареей 8-го зенитного дивизиона СС 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер», за заслуги на этом посту был награжден Германским крестом в золоте 27 января 1945 года[3]. Дивизия СС «Флориан Гейер» была уничтожена в Будапеште 12 февраля 1945 года, только незначительное число ее военнослужащих сумело благополучно вырваться из окружения и пробиться к немецким

---

[1] Даты рождения 1600 военнослужащих дивизии внесенных в книгу «Пропавшие без вести» Германского Красного креста.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 15.

[3] Клаусс родился 15 декабря 1919 года. Член СС (билет № 421 060). Сначала служил в 1-й роте полка СС «Нордланд». Выпускник юнкерской школы СС в Брауншвейге, окончил 6-й юнкерский класс (1 мая — 15 сентября 1941 года). Затем служил в зенитном дивизионе СС «Ост», откуда и был переведен в кавалерийскую дивизию СС (будущая «Флориан Гейер»).

войскам, Клаусс был одним из них. Сам факт его попадания в дивизию СС «30 января» очень интересный, ведь обычно уцелевшие чины из «Флориан Гейер» направлялись на формирование новой 37-й кавалерийской дивизии СС «Лютцов», а Клаусса, напротив, направили в 32-ю гренадерскую дивизию СС[1]. Должность его в дивизии неизвестна; по некоторым данным, Клаусс вскоре даже покинул дивизию, однако затем вернулся в нее снова, возглавив в конце войны приданный дивизии 550-й зенитный дивизион. Однако однозначное подтверждение или опровержение данного факта отсутствует[2], тем более что последним командиром дивизиона числится гауптштурмфюрер СС Карл Хохенгасснер.

Одним из ключевых постулатов апологетики войск СС является утверждение, что войска СС не имели никакого отношения к нацистским концентрационным лагерям. Однако факты свидетельствуют, что это утверждение ложно[3]. Во всех дивизиях СС служили бывшие солдаты из персонала концлагерей. Не стала исключением и дивизия СС «30 января». Как мы уже отмечали выше, в ряды дивизии было зачислено некоторое количество бывшего охранного персонала концлагерей.

---

[1] Другой подобный пример — вышеупомянутый оберштурмфюрер СС Рейнхольд Штаух, прежний командир 3-й роты 22-го саперного батальона СС дивизии СС «Мария Терезия», ставший в «30 января» командиром 2-й саперной роты, а также унтерштурмфюрер СС Ханс Шмид из 2-й роты батальона связи.

[2] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 4. P. 209.

[3] В одной из наших работ мы уже коротко касались этого вопроса. Смотрите: *Пономаренко Р., Залесский К., Семенов К.* Войска СС без грифа секретности, С. 19—20.

Кроме этого, среди офицеров, служивших в дивизии, минимум двое ранее служили в частях СС «Тотенкопф» в качестве персонала концентрационных лагерей. Это оберштурмбаннфюрер СС Вернер Камольц и штурмбаннфюрер СС Отто Кюстер. Камольц родился 20 января 1910 года в Познани. Член СС (билет № 259 367), член НСДАП (билет № 1 422 318). В 1938—1939 годах он служил помощником врача в концлагере Бухенвальд. Затем, в 1940—1941 годах служил в дивизии СС «Тотенкопф», в 1943—1945 годах — в горной дивизии СС «Норд», откуда и был переведен в «30 января». Кавалер Железного креста II класса. Должность Камольца в 32-й дивизии СС неизвестна[1], хотя можно предположить, что он занял пост дивизионного врача или его помощника.

Кюстер родился 8 января 1908 года в Пассендорфе. Член СС (билет № 73 841), член НСДАП (билет № 668 271). В 1935—1936 годах служил в администрации концлагеря Лихтенбург, а в 1937—1939 — в администрации концлагеря Дахау. В 1942—1943 годах воевал в составе полицейской дивизии СС. С 20 апреля 1943 года по 24 сентября 1944 года Кюстер командовал 13-м хозяйственным батальоном СС 13-й горной дивизии войск СС «Хандашар», был единственным, кто занимал эту должность[2]. В 1945 году его перевели в дивизию СС «30 января», его должность здесь неизвестна, но скорее всего, он был назначен командиром 32-го хозяйственного батальона СС (хотя подтверждений этому у нас и нет). Кавалер Креста военных заслуг II класса[3].

---

[1] *Maclean F.* The Camp men. P. 121.

[2] 24 сентября 1944 года батальон был расформирован, а его подразделения вошли в состав 13-го полка снабжения СС.

[3] *Maclean F.* Op. cit. P. 140.

В принципе, количество офицеров, служивших в концлагерях в офицерском корпусе 32-й дивизии СС, должно быть выше, тем более что некоторые из офицеров служили в концлагерях еще до войны, будучи рядовыми или унтер-офицерами, а офицерское звание им было присвоено уже после того, как они оказались в строевых частях войск СС. Поэтому они и не попадают в общую статистику по офицерам концентрационных лагерей.

ПОЛК СС «ФАЛЬКЕ»

Некоторые исследующие историю войск СС авторы указывают, что в состав дивизии СС «30 января» также входил и полк СС «Фальке», который и имел порядковый номер 87[1]. В действительности «Фальке» был отдельным полком, который организационно в состав 32-й дивизии СС никогда не входил. Он был сформирован в конце февраля 1945 года из учебно-запасных частей танковых дивизий СС «Лейбштандарт», «Тотенкопф» и батальона сопровождения рейхсфюрера СС. Первоначальная задача этого полка состояла в обеспечении охраны штаба Главного оперативного управления СС, а затем он был передан командованию 9-й армии и сражался на Одерском фронте. В апреле, еще до начала советского наступления на Берлин этот полк был лишь подчинен дивизии СС «30 января»[2]. А порядковый номер 87, как уже указывалось, носил гренадерский полк СС «Курмарк».

---

[1] Для примера смотрите: *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след, С. 333.

[2] Смотрите, например: *Тике В.* Падение Берлина, С. 175; *Rikmenspoel M.* Waffen-SS Encyclopedia, P. 52.

Так что этот полк прямо не входил в состав 32-й дивизии СС. Однако поскольку этот полк был придан дивизии СС «30 января» и непосредственно связан с ней, то есть смысл рассказать о нем подробнее, тем более что информации о нем не особо много.

Полк СС «Фальке» состоял из трех батальонов:

— I батальон — прежний батальон сопровождения рейхсфюрера СС, состоял из трех рот, 1-я, 2-я, 3-я;

— II батальон — прежний 3-й панцер-гренадерский учебно-запасной батальон СС, дивизии СС «Тотенкопф», дислоцировавшийся в Губене, состоял из трех рот, 4-я, 5-я, 6-я;

— III батальон — прежний 1-й панцер-гренадерский учебно-запасной батальон СС, дивизии СС «Лейбштандарт», дислоцировавшийся в Шпреенхагене, состоял из трех рот, 7-я, 8-я, 9-я[1].

Таким образом, первоначально батальон состоял только из пехотных стрелковых рот. Затем, в начале апреля 1945 года к стрелковым ротам также добавились роты, оснащенные тяжелым вооружением — станковыми пулеметами и 80-мм минометами[2]; одна из этих рот имела порядковый номер 12 (командир — унтерштурмфюрер СС Шенк).

Сразу заметим, что не все подразделения 1-го панцер-гренадерского учебно-запасного батальона СС в Шпреенхагене вошли в полк СС «Фальке» — сам по себе батальон остался как самостоятельное подразделение.

Командиром полка был оберштурмбаннфюрер СС Эрих Розенбуш, опытный офицер, закаленный в боях на Восточном фронте. Он родился 13 января 1913 года. В СС вступил в начале марта 1933 года (билет № 102 899). Член НСДАП

---

[1] The Last Levy. P. 89.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 175.

Гренадер войск СС с панцерфаустом

(билет № 2 280 754). Прошел стажировку в Рейхсвере для подготовки на унтер-офицера, затем работал инструктором в спортивной школе. 23 февраля 1935 года вступил в штандарт СС «Германия», где окончил курсы унтер-офицеров, служил в 6-й роте. Выпускник юнкерской школы СС в Брауншвейге (второй выпуск). С 1937 года служил командиром взвода в штандартах СС «Тотенкопф», «Тюрингия», осенью 1938 года прошел стажировку в армии, в 80-м пехотном полку. В 1937 году служил в концлагере Заксенхаузен, а в 1938 — в Бухенвальде[1]. В 1940 году переведен в дивизию СС «Тотенкопф», командир 9-й роты 1-го пехотного полка СС «Тотенкопф». 24 мая 1940 года ранен в боях во Франции. После возвращения в строй направлен в полк СС «Нордланд», командир 9-й роты. Тяжело ранен 23 июля 1941 года, три месяца провел в госпитале. 28 февраля 1942 года награжден Германским крестом в золоте. В феврале 1942 года тяжело заболел, направлен в госпиталь СС в Дахау. После выздоровления Розенбуш был признан негодным для службы на фронте и к активной службе не возвращался. Служил в учебных заведениях войск СС: инструктором по тактике в юнкерской школе СС в Брауншвейге, в саперной школе СС «Градишко»,

[1] *Maclean F.* Op. cit. P. 194.

затем опять в Брауншвейге, пока, наконец, осенью 1943 года не оказался командиром лергруппы[1] в недавно созданной юнкерской школе СС в Клагенфурте. В феврале 1944 года прошел обучение на армейских курсах командиров полков. В октябре 1944 года получил назначение в Главное оперативное управление СС в управление XI: подготовка командных кадров для войск СС, где служил под началом группенфюрера СС Хайнриха Юрса. Произведен в оберштурмбаннфюреры СС 9 ноября 1944 года. При формировании полка СС «Фальке», несмотря на свою недееспособность, Розенбуш был назначен его командиром[2].

Должность командира I батальона занимал штурмбаннфюрер СС Гетц Перш[3], II — оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Беллвидт[4], III — штурмбаннфюрер СС Артур Клингемайер[5],

[1] Lehrgruppe — учебная группа. (*Примеч. ред.*)

[2] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 3. P. 135—137. Отметим, что М. Иергер ошибочно указал, что Розенбуш возглавил 87-й полк СС, что не соответствует действительности. Скорее всего, М. Йергер допустил нередкую ошибку, когда полк СС «Фальке» нумеруют 87-м полком СС.

[3] Перш родился 16 марта 1912 года. Член СС (билет № 84 509). В конце 1943 года Перш был командиром II батальона панцер-гренадерского полка СС «Дас Райх» боевой группы «Дас Райх», в апреле 1944 года командовал II батальоном полка СС «Дер Фюрер». В штурмбаннфюреры СС произведен 20 апреля 1944 года.

[4] Беллвидт родился 5 мая 1900 года. В оберштурмбаннфюреры СС произведен 30 января 1943 года. Ветеран Первой мировой войны. Ветеран СС (билет № 15 770). В НСДАП вступил 1 августа 1930 года (билет № 271 609). Кавалер Железного креста II класса (1940). В учебно-полевом батальоне СС «Тотенкопф» служил с 1 июля 1941 года. В 1943 году во главе батальона принимал активное участие в подавлении восстания в Варшавском гетто. За отличия в ходе этой акции 27 июня 1944 года Беллвидт был награжден Крестом военных заслуг с мечами I класса.

[5] Клингемайер родился 24 февраля 1913 года. В звание штурмбаннфюрера СС произведен 21 июня 1943 года. В апреле 1945 года в составе боевой группы Вильгельма Монке участвовал в боях в Берлине.

а затем — гауптштурмфюрер СС Польстерманн. Известен и еще один офицер, на 1 марта 1945 года служивший в батальоне — это штурмбаннфюрер СС Фридрих Бойтлер[1].

В апреле 1945 года 2-й батальон полка был выведен в район севернее Берлина и с этого момента действовал отдельно[2].

Одним из военнослужащих полка был семнадцатилетний гренадер СС Юрген Муз, добровольцем вступивший в «Лейбштандарт» в начале 1945 года. В своем дневнике Муз описал систему подготовки молодых новобранцев в 1-м учебно-запасном батальоне СС в Шпреенхагене и формирование полка СС «Фальке». Эти воспоминания интересны прежде всего тем, что относятся они к последнему периоду войны. Муз писал: «При зачислении в часть все идет по заведенному порядку: получение обмундирования, потом — марш по лесам и полям со всеми пожитками, упакованными за спиной. Когда

---

[1] Бойтлер родился 28 апреля 1910 года. В штурмбаннфюреры СС произведен 9 ноября 1943 года. Он был одним из ветеранов Штабсвахе СС — особого охранного подразделения СС для личной охраны Адольфа Гитлера, которое 1 января 1934 года реорганизовано в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Интересный факт: 22 апреля 1945 года (с опозданием на два дня) Бойтлер прибыл к фюреру, чтобы передать ему поздравления ко дню рождения от личного состава 6-й танковой армии СС и чек на 7,5 млн рейхсмарок, собранных солдатами армии. Он имел с Гитлером приватную беседу в течение четверти часа, и его свидетельства о состоянии фюрера во многом контрастируют с другими. Все сказанное тогда Гитлером было ясно и точно, а сведения, приведенные о военном положении, соответствовали тому, что знал об этом сам Бойтлер. Также Гитлер дружески поговорил с Бойтлером о Зеппе Дитрихе и 6-й танковой армии СС. Смотрите: Бернаж Ж. Берлин 1945. Агония «тысячелетнего» Рейха. С. 109, 111.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 16.

уже начало темнеть, слышим команду “Стой!”. Вокруг — зимний пейзаж, везде и всюду ни одного дома. Растерянные, озадаченные лица призывников.

Вместо казарм или бараков располагаемся в жалких землянках, это наше жилье… Двухъярусные нары застелены только соломой. Большие бумажные мешки служат вместо подушек. В таких мешках в Берлине хоронят погибших при авианалетах…

Следующим холодным январским утром из разношерстной толпы гражданских, учащихся школ Напола[1], фюреров Гитлерюгенда и РАД, мы превратились в солдат, одетых в одинаковую форму цвета фельдграу… Условия были почти первобытными… Между условиями жизни в этом лагере и на фронте действительно нет никаких различий.

Молодые призывники, почти все — курсанты (кандидаты на офицерское звание), знают все, что им полагается. Больше нет никакого «ура-патриотизма» и никакого фанатизма. Многие из ребят уже лишились своей исконной родины. Обучение проходит под лозунгом: “Тяжело в ученье, легко в бою!”…

Мы получили пятнистое камуфлированное обмундирование войск СС. Наши задачи были также расширены. К постоянным дневным и ночным тренировкам и караулам, в которые мы якобы ходили, добавились также работы по сооружению противотанковых заграждений на улицах и настоящая караульная служба. Когда в Берлине объявлялась воздушная тревога,

---

[1] Напола — «национал-политические учебные заведения». Были созданы 20 апреля 1933 года для подготовки из молодых нацистов руководящих кадров для НСДАП, дочерних партийных организаций, СС, СА. Подробнее смотрите в книге: *Залесский К.А.* НСДАП. Власть в Третьем рейхе. С. 356.

Солдаты СС в обороне

мы спускались в дежурку, чтобы быть готовыми на случай вы-
броски вражеского десанта. Спать приходилось очень мало, а из-за плохого снабжения мы были вконец истощены. Несмотря на все это, мы продолжали нести свою службу…

Как-то раз перед всем батальоном была проведена показательная казнь 17-летнего дезертира. Это произвело на нас удручающее впечатление.

Наказанием за незначительные проступки обычно служил знаменитый «звездный марш». Это означало ночной марш-бросок с ранцем за спиной, полным кирпичей, от одного поста до другого, причем каждый такой пробег строго фиксировался в батальонных документах. А поскольку желающих смухлевать было много, то каждый кирпич был снабжен служебной печатью.

В начале апреля меня в последний раз навестила мать… Пока я провожал мать до половины дороги, с востока доносились отдаленные залпы артиллерии, а с запада ветер доносил запах гари пожаров… На востоке лежал Одер, на западе — Берлин.

Тучи на небе сгущаются. Но, несмотря на все мрачные предзнаменования, мы, молодые, готовы сражаться. Атмосфера накалена до предела. Мы ждем последнего сигнала тревоги»[1].

Вот такими были настроения у молодых солдат войск СС перед последними сражениями: чувство долга перед Родиной и фюрером превалировало над всеми другими чувствами. Однако не нужно забывать, что уровень подготовки этих молодых солдат был крайне низким (от силы два месяца), а вооружение и оснащение — крайне недостаточным. Тем не менее, они были готовы вступить в неравную борьбу с вражескими армиями.

ИНОСТРАННЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В ДИВИЗИИ СС «30 ЯНВАРЯ»

Отдельно отметим, что хотя эта дивизия и являлась немецкой (то есть была укомплектована имперскими немцами — рейхсдойче), в ее составе было немало восточных добровольцев. О ситуации в 32-м саперном батальоне СС мы уже рассказали выше; что и говорить, это была даже более чем многонациональная часть. В этой связи снова вернемся к унтерштурмфюреру СС Василию Антонову. Дополнительный розыск информации об этом человеке[2] позволил установить,

---

[1] Цитируется по книге: *Тике В.* Падение Берлина. С. 175—177.

[2] При поиске биографических данных о Василии Антонове, кроме указанных в сносках источников, нами также использовались и данные Обобщённого электронного банка данных (ОБД) «Мемориал», в котором содержится информация о воинах Красной армии, погибших, умерших и пропавших без вести в годы Второй мировой войны, а также в послевоенный период.

что лейтенант Красной армии Василий Григорьевич Антонов родился 13 августа 1921 года в Казани, по профессии учитель, служил в 816-м стрелковом полку РККА. 16 мая 1942 года он попал в плен в Керчи. Есть данные, что еще в сентябре 1943 года Антонов находился в лагере военнопленных, имел лагерный номер IIB/121991. Затем Антонов добровольно вступил в ряды германских вооруженных сил, записавшись в один из волго-татарских батальонов вермахта[1] (очевидно, как уроженец Казани), где и заслужил свои немецкие награды, в том числе и пресловутую «золотую планку отличия за храбрость». Сложно однозначно сказать, что это была за награда. Логично было бы предположить, что это была Золотая пряжка за ближний бой, однако в списке кавалеров этой престижной награды Антонов не значится. По нашему же мнению, это была одна из высших степеней Знака отличия для восточных народов, возможно, даже I класса, «в золоте».

В начале 1945 года Василий Антонов служил в составе боевой группы СС «Идель-Урал», входившей в состав Восточно-тюркского соединения войск СС; 16 января 1945 года он был произведен в ваффен-унтерштурмфюреры[2]. В феврале 1945 года часть персонала этой боевой группы была передана в состав боевой группы СС «Крым», так что на 1 марта 1945 года ваффен-унтерштурмфюрер Василий Антонов числился уже в составе этой группы[3]. В марте 1945 года он был переведен в 32-ю дивизию СС «30 января», где и занял должность командира 5-й роты II батальона 87-го полка СС (согласно данным Д. Мура). А с переводом в дивизию Ан-

[1] Волго-татарские батальоны составляли «Волго-татарский легион вермахта», также известный как легион «Идель-Урал».

[2] *Гилязов И.* Легион «Идель-Урал». С. 198.

[3] The Last Levy. P. 91.

тонов потерял приставку «ваффен» к своему званию (которая была характерна только для инонациональных частей войск СС, укомплектованных добровольцами из Восточной Европы) и стал просто унтерштурмфюрером СС. Не исключено также, что вместе с ним в дивизию были переведены и другие чины боевой группы СС «Крым», а возможно, даже и целые подразделения группы (хотя каких-либо подтверждающих эту версию данных пока что не обнаружено).

Кроме Антонова, по данным исследователя Д. Мура, в 86-м полку СС «Шилль» служил еще один русский доброволец, ставший офицером в войсках СС. Это унтерштурмфюрер СС Виктор Андреевич (скорее все же — Андриевич), родившийся 9 августа 1917 года. В августе 1944 года Андреевич, в звании унтершарфюрера СС, проходил обучение в 18-м панцер-гренадерском учебно-запасном батальоне СС. Какие-либо подробности об этом человеке не известны.

Также имеется информация, что половину 3-й роты 87-го гренадерского полка СС «Курмарк» составляли украинцы[1]; возможно, что это были резервисты 14-й гренадерской дивизии войск СС «Галичина» (украинская № 1), тем более что в унтер-офицерской школе в Лауэнбурге (личный состав которой частично был передан на формирование дивизии) проходили обучение украинские курсанты. Исходя из всех этих данных, можно прийти к выводу, что количество восточных добровольцев в 32-й добровольческой дивизии СС «30 января» достигало нескольких сотен. Сам факт того, что в момент близящегося крушения Третьего рейха в рядах эсэсовской дивизии плечом к плечу с немцами против Красной армии

[1] *Александров К.* Указ. соч. С. 193.

сражались русские и украинские добровольцы, заслуживает пристального внимания и требует дальнейшего изучения.

Кроме русских и украинцев, в дивизии было некоторое количество латышей, главным образом в составе 32-го учебно-запасного батальона СС[1]. А с учетом того, что большое количество латышских добровольцев проходило обучение в различных эсэсовских юнкерских и унтер-офицерских школах (в частности, в саперной школе СС в Дрездене), то вероятнее всего, латыши служили и в некоторых других подразделениях дивизии, в том же саперном батальоне.

Касательно службы в дивизии представителей западноевропейских наций нам пока известен лишь один такой доброволец — голландский обершарфюрер де Брюин, кавалер Железного креста I класса[2]. Интересно также, что один из служивших в дивизии немцев был рожден в Аргентине — канонир СС Карл Раутенберг из 3-й батареи 32-го артиллерийского полка СС; он пропал без вести в апреле 1945 года[3].

В свете всех вышеприведенных фактов не исключено, что в рядах «30 января» также служили и другие иностранные добровольцы, прежде всего бывшие курсанты из переданных на формирование дивизии учебных подразделений войск СС, а также мобилизованные иностранцы (как, например, те же венгерские и румынские рабочие из 3-й роты саперного батальона).

---

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 90.

[2] Ibid. P. 35.

[3] Ibid. P. 54.

Часть 2

ДИВИЗИЯ СС «30 ЯНВАРЯ» В ФЕВРАЛЕ—АПРЕЛЕ 1945 ГОДА

ПРИБЫТИЕ ДИВИЗИИ НА ОДЕРСКИЙ ФРОНТ, ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1945 ГОДА

Тем временем паровой каток 1-го Белорусского фронта неудержимо катился на запад, один за другим сметая со своего пути все очаги немецкого сопротивления. Темпы наступления советских войск впечатляли — 25 км в сутки, а для танковых и механизированных войск — 30—35 км. Так что неудивительно, что 29 января войска 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Германии, а 1 февраля 5-я ударная и 8-я гвардейская армии совершили бросок на западный берег Одера, захватив небольшие плацдармы в районе Кюстрина. Южнее на Одер вышли 33-я и 69-я армии. Немецкая 9-я армия, стоявшая на южном фланге группы армий «Висла», вместе с остатками других частей и подошедшими подкреплениями, отчаянно сопротивляясь, пыталась закрепиться на Одере. 9-й армией командовал генерал пехоты Теодор Буссе[1], кото-

[1] Буссе являлся офицером старой немецкой генштабовской школы. Известность он получил, служа под началом фельдмаршала Эриха фон Манштейна. В 1940—1942 годах он был начальником оператив-

рому из различных разрозненных частей удалось фактически заново воссоздать разбитую армию.

Разрешение того глубокого кризиса, в котором оказалось немецкое командование, требовало радикальных мер, в том числе и бросать в бой еще только формирующиеся части. Так что уже 2 февраля 1945 года 32-я дивизия СС «30 января» была едва ли не впервые упомянута в официальном приказе вермахта. В этот день начальник Генерального штаба генерал-оберст Гейнц Гудериан отдал группе армий «Висла» приказ следующего содержания: «Задача группы армий состоит в том, чтобы парализовать продвижение противника к Берлину на Одере, по обе стороны Варты, и всеми имеющимися силами восстановить сплошную линию фронта вдоль Одера до Шведта… С настоящего момента в подчинение группы армий передаются находящиеся в стадии формирования дивизии “Дёберитц”[1], “Курмарк”[2] и “30 января”. Ввиду создавшегося положения эти дивизии обязаны по требованию группы армий немедленно направлять на Одерский участок фронта только что сформированные смешанные боевые группы. Формирование дивизий будет завершено на фронте…»[3].

Прямым следствием этого приказа стало то, что уже в феврале 1945 года только что созданные боеспособные части

ного отдела штаба 11-й армии, С 9 ноября 1942 года — группы армий «Дон» (позже группы армий «Юг»). С 1 марта 1943 года — начальник штаба группы армий «Юг». Затем командовал армейским корпусом. Награжден Рыцарским крестом 30 января 1944 года. С 19 января 1945 года — командующий 9-й армией.

[1] Позднее была переименована в 303-ю пехотную дивизию.

[2] Имеется в виду панцер-гренадерская дивизия «Курмарк» генерал-майора Вилли Лангкейта. Не путать с боевой группой «Курмарк».

[3] *Тике В.* Падение Берлина, С. 155.

дивизии СС «30 января» были переброшены на Одерский фронт как усиление для 9-й армии, хотя формирование дивизии только-только началось. Фактически на полигоне в Курмарке формировали маршевую роту или батальон, тут же организационно вводили эту роту или батальон в формирующийся полк и сразу же отправляли на фронт. Так что части бросались в бой без подготовки, без воспитания традиционной для войск СС спайки личного состава и нормальной организации. Справедливости ради следует сказать, что выбора у немецкого командования все равно не было — разваливающийся фронт нужно было спасать, резервы отсутствовали, а нормальных дивизий взять было просто неоткуда.

Гренадер войск СС в укрытии

Итак, в свой первый бой дивизия вступила разрозненно и неорганизованно, не как единое целое, а как «сборная группа боевых групп». Формально в этот момент части «30 января» даже не подчинялись своему командиру Рихтеру, который больше занимался вопросами формирования дивизии. Вместо него они напрямую были подчинены штабу V добровольческого горного корпуса СС[1] под командованием сначала обергруп-

[1] Часто в русскоязычной литературе данный корпус именуют не «горным», а «горнострелковым». Конечно, существенной разницы нет, но по-немецки название корпуса звучит так: V. SS-Frewilligen-

пенфюрера СС и генерала войск СС Фридрих-Вильгельма Крюгера, а затем, с 8 февраля, — обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Фридриха Йекельна[1] или же штабу 391-й охранной дивизии генерал-майора Рудольфа Зикениуса[2]; эти части входили в состав 9-й армии.

Gebirgskorps. Смотрите: *Bender R.J., Taylor H.P.* Uniforms, organization and history of the Waffen-SS. Vol. 2. P. 38. То есть наименование этого корпуса «горным», нам кажется более правильным и точным.

[1] Йекельн родился 2 февраля 1895 года. Участник Первой мировой войны, награжден Железным крестом II класса. Был одним из заслуженных ветеранов НСДАП (вступил 1 октября 1929 года, билет № 163 348) и СС (вступил 15 марта 1930 года, билет № 4367). 23 июня 1941 года назначен высшим руководителем СС и полиции на Юге России (со штаб-квартирой в Киеве). С 12 декабря 1941 года назначен высшим руководителем СС и полиции на Севере России (со штаб-квартирой в Риге) и одновременно командиром оберабшнитта СС «Остланд». Возглавлял руководство антипартизанскими операциями. За достигнутые успехи на этом поприще 19 декабря 1943 года был награжден Германским крестом в золоте, а 27 августа 1944 года — Рыцарским крестом. В июне—июле 1944 года командовал VI армейским корпусом СС (латышский). В январе — начале февраля 1945 года командир всех частей пополнения в зоне ответственности высшего руководителя СС и полиции «Юго-Восток» (штаб-квартира — в Бреслау), участвовал в боях с советскими войсками в качестве командира смешанной боевой группы. V горный корпус СС возглавил 8 февраля 1945 года (по другим данным — 15 февраля), прокомандовал им до конца войны. 2 мая 1945 года взят в плен советскими войсками. Казнен по приговору трибунала Прибалтийского военного округа 3 февраля 1946 года.

[2] Очень незаурядный генерал, пусть никого не смущает его должность командира охранной дивизии. Зикениус родился 18 августа 1896 года. Участник Первой мировой войны, затем служил в полиции, после чего восстановился в армии. Известность получил как командир 2-го танкового полка 16-й танковой дивизии (командовал полком с 1 мая 1941 года). Отличился в боях 1941 года на Украине, 17 сентября 1941 года награжден Рыцарским крестом. С 5 мая 1943 года по 1 ноя-

Однако уже в первой декаде февраля на фронте был развернут оперативный дивизионный штаб во главе с начальником оперативного отдела дивизии штурмбанн-фюрером СС Карл-Хорстом Ленцем. Его задачей было контролировать и координировать действия частей дивизии, не допускать ее растаскивания по всему фронту и отработать действия дивизионного штаба в боевых условиях.

Командир V горного корпуса СС Фридрих Йекельн

Как мы уже замечали, командиру дивизии Йоахиму Рихтеру приходилось заниматься только вопросами формирования своей дивизии. В дивизию постоянно прибывало пополнение,

---

бря 1943 года Зикениус командовал 16-й танковой дивизией в Италии. Таким образом, наибольшей известности он добился как танковый командир. 1 июня 1943 года ему было присвоено звание генерал-майора. Однако затем его карьере пришел конец. В ноябре 1943 года он был снят с должности командира дивизии из-за достигнутых просчетов в командовании. Был помещен в резерв фюрера. С 21 мая 1944 года командир 263-й пехотной дивизии. В ходе советской операции «Багратион» потерял управление дивизией, и был освобожден от командования. 391-й охранной дивизией командовал с 1 октября 1944 года, тогда эта дивизия занималась строительством укреплений в районе Варшавы. Это было серьезным понижением, особенно как для бывшего танкиста. Есть информация, что Зикениус из-за всего этого был сильно сломлен психологически. Как бы то ни было, но он погиб в бою 28 апреля 1945 года.

направленное на ее формирование. Среди них была маршевая рота, в которой служил роттенфюрер СС Эбергард Баумгарт. Мы оставили его дрожащим от холода в казарменном бараке на полигоне СС «Курмарк». Баумгарт вспоминал о дальнейших событиях: «На рассвете мы погрузились в грузовики и выехали. Когда мы прибыли в Риссен, уже рассвело. Мы построились на деревенской площади, и нас кратко проинформировали о том, что русские пересекли Одер по льду. Формирующаяся дивизия «30 января» была брошена против них и занимала позиции перед прорвавшимися русскими. Было важно закрыть опасный прорыв фронта и уничтожить русский плацдарм»[1]. Так как раны Баумгарта еще окончательно не зажили, то он получил назначение в дивизионный штаб на должность писаря.

Дивизионная штаб-квартира размещалась в реквизированном крестьянском доме в деревне Одербрух. Потрясенная молодая хозяйка дома, муж которой сам сражался где-то в другом месте, с изумлением смотрела, как ее мебель грубо и бесцеремонно выставили из гостиной, установив рабочие столы с полевыми телефонами и пишущими машинками. Однако новых обитателей дома вскоре ждало неприятное открытие: оказывается, черепичная крыша фермерского дома представляла собой хорошую цель для советской артиллерии.

Штабной писарь роттенфюрер СС Баумгарт был посажен за стол, печатать боевые донесения и приказы. В один из дней на командный пункт доставили трех дезертиров из Красной армии. Баумгарт записывал их показания, согласно которым они решили перейти на германскую сторону, после того как

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 28.

командир их дивизии заставил их нести себя на плечах, боясь замочить ноги в ледяной воде Одера. Рассказ перебежчиков переводил приписанный к дивизионному штабу переводчик из поволжских немцев. Он же позднее прочел Баумгарту и другим сотрудникам штаба выдержки из оказавшейся у бывших красноармейцев советской газеты «Правда». Особенно заинтересовало немцев итоговое коммюнике о Ялтинской конференции, из которого становилось ясно, что союзники собираются делать с побежденной Германией. Услышанное потрясло присутствующих немцев, и их охватил страх поражения. Затем пришло вдохновение на дальнейшую борьбу: «В конце концов, мы просто должны победить», — говорили они друг другу, пытаясь успокоиться[1].

Подразделения дивизии оперировали в секторе к югу от Франкфурта-на-Одере, занимая позиции в районе населенных пунктов Брисков — Финкенхерд — Линдов — Цильтендорф — Аурит — Фогельзанг — Фюрстенберг. По данным Р. Ландвера и Р. Михаэлиса, первая в истории дивизии атака была осуществлена 2 февраля 1945 года, против советского плацдарма в указанном районе[2]. Части «30 января» сошлись в бою с войсками 33-й советской армии генерал-полковника В.Д. Цветаева.

К счастью для Третьего рейха, 3 февраля 1945 года Висло-Одерская стратегическая операция Красной армии прекратилась. Ее результаты для немцев были удручающими. К 3 февраля войска 1-го Белорусского фронта практически полностью очистили от немцев правый берег Одера, форсировали его и

---

[1] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. P. 72—73.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 12; *Michaelis R.* Op. cit. P. 31.

Командующий советской 33-й армией генерал-полковник В.Д. Цветаев

захватили плацдармы в районе Кюстрина. На Одер вышли на широком фронте шесть советских армий, в том числе две танковые. Хотя советские войска и были остановлены на рубеже Одера, но теперь под непосредственной угрозой оказалась имперская столица — Берлин.

Тем не менее, как отметил в своих мемуарах С.М. Штеменко: «Оперативное положение складывалось для нас неблагоприятно. Вперед выдвинулся 1-й Белорусский фронт, рвавшийся на Берлин, но не способный в данный момент овладеть им»[1]. Растянутые фланги советских войск не давали Г.К. Жукову создать мощную группировку для решающего броска на Берлин уже в феврале. В ходе бушевавших в январе 1945 года сражений обе стороны понесли тяжелые потери[2], но если советская сторона

---

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны, Т. 1. С. 358.

[2] Так, по данным командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукова, к 1 февраля 1945 года численность стрелковых дивизий в войсках фронта составляла в среднем около 5500 человек, а в 8-й гвардейской армии — от 3800 до 4800 человек. В двух танковых армиях фронта имелось 740 танков (в среднем — по 40 машин на бригаду). Смотрите: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 583. В свою очередь, если верить С.М. Штеменко, то ситуация в 1-м Белорусском фронте была еще хуже: стрелковые полки двухбатальонного состава и в ротах

свои могла восполнить сравнительно легко, то для Германии в условиях февраля 1945 года создание нового фронта и восстановление боеспособности разбитых армий становилось сверхсложной задачей. После прекращения советского наступления на всем фронте продолжились локальные бои «за лучшую линию обороны». Немцы стремились ликвидировать советские плацдармы на правом берегу Одера, советская сторона, напротив, делала все, чтобы их удержать. Так что обе стороны стремились занять более удобные позиции для дальнейших операций. Борьба за плацдармы по обеим сторонам Одера носила крайне ожесточенный характер.

4 февраля дивизии подчинили находившийся восточнее Цильтендорфа 1204-й зенитный дивизион люфтваффе, которым командовал гауптман Эссер[1]. Этот дивизион раньше принадлежал к 3-й зенитной дивизии люфтваффе, дислоцировавшейся в Гамбурге, где именовался 647-м зенитным дивизионом. В конце января 1945 года он был переброшен на Одерский фронт, где вошел в подчинение действующей здесь 23-й зенитной дивизии люфтваффе генерал-майора Курта Андерсена. Отметим, что Р. Михаэлис считает, что этот 1204-й зенитный дивизион был зенитным дивизионом РАД[2], хотя, скорее всего, он был лишь укомплектован чинами РАД, а сам непосредственно был зенитным дивизионом люфтваффе.

Уже в первые дни на фронте солдаты дивизии столкнулись с серьезными трудностями. Как оказалось, условия для строи-

---

по 22—45 человек. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны, Т. 1. С. 359.

[1] *Stober H.* Die Flugabwehrverbande der Waffen-SS. S. 360.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 26.

тельства укреплений в районе Одера, с учетом наличия здесь множества искусственных дамб, были плохими. Рытье траншей и щелей было ужасной работой: уже на глубине меньше чем в один метр из земли начинала сочиться вода. К счастью, февраль 1945 года не был на этот раз таким холодным, как обычно, что, впрочем, не облегчало работу землекопов.

Другой капитальной проблемой была нехватка материальных ресурсов. Обеспечением боеприпасами и горючим было никудышным. С горючим в дивизии сложилась такая ситуация, что даже штабные «кубельвагены» можно было использовать только в случае крайней необходимости. А напряженное положение с боеприпасами иллюстрирует следующий факт: ни одна артиллерийская батарея не имела права открыть огонь без предварительного разрешения свыше. Дневная норма для одного орудия составляла всего лишь два снаряда[1]. О каком успешном ведении боевых действий может идти речь в таких условиях?

И тем не менее даже в такой ситуации эсэсовцы наносили противнику чувствительные удары. 5 и 6 февраля части дивизии СС «30 января» (это были I и II батальоны полка СС «Шилль») провели первые атаки против советского плацдарма у деревни Фогельзанг[2]. Линия фронта проходила прямо через деревню, дома были превращены в опорные пункты. В итоге за Фогельзанг разгорелись жестокие уличные бои, в ходе которых 80 % деревни было уничтожено. Южнее Фогельзанга советские войска захватили силовую станцию с двумя высокими дымовыми трубами. Это преимущество они использовали сполна, разместив на трубах артиллерийских

---

[1] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. P. 133.

[2] Фогельзанг был небольшой деревней с населением около 600 человек. В основном деревня была застроена домами фермеров и сельскохозяйственными постройками, также имелись школа и церковь.

Штурмовая гаубица StuWLE-42

наблюдателей. Отсюда советские корректировщики могли направлять огонь артиллерии не только по эсэсовским частям в Фогельзанге, но и по местным дорогам, блокируя всякое передвижение немцев. Выбить оттуда советские войска никак не удавалось. 6 февраля в бою был убит унтерштурмфюрер СС Хайнрих Штих[1] из 86-го полка СС. Тем не менее, 7 февраля I батальон 86-го полка СС «Шилль» при поддержке штурмовых орудий противотанковой роты решительной атакой отбил Фогельзанг. После этого понесший потери I батальон был выведен из деревни и заменен II батальоном полка СС «Шилль». Добавим, что в феврале 1945 года пропал без вести унтерштурмфюрер СС Гюнтер Бартш (родился в 1920 году) из штаба 86-го полка СС[2].

5 февраля в бой в составе дивизии была введена батарея реактивных минометов — три 300-мм реактивных миномета Raketenwerfer 56 и одна 210-мм реактивная пусковая установ-

---

[1] Штих родился 14 июня 1907 года.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 54.

ка. Командир батареи унтерштурмфюрер СС Вальтер Вальдик вспоминал: «Экипажи минометов и личный состав батареи в основном были заимствованы из 1-й роты (фюрербевербе-ров[1]) учебно-запасного дивизиона реактивных минометов СС. Через восемь дней боев они так выдохлись, что их пришлось заменить новым личным составом, который совершенно не имел опыта. Боеприпасов было минимальное количество — имелось только 90 выстрелов для наших минометов. Восполнение боезапаса полностью ложилось на наши плечи, тщетно было ожидать откуда-либо помощи и поддержки в этом плане. Однако уже 5 февраля батарея вступила в бой, поддерживая сопротивление наших войск и нанеся успешный ракетный удар по скоплению войск противника в районе Цильтендорфа. Затем во взаимодействии с армейским артиллерийским ди-визионом мы поразили цели в районе Фогельзанга и сорвали русскую атаку из Фогельзанга»[2].

Боевое применение сверхтяжелых реактивных минометов было сопряжено с большими трудностями. В частности, приказы, полученные Вальдиком от командира 32-го артиллерийского полка СС Хайнца Хоффманна, нередко противоречили тактике применения реактивного минометного вооружения и вследствие этого часто были невыполнимы. Вальдику приходилось отстаивать свою точку зрения, что вело к спорам, часто серьезным. Разногласия с командиром дивизионной

---

[1] Фюрербевербер СС — условное звание в войсках СС, означавшее, что его носитель — «соискатель офицерского звания» или «потенциальный офицер». Введено 2 ноября 1940 года. Подробнее смотрите в нашей работе: *Пономаренко Р.* 38-я гренадерская дивизия СС «Нибелунги».

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 32.

артиллерии поначалу приводили к неприятным последствиям и столкновениям, но в итоге минометчики добились своего, а принципы применения реактивного минометного вооружения в постановке боевых задач стали преобладающими.

Еще одна сложность проистекала из-за большого калибра эсэсовских реактивных минометов. Дело в том, что когда батарея вела огонь, то образовывались большие клубы дыма, немедленно обнаруживающие позицию батареи для противника. Так как батарею немедленно засекали, то эсэсовским минометчикам уже после первого залпа приходилось менять позицию, иначе мог последовать или артиллерийский налет или воздушная атака.

В ходе хаотичных боев и царившей повсюду неразберихи организовать доставку боеприпасов для батареи не удалось. Приходилось рассчитывать лишь на запасы боеприпасов на складах учебно-запасного дивизиона реактивных минометов СС, но после того как и они были исчерпаны, стрелять минометам стало нечем. 25 февраля 1945 года батарея вернулась в состав учебно-запасного дивизиона реактивных минометов СС и была расформирована. В целом, в меру своих возможностей батарея реактивных минометов СС сделала все что могла, так что опыт ее применения, с учетом специфики хода боевых действий и с некоторыми оговорками, можно признать вполне удачным.

Опыт боевого применения 32-го саперного батальона СС был куда менее позитивным. В бой батальон был брошен 5 февраля 1945 года. Почти сразу же в батальоне начались серьезные проблемы. Так, в первом же бою инонациональный состав (венгры и румыны) 3-й саперной роты, побросав вооружение, почти в полном составе сдался в плен частям

Обершарфюрер СС

Красной армии. В принципе, такой сценарий был вполне закономерен: трудно было ожидать, что мобилизованные иностранные рабочие, бесконечно далекие от политики и плохо вооруженные, будут стоять насмерть, спасая Третий рейх.

После этого командованием прямо в полосе фронта в спешке была создана новая рота, укомплектованная отпускниками и отставшими от своих частей солдатами сухопутных сил (а не войск СС), однако ее боеспособность также оставляла желать много лучшего. Большинство из входивших в нее солдат просто дезертировали в течение нескольких дней[1], вероятно, стремясь присоединиться к своим прежним подразделениям. Справедливости ради нужно сказать, что оставшиеся в составе батальона подразделения сражались более или менее сплоченно.

10 февраля 32-й саперный батальон СС в качестве пехотной части был выдвинут на участок фронта на канале Одер — Шпрее, южнее Визенау. 14 февраля немцы предприняли очередную попытку уничтожить советский наблюдательный пункт на силовой станции южнее Фогельзанга. Для

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 20.

этой цели из состава батальона был выделен один саперный взвод. Кроме него, в боевую группу вошли разведывательный взвод полка СС «Шилль» и взвод из состава роты СС «Хейер» (это была бывшая 2-я рота 3-го панцер-гренадерского учебно-запасного батальона СС, переданная в состав дивизии в период боев на Одере[1]). Однако в спешке подготовленная и плохо организованная атака полностью провалилась. Общие потери немцев составили 80 человек — просто катастрофа для такого количества частей, участвовавших в бою, а результат достигнут так и не был.

15 февраля 32-й саперный батальон СС атаковал захваченную красноармейцами деревню Визенау. И эта атака завершилась провалом — советская артиллерия на корню сорвала все планы эсэсовцев отбить Визенау. Вечером был убит командир батальона, гауптштурмфюрер СС Кёниг, также погибли адъютант батальона и командир 1-й роты оберштурмфюрер СС Атц. После этого батальон прекратил атаки — общие потери составили до половины личного состава батальона. Понятно, что после такого «кровопускания» батальон отвели с передовых позиций.

В целом, в эти напряженные февральские дни 1945 года на Одерском фронте действовало множество небольших и совсем крошечных отрядов — боевых групп. Как правило, командование ими брали на себя младшие офицеры, часто по своей инициативе, не дожидаясь приказов сверху. Объединив вокруг себя солдат самых разных частей, часто деморализованных, они сумели сплотить их и заставить упорно сражаться. Как патетически отметил В. Тике: «Героями этих

[1] Ibid. P. 26.

Солдаты войск СС в окопе

первых часов стали оставшиеся безымянными лейтенанты, обер-лейтенанты и гауптманы со своими отрядами»[1].

Однако такое положение вещей имело один очень существенный недостаток (наряду с более «мелкими» недостатками). Бросание командованием в горнило сражения только-только формирующихся частей, плюс наличие в оперативном районе остатков разгромленных дивизий, различных мелких подразделений, боевых групп и так далее, плюс стремительное продвижение советских войск часто приводило к нарушению управления войсками, проблемам со связью, дезорганизованности и, как следствие, к значительной хаотичности боев с немецкой стороны.

В частности, всю сложность с управлением войсками в секторе фронта в районе Мюллрозе (зона ответственности V горного корпуса СС) наглядно показал в своем рапорте от 16 февраля 1945 года в штаб группы армий «Висла» оберштурмбаннфюрер СС Вернер Гротманн (шеф-адъютант командующего группой армий «Висла» рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера). Гротманн проводил в этом районе инспекционную поездку с посещением частей на передовой, говорил с солдатами и командирами, чтобы создать для Гиммлера наи-

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 156.

более объективную картину происходящего на фронте. Среди прочего в этом рапорте говорилось: «Оценивая поведение войск и методы управления штабов, приходишь к неутешительному выводу, что все это приводит ко все большей дезорганизованности в пределах всего фронта. Фронтовые части и штабы не имеют нормальной связи друг с другом, и поэтому ни те, ни другие не информированы о детальной ситуации на фронте. Для примера, в ротах и батальонах, развернутых на участке фронта в районе Киниц — Франкфурт-на-Одере, часто никто не знал ни границ своего сектора фронта, ни положения у соседей. Дивизия “30 января”, развернутая в секторе южнее Франкфурта-на-Одере, несколько дней не информировалась о местоположении и подходе подразделений расположенных южнее.

Боевые командиры в некоторых районах по большей части не информированы о ситуации на фронте, и в основном получают информацию о приближении и силах противника от отступающих войск и гражданского населения. Только в некоторых эпизодах, которые можно рассматривать как счастливые случайности, информация о противнике и обстановке поступала к командирам от разведывательных групп. Во многих же случаях приходится делать неутешительный вывод, что боевые командиры зачастую совсем не ожидали появления противника, но как только вражеские танки приближались к подконтрольному им сектору обороны, они тут же командовали “отступление”. Все это также характерно и для “боевых групп”, созданных из отставших от своих частей солдат»[1].

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 33—34.

Как мы видим, в своем рапорте рейхсфюреру СС Гротманн весьма негативно охарактеризовал состояние командования войсками в полосе действий V горного корпуса СС. Определенная пикантность ситуации заключалась в том, что, во-первых, командир корпуса обергруппенфюрер СС Йекельн командовал корпусом только с 8 февраля 1945 года, а во-вторых, 14 февраля, то есть как раз за два дня до этого рапорта, Йекельн был рекомендован к награждению Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Представление было подписано командующим группой армий «Центр» генерал-оберстом Фердинандом Шернером и включало в себя описание командных заслуг Йекельна как в боях на Одерском фронте, так и в боях в районе Бреслау, где он командовал смешанной боевой группой[1].

Естественно, что в этих условиях Йекельн счел упреки Гротманна несправедливыми и поэтому решил выступить в защиту своего стиля и принципов управления войсками. Для начала он устроил разбирательство среди командования подчиненных ему дивизий. Зная крутой нрав Йекельна, легко представить, как это разбирательство проходило. От 32-й дивизии СС в этом «разборе полетов» участвовал начальник оперативного отдела штурмбаннфюрер СС Карл-Хорст Ленц. Это вполне понятно — командир в дивизии снова поменялся (с 17 февраля им стал Адольф Акс), да и прежний командир, Рихтер, все время занимался формированием дивизии в тылу, а руководство штабом дивизии на фронте осуществлял Ленц, как начальник оперативного отдела. «Результаты» расследования превзошли все ожидания Йекельна, и 25 февраля

[1] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 1. P. 276.

1945 года он разразился самооправдательным меморандумом, в котором ловко намешал пропагандистских лозунгов, зная, что Гиммлеру это понравится, и прозрачно намекнул на недобросовестность Гротманна. Затрагивалась в этом отчете и ситуация с дивизией СС «30 января», что нас интересует в первую очередь: «Упреки, что 32-я добровольческая дивизия СС "30 января" была в период нескольких дней не информирована о местоположении и подходе соседних частей, расположенных южнее, могут быть отвергнуты, потому что дивизия не имела командира дивизии и была помещена прямо под командование соседа на правом фланге 391-й охранной дивизии. Начальник оперативного отдела 32-й дивизии СС (Ленц. — *Р.П.*) считает, что оберштурмбаннфюрер СС Гротманн предположительно получил свои впечатления от подразделений самого нижнего звена, которые даже при лучших обстоятельствах являются не информированными о соседних частях. Во всяком случае, докладчик (Гротманн. — *Р.П.*) не появлялся на командном пункте 32-й дивизии СС.

Уже вскоре атмосфера паники и апатии, заметная в первые дни русского наступления, существенно изменилась. Новосформированные части узнали друг друга. Надлежащая поддержка и, в неменьшей степени, информация о преступлениях, совершенных на оккупированных русскими территориях, особенно по отношению к немецким женщинам, усилило волю солдат к борьбе»[1].

Таким образом, Йекельну удалось полностью отстоять свое реноме перед рейхсфюрером СС. Место командира корпуса он за собой сохранил, а 8 марта 1945 года был на-

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 35.

гражден Дубовыми листьями, став 802-м кавалером этой награды в вермахте[1].

Вернувшись к 32-й дивизии СС, заметим, что в связи с дезорганизованностью и неразберихой на фронте вполне закономерно, что в период февральских боев на Одере штабу дивизии подчинили несколько мелких подразделений, в основном из состава V горного корпуса СС или же прямо из 9-й армии (в частности, к ним относится уже упомянутая нами рота СС «Хейер»). Часто пополнение для боевых частей набиралось прямо в ближней тыловой зоне, причем забирались все солдаты, оказавшиеся под рукой. Иногда пополненные таким образом части сражались хорошо, но бывали случаи, когда они быстро распадались — выше мы уже приводили пример со «вторым формированием» 3-й роты 32-го саперного батальона СС: наспех воссозданная путем «мобилизации» в нее солдат вермахта из различных частей, она просуществовала считаные дни. В целом, большинство из таких вот мелких частей — боевых групп просуществовали всего лишь несколько дней и были расформированы, а их личный состав был направлен на пополнение дивизионных частей и подразделений.

К середине февраля накал боев спал. 20 февраля Г.К. Жуков доложил в Ставку о необходимости временно перейти к жесткой обороне по всему 1-му Белорусскому фронту[2]. Дело в том, что с 24 февраля 1945 года основные силы 1-го Белорусского фронта переключались на действия в Восточной

---

[1] В некоторых источниках говорится, что Йекельн был награжден Дубовыми листьями в мае 1945 года, однако это не верно. Смотрите: *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 1. P. 276.

[2] *Штеменко С.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 365.

Померании, совместно со 2-м Белорусским фронтом. Одновременно 5-я ударная, часть 8-й гвардейской, 69-я и 33-я армии фронта продолжали удерживать плацдармы на Одере и копить силы для решающего броска на Берлин. Немецкая 9-я армия, получив передышку, закреплялась на удержанных рубежах.

В целом, в критические дни февраля 1945 года командующему 9-й армией Буссе удалось сделать практически невозможное: при совершенно недостаточных людских и материальных ресурсах не только удержать Одерский фронт, но и продолжить формирование новых частей своей армии. В полной мере это относится и к дивизии СС «30 января», внесшей свой посильный вклад в удержание фронта.

Из всего этого следует, что до середины февраля дивизия СС «30 января» проводила в основном ограниченные контратаки, призванные стабилизировать фронт и блокировать советские плацдармы в зоне действия дивизии. Таким образом, первые же дни существования «30 января» совпали с ее боевым крещением. Формирование дивизии проходило в условиях боевых действий, что отличает «30 января» от всех других дивизий СС и делает по-своему уникальной.

17 февраля в должность командира дивизии вступил оберфюрер СС Адольф Акс, прежний командир 15-й гренадерской дивизии войск СС (латышской № 1). Акс одновременно был опытным боевым офицером и хорошим организатором — он долгое время прослужил на руководящих должностях в штабе командующего войсками СС в Нидерландах Демельхубера. Так что Акс как никто другой подходил на должность командира формирующейся дивизии. Интересно, что за свои заслуги на посту командира латышской дивизии Акс впоследствии был на-

Адольф Акс, третий командир дивизии

гражден Рыцарским крестом, это случилось в последний день войны, 9 мая 1945 года. Что касается Йоахима Рихтера, то он был переведен в штаб Главного управления кадров СС, где и прослужил до конца войны.

В конце февраля — начале марта в состав дивизии ввели 16-й противотанковый дивизион СС, изначально входивший в состав 16-й панцер-гренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер СС». Этот батальон стал 32-м противотанковым дивизионом СС под командованием гауптштурмфюрера СС Пауля Краусса.

После стабилизации фронта во второй половине февраля 1945 года дивизия СС «30 января» занимала сектор фронта длиной почти в 25 км, от северной окраины Фюрстенберга до южной окраины Гюльдендорфа, прикрывая три советских плацдарма и ведя бои местного значения. Дислокация частей была следующей:

— советский плацдарм в районе Фогельзанг — Фюрстенберг: полк СС «Шилль», I дивизион артиллерийского полка, рота СС «Хейер»;

— советский плацдарм в районе Цильтендорф — Аурит — Визенау: полк СС «Курмарк», саперный батальон, части II и III артиллерийского дивизионов;

— советский плацдарм в районе к северу от Бризков — Лоссов — Гюльдендорф: батальон штурмбаннфюрера СС Фридриха Хенгстманна[1], части II артиллерийского дивизиона, боевая группа «Беккер» (в состав дивизии не входила).

2 марта под давлением советских войск части дивизии СС «30 января» оставили три четверти Фогельзанга. Через два дня, 4 марта, дивизией была предпринята попытка вернуть деревню. Первая атака началась в 07:00, но была отбита. Не смутившись, эсэсовцы в 13:00 предприняли вторую атаку. В ней участвовали подразделения полка СС «Шилль» и части 32-го противотанкового дивизиона СС под командованием гауптштурмфюрера СС Краусса. Однако и эта атака с треском провалилась, потери эсэсовцев составили почти 70 человек убитыми.

3 марта в автомобильной катастрофе погиб командир 32-го артиллерийского полка штурмбаннфюрер СС Хайнц Хоффманн СС (заменен Хайнцом Лоренцом). Кроме этого, в марте погиб 3-й по счету квартирмейстер дивизии, гауптштурмфюрер СС Фридрих Шауб. Его должность занял

---

[1] Хенгстманн родился 31 октября 1901 года. Член СС (билет № 269 889). Был кадровым членом зенитных подразделений Частей усиления СС. В мае 1940 года был командиром 2-й батареи зенитного дивизиона Дивизии усиления СС. Затем недолго служили в 5-м штандарте СС «Тотенкопф», после чего весной 1941 года возглавил зенитный дивизион боевой группы СС «Норд», которым прокомандовал вплоть до весны 1944 года. В феврале 1945 года он командовал батальоном в составе дивизии СС «30 января», однако состав этого батальона неизвестен. Скорее всего, это был обычный сборный батальон из подручных частей. Затем Хенстманн стал офицером для поручений при командире XI танкового корпуса СС обергруппенфюрере СС Маттиасе Кляйнхайстеркампе. Погиб в бою 26 апреля 1945 года. Смотрите: *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 2. P. 31.

гауптштурмфюрер СС резерва Рейнхольд Ренкауф[1]. Также напомним, что в марте был убит и командир 32-го учебно-запасного батальона СС штурмбаннфюрер СС Бернхард Бартельт (заменен Вальтером Плёвом); есть данные и о гибели в марте оберштурмфюрера СС Георга Шуманна (родился 10 августа 1904 года) из 88-го полка СС.

11 марта была предпринята очередная попытка отбить силовую станцию под Фогельзангом, для чего были привлечены подразделения полка СС «Шилль» и части усиления. Изначально эта атака была плохо спланирована и организована. Уже на стадии развертывания частей для атаки советские корректировщики засекли активность немцев и навели на них огонь артиллерии. В итоге атака хоть и началась, однако быстро прекратилась, фактически едва начавшись, а эсэсовцы снова заплатили жизнями 70 павших солдат. Унтерштурмфюрер СС Йохан Полле[2], прежний командир саперного взвода 86-го полка СС «Шилль», вспоминал: «Изначально мой взвод входил в состав полка СС «Шилль». После Словакии у меня оставалась лишь горстка людей[3], с которыми я и прибыл в

---

[1] Ренкауф родился 4 сентября 1911 года. В гауптштурмфюреры СС резерва произведен 9 ноября 1944 года.

[2] В 1941 году Полле служил во 2-й роте саперного батальона дивизии СС «Викинг», под началом самого Макса Шефера. Кавалер Железного креста II и I классов. Осенью 1944 года Полле был командиром саперного взвода «Градишко», входившего в состав боевой группы «Шилль»; позднее этот взвод стал саперным взводом полка СС «Шилль». Он отличился при подавлении Словацкого национального восстания; 30 октября 1944 года на торжественном параде в Банска-Быстрице Полле был награжден словацкой медалью «За храбрость», которую ему вручил лично президент Словакии доктор Йозеф Тисо.

[3] Не такая уж и горстка, как для взвода. Перед началом Словацкого национального восстания во взводе насчитывалось 64 человека. В Сло-

Фогельзанг. Я тогда был батальонным адъютантом, а позднее командовал 13-й ротой 86-го полка СС, дислоцировавшейся в Миксдорфе, до того как я был переведен в саперную школу. Во время атаки на силовую станцию я был командиром штурмового саперного взвода. Я доложил о плохой подготовке атаки. В результате меня сняли с должности, а штурм полностью провалился. В мое отсутствие мой гордый саперный взвод был полностью обескровлен из-за участия в пехотных атаках. Из-за этого идиотского приказа много моих камрадов, в том числе и тех, кто прошел всю войну, погибли в последние дни»[1]. В последнем случае Полле не преувеличил: из всего личного состава этого саперного взвода войну пережили лишь шесть человек, включая сюда и самого Йохана Полле[2].

В марте на фронт прибыли первые подразделения 506-го минометного дивизиона СС, их сразу же поместили под оперативный контроль 32-й дивизии СС. Батареи были развернуты на линии от северо-восточных окрестностей Фюрстенберга до Цильтендорфа, штаб дивизиона находился в деревне Политц. Фактически этот дивизион был включен в состав дивизии. Свои боевые приказы командир дивизиона Руппель получал от командира 32-го артиллерийского полка СС Лоренца. Дивизион тесно взаимодействовал с 505-м дивизионом артиллерийской разведки СС (корпусная часть

вакии погибло восемь эсэсовцев, следовательно, во взводе оставалось 56 военнослужащих. Кроме Полле, известен еще один из солдат взвода — унтершарфюрер СС Диркс.

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 36—37.

[2] Информация о саперном взводе боевой группы/полка СС «Шилль» взята нами из приложений к книге Pioniere der Waffen SS im Bild. P. A5—A6.

Совещание в штабе 9-й армии, 11 марта 1945 г.

V горного корпуса СС). Каждые три дня батареи дивизиона меняли свою позицию, чтобы избежать обнаружения противником. При этом в дивизионе остро не хватало офицеров, в частности, врач в дивизион был назначен только 2 апреля, а офицер технической службы — 15 апреля[1](!).

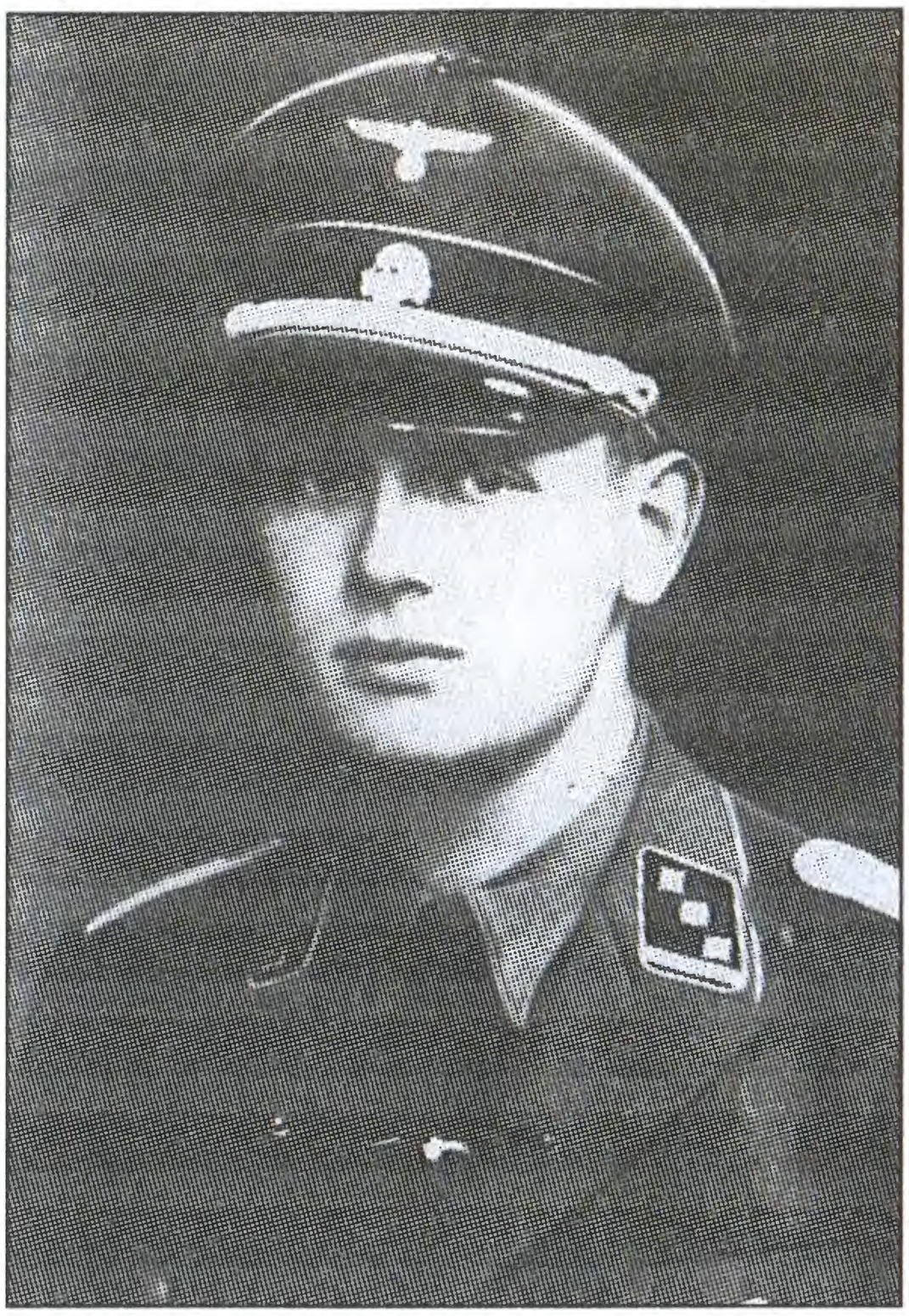
15 марта в дивизии прошла очередная и последняя смена командования — Адольфа Акса отправили руководить созданием учебных курсов СС в Бад-Висзее, а дивизию СС «30 января» возглавил теперь уже последний командир, 32-летний штандартенфюрер СС Ханс Кемпин. Участник Польской и Французской кампаний, Кемпин был одним из самых знаковых офицеров для войск СС. В составе дивизии СС «Райх» он побывал и на Восточном фронте, где 3 сентября 1941 года был тяжело ранен. После выздоровления Кемпин служил на командных и руководящих должностях в различных офицерских

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 81.

и унтер-офицерских школах войск СС, получив известность как командир панцер-гренадерской школы СС «Киншлаг». Кавалер Железного креста II и I классов и Креста военных заслуг с мечами II и I классов. Он был первым эсэсовцем, ставшим во главе армейской дивизии, в феврале 1945 года возглавив 547-ю фольксгренадерскую дивизию. Интересно, что производству Кемпина в штандартенфюреры СС спо-

Оберфюрер СС Адольф Акс

собствовал командующий 3-й танковой армией генерал танковых войск Хассо фон Мантойффель. Дивизия Кемпина была направлена на Одерский фронт, в район города Шведт-на-Одере, где Кемпин повздорил с Эмилем Штюрцем, гауляйтером Марк-Бранденбурга и Имперским комиссаром обороны 3-го военного округа и Бранденбурга. Конфликт возник из-за самоуправства одного из чиновников НСДАП, самовольно конфисковавшего оружейный склад (очевидно, для вооружения частей Фольксштурма), за что Кемпин хотел предать его суду военного трибунала. Этот чиновник успел пожаловаться Штюрцу, который немедленно выступил в его защиту и обратился напрямую к Адольфу Гитлеру. На следующий день, несмотря на протесты Мантойффеля и Буссе, Кемпин был отстранен от командования дивизией и направлен в распоряжение коменданта крепости Франкфурт-на-Одере.



Ханс Кемпин, последний командир дивизии. Довоенное фото

Отсюда он и был назначен на должность командира дивизии СС «30 января»[1].

Служивший при штабе дивизии Эберхард Баумгарт после войны вспоминал, как однажды он возвращался с докладом на командный пункт. Однако, к его удивлению, часовые не позволили ему войти в дом. Не зная, что ему делать, Баумгарт заглянул в окно, и увиденное потрясло его: «Я подумал, что все это мне просто мерещится. Внутри шла совсем другая жизнь. Офицеры в блестящей униформе сидели за одним столом с проститутками. Вокруг звучали музыка, смех, звон бокалов и клубился дым сигарет»[2]. По-видимому, Баумгарт стал невольным свидетелем офицерской вечеринки в честь вступления Ханса Кемпина в должность дивизионного командира. Как правило, на такие мероприятия приглашались служащие женского вспомогательного персонала вермахта, а раздосадованный тем, что на этот «праздник жизни» его не позвали (что вполне объяснимо), Баумгарт подал все это в негативном и вульгарном свете. В дальнейшем, по воспоминаниям Баумгарта, его на-

---

[1] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 1. P. 282.

[2] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. P. 182.

строение еще более ухудшилось, после того как переводчик из поволжских немцев показал ему вырезку из трофейной газеты «Правда», где была помещена непритязательная карикатура с изображением Гитлера, Геринга и Геббельса, устраивающих оргию в Рейхсканцелярии. Подпись под ней гласила: «Каждый день немецкие солдаты продлевают нам жизнь»[1]. Но здесь опять же — вряд ли солдат войск СС весной 1945 года смог так воспринять советскую карикатуру, скорее всего это восприятие пришло к нему уже через позже после войны, под влиянием сомнительной пропаганды и политических конъюнктур.

В целом, за бои в период февраля — первой половины апреля 1945 года дивизия СС «30 января» понесла существенные потери. Потери дивизии за февраль 1945 года составили 314 солдат и офицеров погибшими, 1385 ранеными и 87 пропавшими без вести — всего 1786 человек. В марте было потеряно: убитыми — 407 человек, ранеными — 1447, пропавшими без вести — 336, то есть всего — 2190 военнослужащих[2]. В сумме это дает 3976 человек (убитыми — 721, ранеными — 2832, пропавшими без вести — 423). Обращает на себя внимание высокое количество потерь в марте, когда особо интенсивных боевых действий сторонами не велось, только локальные бои. Некоторые из боевых групп, входивших, в дивизию были уничтожены, причем о них даже не сохранилось какого-нибудь существенного документального упоминания, кроме констатации факта их существования. Саперный батальон был практически обескровлен. Дивизией

---

[1] Ibidem.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 64.

Унтершарфюрер СС

было потеряно несколько должностных лиц, включая квартирмейстера, одного командира полка и двух командиров батальона (обо всех них писалось выше). Также 29 марта без вести пропал адъютант 88-го полка СС оберштурмфюрер СС Хайнц Картинг. Для советской стороны высокие потери дивизии секретом не были, не случайно в советских отчетах о противнике дивизия характеризовалась как понесшая большие потери в феврале—марте[1].

На 17 марта 1945 года боевой состав дивизии насчитывал всего лишь 2846 военнослужащих[2]. Отметим, что Р. Ландвер утверждает, что это состав только 86-го и 87-го полков СС, без частей усиления[3]. Общую численность личного состава дивизии на март 1945 года определить трудно.

Главным итогом этих боев стало то, что формирование дивизии было в основном завершено. Период боев на одерских плацдармах стал для дивизии временем рождения. Не на учебных полигонах «30 января» проходила свое становление, а в настоящем бою. Дивизия формировалась непосредственно в условиях боевых действий, и части, сложившие ее, были

---

[1] *Александров К.* Указ. соч. С. 300.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 587.

[3] *Landwehr R.* Op. cit. P. 83.

закалены в горниле битвы. Это делает дивизию СС «30 января» по-своему уникальной — другие дивизии СС хотя бы имели некоторое время на формирование, в то время как 32-я дивизия СС сразу же вводилась в бой раздельно, по частям, по мере подготовки того или иного подразделения. Хорошо еще, что эти отдельные дивизионные части кидали в бой на одном узком участке фронта, а не на всю его широту, что дало возможность дивизионному штабу быстро взять эти отдельные подразделения под контроль. По окончании боев февраля-марта 1945 года можно уже было уверенно сказать, что «30 января» состоялась как дивизия. Да, она была очень слаба, но показала себя в меру своих сил и возможностей сравнительно неплохо. Ее не стали расформировывать, чтобы пополнить другие части, а, как мы дальше увидим, стали всячески усиливать. Так что формирование дивизии совпало с ее боевым крещением.

ПОДГОТОВКА К РЕШАЮЩЕЙ БИТВЕ

21 марта 1945 года командующим группой армий «Висла» стал генерал-оберст Готтхард Хайнрици, мастер обороны, специалист по удержанию фронта минимумом людей и самой низкой ценой. Неудивительно, что именно на этого компетентного генерала была возложена оборона как имперской столицы, так и фактически всего нацистского государства. Все понимали, что Берлин и саму Германию следовало защищать именно на Одере. Среди немецкого руководства теплилась отчаянная надежда, что если вермахту удастся удержать Одерский фронт, то это создаст условия для раскола антигитлеровской коалиции и заставит западные державы пойти на

Командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Готхардт Хайнрици

сепаратные мирные переговоры с нацистами, — естественно, во имя «спасения Европы от большевизма». Сейчас понятно, что подобные надежды нацистов были более чем наивными и полностью безосновательными, однако в 1945 году такие сценарии казались высшему руководству Третьего рейха вполне реальными.

Командир V горного корпуса СС обергруппенфюрер СС Йекельн показал на допросе в советском плену: «Немецкому командованию было ясно, что после короткой передышки, во время которой будут подброшены новые армии, разгорятся новые ожесточенные бои за Берлин, которые решат исход этой войны. Поэтому немецкие военные власти сделали все возможное, чтобы во время этих боев оказать должное сопротивление русским войскам. Предполагалось, что эти решительные бои начнутся в начале апреля 1945 года»[1].

Однако реальных предпосылок для успешной обороны не было — группа армий «Висла» была очень и очень слаба. После войны Хайнрици вспоминал про свои первые впечатления после посещения подчиненных ему частей: «Я нашел здесь корпуса, которые не были корпусами, и дивизии, которые не

[1] ЦАМО. Ф. 236. О. 2673. Д. 2750. Л. 7.

были дивизиями. За немногими исключениями, это были наспех сколоченные отряды, часть которых в феврале во время неразберихи сумела бежать за Одер вместе с потоком гражданских беженцев, а часть была только недавно сформирована в большой спешке. Здесь было только несколько фронтовых дивизий, имевших боевой опыт... Рядом с ротами Фольксштурма стояли подразделения таможенной стражи, сводные батальоны, латышские эсэсовцы и власовские части.

Во многих частях ощущалась острая нехватка командного состава. Командирами среднего и низшего звена являлись офицеры и унтер-офицеры, многие из которых до сих пор переживали войну только в тылу за письменным столом. Кроме того, было много солдат люфтваффе и кригсмарине, которые совсем не имели опыта ведения наземных боевых действий.

Если части, находившиеся в подчинении группы армий, представляли собой такую пеструю картину, то с вооружением и боеприпасами дело обстояло примерно так же... Повсюду ощущалась нехватка тяжелого пехотного вооружения, а в отрядах Фольксштурма не хватало даже винтовок. Положение с боеприпасами, и особенно с горючим, было плохо...»[1]. Все перечисленные Хайнрици проблемы были как никогда актуальны для 9-й армии, V горного корпуса СС и входившей в его состав 32-й дивизии СС «30 января». В дальнейшем ситуация не особо изменилась. По состоянию на 11 апреля запасы боеприпасов в войсках группы армий «Висла» составляли около 0,9 боекомплекта[2].

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С.184—185.

[2] *Земке Э.* От Сталинграда до Берлина. С. 563.

Один из номеров пулеметного расчета войск СС

К апрелю V горный корпус СС Фридриха Йекельна оставался на прежних позициях и был развернут на позициях вдоль Одера южнее Франкфурта-на-Одере. Корпусной командный пункт размещался в Мюллрозе. Кроме «30 января» в состав корпуса входили 286-я пехотная дивизия и 391-я охранная дивизия.

В апреле 1945 года 32-я дивизия СС занимала участок фронта к югу от Франкфурта-на-Одере. Длина линии обороны дивизии достигала около 17—18 км, она тянулась от Визенау на севере и до северных окрестностей Фюрстенберга на юге. Дислокация частей была следующей: к северу от Фюрстенберга находился II батальон 86-го полка СС, за ним, у Фогельзанга, занимал позиции I батальон 86-го полка СС. Далее следовали позиции II батальона 87-го полка СС (южнее Зееласхофа) и I батальона 87-го полка СС (у Цильтендорфа). Затем, на левом берегу канала Одер — Шпрее, южнее Раутенкранца, находился II батальон 88-го полка СС и в районе Визенау, вплоть до Брискова — I батальон 88-го полка СС[1]. Дивизионный командный пункт размещался в местечке Рисен. Таким образом, «30 января» находилась в центре боевого порядка V горного корпуса СС. Перед позициями дивизии лежали советские плацдармы у Аурита и у Фогельзанга, за-

[1] Michaelis R. Op. cit. P. 30.

нятые частями 33-й армии генерал-полковника В.Д. Цветаева. Интересно, что в последней разведывательной сводке 1-го Белорусского фронта от 15 апреля 1945 года перед началом наступления на Берлин, позиции дивизии были определены абсолютно точно — Визенау (исключительно) — Фюрстенберг (исключительно)[1].

Дислокация других частей корпуса была следующей. 286-я пехотная дивизия генерал-майора Эммо фон Родена занимала участок Лоссов — Брисков, на правом фланге от «30 января», с командным пунктом в Кайзермюле. Ее позиции примыкали к одному из ключевых пунктов немецкой обороны на Одерском фронте — городу Франкфурт-на-Одере. В пропагандистских целях этот город был объявлен «крепостью», хотя серьезных оснований для этого и не имелось. Комендантом Франкфурта-на-Одере был оберст (с 20 апреля 1945 года — генерал-майор) Эрнст Билер. На левом фланге от 32-й дивизии СС находилась 391-я охранная дивизия генерал-майора Рудольфа Зикениуса, действовавшая на участке от Фюрстенберга до Велльница, с командным пунктом в Бремсдорфе.

Трем дивизиям V горного корпуса СС противостояла 33-я советская армия из десяти стрелковых дивизий. Эта армия была среди соединений 1-го Белорусского фронта, отличившихся в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции[2]. На 1 апреля 1945 года 33-я армия имела фронт обороны длиной 55 км, при средней оперативной плотности 5,5 км на одну стрелковую дивизию (напомним,

---

[1] ЦАМО, Ф. 233. Оп. 2356, Д. 739. Л. 468.

[2] Великая Отечественная война Советского Союза. С. 466.

Расчет зенитного орудия на позиции

что по другую сторону фронта одна дивизия СС «30 января» держала участок обороны длиной 17—18 км). Правда, на 15 апреля длина фронта, удерживаемого 33-й армией, возросла до 64 км.

Интересно отметить, что 6 апреля 1945 года командующий 33-й армией генерал-полковник В.Д. Цветаев был удостоен звания Героя Советского Союза.

На 15 апреля 1945 года 33-я армия состояла из 16-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Е.В. Добровольского с 323-й, 339-й и 383-й стрелковыми дивизиями, 38-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта А.Д. Терешкова с 64-й, 89-й и 129-й стрелковыми дивизиями и 62-го стрелкового корпуса генерал-майора Я.С. Воробьева с 49-й, 222-й и 362-й стрелковыми дивизиями. В резерве армии находилась 95-я стрелковая дивизия. Также в состав армии входили два укрепленных района (115-й и 119-й), один танковый полк, два полка само-

ходной артиллерии, девять самоходных артиллерийских дивизионов, одна инженерно-саперная бригада и четыре отдельных понтонных батальона. Артиллерия армии была представлена следующими силами: одна зенитно-артиллерийская дивизия, две пушечных артиллерийских бригады, две гаубичных артиллерийских бригады, одна легкая артиллерийская бригада, одна истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, один истребительно-противотанковый артиллерийский полк, один зенитно-артиллерийский полк (в сумме в армии было пять зенитно-артиллерийских полков, включая сюда и полки, входившие в состав зенитно-артиллерийской дивизии), два минометных полка, четыре гвардейских минометных полка, один артиллерийский дивизион ВМ[1].

Важно помнить, что сектор обороны V горного корпуса СС не рассматривался командованием группы армий «Висла» как чересчур опасный. 31 марта 1945 года генерал-оберст Хайнрици подписал специальный приказ, где были отданы распоряжения по перегруппировке обороны группы армий. Среди прочего в этом приказе говорилось: «Враг готовит весеннее наступление в зоне действий группы армий, с начала которого основная тяжесть боев, по-видимому, примерно в начале апреля ляжет на район Франкфурт — Шведт»[2]. Такое видение событий немецким командованием полностью соответствовало действительности: командующий 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жуков собирался наступать на Берлин с плацдарма севернее Франкфурта-на-Одере, рассматривая

---

[1] ЦАМО, Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 12—13; *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 120.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С.190.

удар войск фронта в районе южнее Франкфурта-на-Одере как вспомогательный.

То, что участок V горного корпуса СС считался второстепенным, отразилось на количестве артиллерийских стволов в секторе корпуса. Само собой разумеется, что основную часть артиллерии немцы стянули в угрожаемые районы. Согласно немецким архивным данным, приводимым В. Тике, в зоне действия V горного корпуса СС имелось всего лишь 2,8 артиллерийских орудия на километр фронта — много меньше, чем в зоне действия остальных корпусов армии[1]. Но даже к имеющимся орудиям не было достаточного количества боеприпасов.

Укомплектование и обеспечение 32-го артиллерийского полка СС отражало общее положение с артиллерией в зоне корпуса. Новый командир полка оберштурмбаннфюрер СС Хайнц Лоренц скептически взирал на состояние своей части. Согласно штатному расписанию, каждая из батарей должна была состоять из шести орудий, однако в некоторых батареях орудий было всего по три. Присланный в качестве усиления отряд зенитчиков люфтваффе (только личный состав, без орудий) был совершенно не подготовлен к ведению наземных боев и поэтому практически не принимался Лоренцом в расчет. В полку ощущался постоянный недостаток боеприпасов, что еще больше усугубляло и без того тяжелое положение.

В вышеупомянутом приказе Хайнрици от 31 марта 1945 года большое внимание уделялось укреплению обороны: «До начала весеннего наступления враг будет продолжать

[1] Там же. С.191.

Позиция противотанкового орудия

свои попытки расширить существующие плацдармы и создать новые на всем протяжении фронта группы армий… Те немногие дни, которые еще остаются у нас на оборонительные мероприятия до начала вражеского наступления, следует использовать прежде всего для сооружения новых позиций. Все, что не будет построено в эти дни, будет бесполезно. Особой проверке следует подвергнуть расширению тыловых позиций между передним краем обороны и позицией «Вотан»[1], заградительных зон и подготовки к подрыву мостов в тыловых районах. Нигде не должно быть ни одного солдата, не задей-

[1] «Вотан» — третья (и последняя) немецкая оборонительная полоса перед Берлином. Состояла из цепочки подготовленных к круговой обороне городов и деревень, пространство между которыми перегораживалось противотанковыми препятствиями и прикрывалось огнем. Из всех опорных пунктов этой позиции как самые крупные можно выделить Фюрстенвальде, Мюнхеберг, Штернебек и Эберсвальде. Смотрите: *Исаев А.В.* Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. С. 51.

ствованного в боевых действиях, который бы не работал на строительстве укреплений»[1].

Как результат, эсэсовцы активно зарывались в землю, стремясь упрочить свою оборону грамотно и надежно оборудованными позициями. Отчасти им это удалось. По немецким отчетам, позиции дивизии СС «30 января» были хорошо оборудованы, представляя собой три готовые линии обороны[2]. Лежащие перед ними луга хорошо простреливались, за исключением некоторых, поросших кустарником, участков местности у Визенау. Только у Фогельзанга и под Вассерверком имелись небольшие перелески. Интересно, что в районе Фогельзанга строительство второй линии обороны осуществлял укомплектованный венграми строительный батальон из двух рот, которым командовал некий гауптштурмфюрер СС[3]. Вполне возможно, что этот батальон был подчинен 32-му саперному батальону СС.

Штандартенобербюнкер СС Гюнтер Адам[4], переведенный в дивизию СС «30 января» 15 апреля 1945 года после войны, вспоминал свои первые впечатления о своем взводе и его

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С.190.

[2] Там же. С. 218.

[3] Там же. С. 253.

[4] Адам родился 29 июня 1923 года в Руссе, район Мемеля. 1 июня 1940 года вступил в запасной батальон полка СС «Германия», во взвод пехотных орудий. Служил в полку СС «Вестланд», была ранен. После выздоровления направлен в дивизию СС «Гогенштауфен». В конце 1944 года зачислен в юнкерскую школу СС в Позен-Трескау (туда была переведена юнкерская школа СС в Брауншвейге). 5 января 1945 года получил звание штандартенобербюнкера СС и был назначен командиром взвода в 545-ю фольксгренадерскую дивизию. Оттуда 15 апреля и был переведен в 32-ю дивизию СС. Кавалер Железного креста II класса.

Штандартенобербюнкер СС Гюнтер Адам

позициях: «Я прибыл в Рисен, на дивизионный командный пункт, где меня уже ожидали. Меня направили в 13-ю роту 86-го полка СС, где я стал командиром 1-го взвода (легких пехотных орудий). Солдаты взвода, частично очень молодые, частично — постарше, многие без боевого опыта, но все же производили хорошее впечатление. Предыдущий командир взвода, унтершарфюрер, стал моим заместителем, с ним у меня не было трудностей. Вооружение и экипировка были хорошими (имелись как автомобили, так и бронетранспортеры). Однако с боеприпасами были трудности, поэтому открывать огонь нам разрешалось только по приказу сверху. Позиции артиллерии были хорошо оборудованы и замаскированы, так как отвечавший за это унтершарфюрер был экспертом в этом деле. Наблюдательный пункт был вынесен почти на 500—600 м вперед и был развернут в хорошо расположенном окопе, но использовать его нужно было осторожно.

К этому времени русские были только в 70 метрах перед нашими передовыми линиями. Малоприятная ситуация. Поскольку стрелять не разрешалось, у нас хватало времени, и я познакомился с моими новыми товарищами, и с командиром 2-го взвода, таким же молодым обершарфю-

ром, обладавшим обширным опытом по части пехотных орудий»[1].

Впрочем, командование все же усиливало дивизию в меру сил и возможностей. Прежде всего, в начале апреля в состав дивизии ввели 88-й гренадерский полк СС штурмбаннфюрера СС Карла Беккера. Теперь дивизия СС «30 января» стала дивизией трехполкового состава. Кроме этого, в марте в сильно потрепанный февральскими боями 32-й саперный батальон СС включили боевую группу «Френкен», гауптштурмфюрера СС Лоренца Френкена, что позволило хоть немного усилить батальон. Опытный Френкен и стал новым командиром саперного батальона.

По мере возможности были усилены и остальные части дивизии. В середине марта ей подчинили 550-й зенитный дивизион СС, состоящий из трех батарей (де-факто стал 32-м зенитным дивизионом СС). Затем, 6 апреля, уже этому 550-му зенитному дивизиону СС была придана 103-я зенитная батарея СС, вооруженная 37-мм зенитками. Данная батарея изначально дислоцировалась в районе Берлин — Лихтерфельде, когда ее перебросили в зону действия 550-го зенитного дивизиона СС[2].

Одновременно, некоторые военнослужащие «30 января» переводились в другие части. Так, унтерштурмфюрер СС Герхард Зайферт (родился 23 августа 1923 года, член СС, билет № 466 529, из 32-го батальона связи СС в марте был переведен в 503-й батальон связи СС III танкового корпуса СС.

Как правило, приданные дивизии небольшие подразделения расформировывались, а их личный состав направлялся

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 39—40.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 360.

на пополнение существующих частей. Один из офицеров 88-го полка СС вспоминал, как в период до 14 апреля в подчинение 88-го полка СС был передан батальон Фольксштурма. Командир полка Беккер тут же расформировал батальон, а его личный состав распределил по ротам полка, по два или три фольксштурмиста на отделение[1]. Такая мера позволила, во-первых, пополнить имеющиеся части личным составом, а во-вторых, способствовала тому, чтобы малообученные солдаты оказались среди «обстрелянных» военнослужащих, что способствовало лучшей подготовке новобранцев. Ведь многие из них не имели не только боевого опыта, но и даже базовых навыков ведения войны в качестве пехотинца. Особенно это касалось бывших солдат люфтваффе и кригсмарине.

Также, по данным В. Тике, к началу советского наступления дивизии был придан (но организационно в ее состав не вошел) гренадерский полк СС «Фальке» оберштурмбаннфюрера СС Эриха Розенбуша[2].

Все эти меры усиления принесли свои плоды и привели к тому, что к началу советского наступления дивизия СС «30 января» оказалась самой сильной частью V горного корпуса СС. Если, как мы уже указывали, на 17 марта 1945 года ее боевой состав насчитывал 2846 человек, то на 15 апреля 1945 года численность боевого состава удалось довести до 6703 солдата и офицера. Для сравнения, другие части корпуса на 15 апреля имели куда меньше солдат в боевых частях: 286-я пехотная дивизия — 3950 человек, а 391-я охранная

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 38.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 218.

дивизия — 4537 военнослужащих[1]. Всего же боевой состав 9-й армии на 15 апреля 1945 года насчитывал 90 836 солдат и офицеров[2].

Здесь же заметим, что общая штатная численность пехотной дивизии образца 1945 года (штат утвержден 10 декабря 1944 года) должна была составлять 11 909 человек, включая сюда 698 хиви. Согласно немецким документам, на 17 марта 1945 года из этого количества: штатная численность — 11 909 человек, численность боевых частей — 10 864, активная численность[3] — 9489, боевая численность[4] — 7898, а без полевого запасного батальона — 7148[5]. В свою очередь, для гренадерских дивизий СС имелось два варианта штатного расписания, причем один из них с небольшими отклонениями соответствовал штатам фольксгренадерской дивизии (штатная численность 11 197 человек). В последнем случае боевой состав дивизии предусматривался в количестве 6410 человек[6]. При этом сама по себе дивизия СС «30 января» была особой организацией: частично со штатами фольксгренадерской дивизии, частично — с более ранними штатами установленными для дивизий СС.

---

[1] *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder: The Decisive Battle for Berlin. P. 273.

[2] Ibidem.

[3] Gefechts-Staerke. Это численность личного состава дивизии за исключением численности штаба, частей снабжения, обозов боевых частей (боевые, вещевые, продовольственные обозы, ремонтная служба), включая боевые повозки (типа оружейных повозок, повозки с боеприпасами первого эшелона боепитания артиллерии).

[4] Kampf-Staerke — те солдаты, которые непосредственно участвуют в бою.

[5] NARA, T78, Roll 399, H1/048a, frame 368990.

[6] NARA, T78 Roll 398, H1/39 P. 12—15.

Гренадер на позиции

Таким образом, боевой состав дивизии был даже больше требуемого штатным расписанием для фольксгренадерской дивизии (но не дотягивал до требуемого штатным расписанием для пехотной дивизии 1945 года на целых 1195 военнослужащих). Если же взять за основу штатные расчеты (боевой состав — около 60 % общего состава), то можно хотя бы приблизительно вычислить общую численность дивизии (боевой и вспомогательный персонал), которая могла достигать до 11 170 человек.

Однако дивизия СС «30 января» была не только самой сильной частью V горного корпуса СС — она была ее главной ударной силой (если бы вдруг корпусу пришлось «наносить удар»). Дивизия была единственной частью корпуса, имевшей нормальную и, что главное, боеспособную бронетехнику, сосредоточенную в 32-м противотанковом дивизионе СС. Со-

гласно официальному отчету квартирмейстера группы армий «Висла», оберста Генерального штаба фон Рюккера «Состояние парка танков и самоходных орудий на 8 апреля 1945 года», 32-й противотанковый дивизион СС имел на вооружении 22 самоходки Stug-III (из них две требовали длительного ремонта) и девять штурмовых самоходных гаубиц Stuh-42 (из них одна нуждалась в длительном ремонте) [1]. По данным А. Исаева, на 13 апреля 1945 года в составе дивизии также числились десять противотанковых самоходок «Хетцер»[2], однако эта информация не подтверждается никакими другими данными и действительности не соответствует[3].

Тем не менее, согласно тому же отчету, 391-я охранная дивизия имела на вооружении два танка Pz-III и один Pz-IV (который к тому же был в долгосрочном ремонте), а 286-я пехотная дивизия бронетехники не имела вообще. Корпусные части: 505-я танковая рота СС имела на вооружении 15 итальянских танков M 13/40 (из них пять в длительном ремонте) и одно итальянское самоходное орудие L6, которое также было в длительном ремонте, а 505-й дивизион штурмовых орудий СС имел в своем составе 11 итальянских самоходок L6 (одна в

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 589.

[2] *Исаев А.* Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. С. 339.

[3] Смотрите, например: *Тике В.* Падение Берлина. С. 589; *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder. P. 275. В таблице приводимой В. Тике никакие «Хетцеры» в составе «30 января» не фигурируют. Что касается Т. Ле Тиссье, то в приложении к своей книге он приводит таблицу: «Численность боеспособной бронетехники 9-й армии на 13 апреля 1945 года», со ссылкой на немецкий военный архив (MA DDR WF-03/5099 Sheets 303-4), в которой приводится лишь выше перечисленная бронетехника — Stug-III и Stuh-42 (причем, только боеспособная техника, машины бывшие в ремонте в этой таблице не указаны).

ремонте). Однако всерьез рассчитывать на то, что итальянские танки и самоходки смогут оказать какую-либо существенную помощь в грядущих боях с советскими войсками, не приходилось по причине крайней слабости этой бронетехники. Кроме этого, в распоряжении обергруппенфюрера СС Йекельна был еще подчиненный корпусу 561-й противотанковый дивизион СС особого назначения, имевший на 13 апреля в боеспособном состоянии 16 «Хетцеров» и один Pz-IV[1].

По данным историка Н. Баженова, на 14 апреля 1945 года в дивизии СС «30 января» насчитывалось шесть батальонов, 6800 военнослужащих, 60 минометов, 79 орудий, 26 танков и самоходных орудий[2]. Мы видим, что эти данные не совсем точны: не учтены фузилерный, саперный и полевой запасной батальоны, а в количестве личного состава указан лишь боевой состав, без персонала тыловых и вспомогательных подразделений. Также несколько занижено количество бронетехники — ведь на 13 апреля в составе дивизии было 28 единиц бронетехники в боеспособном состоянии и три — в долгосрочном ремонте, всего 31 единица.

Так что не случайно известный историк М. Рикменшполь заявил, что «30 января» была дивизией куда более «высокого качества, чем обычно это представляют»[3]. На основании вышеприведенных данных, с ним можно только согласиться.

До середины апреля 550-й зенитный дивизион СС находился в районе канала Одер — Шпрее, к северу от Риссена. При незначительных собственных потерях, были достигнуты неплохие успехи в обороне. Из личного состава обоза диви-

---

[1] *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder. P. 275.

[2] *Баженов Н.* Тайны Берлинской операции. С. 118.

[3] *Rikmenspoel M.* Soldiers of the Waffen-SS. P. 383.

зиона была сформирована специальная минометная группа, вооруженная трофейными советскими минометами. Эти минометчики весьма эффективно действовали, держа под огнем советские оборонительные позиции и периодически обстреливая передвигавшиеся вблизи линии фронта советские части[1].

В середине апреля штаб V горного корпуса СС получил указание разработать и организовать маршруты, по которым гарнизон «крепости» Франкфурт-на-Одере мог бы отступить на позиции дивизии СС «30 января». Отдача такого приказа показывает, что немецкое командование не было уверено в том, что им удастся долго удерживать Франкфурт-на-Одере, и сразу же озаботилось маршрутами отхода для гарнизона «крепости». Всего маршрутов отхода для гарнизона Франкфурта было два: первый пролегал через Кердоферский шлюз к Фюрстенвальде, а второй — по направлению из района к юго-западу от моста Бушмюлен — Нойбрюк и далее на Брисков.

12 апреля командиру 32-го противотанкового дивизиона СС гауптштурмфюреру СС Крауссу приказали сформировать боевую группу на основе штаба и двух рот своего батальона (по данным Р. Михаэлиса, это были 2-я и 4-я роты), фузилерной роты на велосипедах, одной роты крепостного полка из Франкфурта-на-Одере и саперного взвода войск СС (один унтерштурмфюрер СС и тридцать солдат) [2]. Группа получила наименование боевая группа «Краусс». Этими силами Краусс должен был занять вторую линию немецкой обороны между

---

[1] *Stober H.* Op. cit. S. 361.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 237.

Маркендорфом и Хохенвальде и прикрывать ведущий к Берлину имперский автобан № 87.

Остальные роты противотанкового дивизиона и вспомогательные пехотные части остались в распоряжении 32-й дивизии СС. Батальонная рота снабжения и материально-технического обеспечения дислоцировалась восточнее Мюллрозе. Здесь отметим, что по данным Р. Михаэлиса из состава 32-го противотанкового дивизиона были сформированы две боевые группы, а не одна (только не ясно, почему тогда Краусс об этом не упомянул?). К группе «Краусс» Р. Михаэлис добавил еще и боевую группу Шёттле (командир 1-й роты) в составе 1-й и 3-й рот противотанкового дивизиона, одной роты из 32-го саперного батальона СС, противотанкового взвода из 14-й роты 86-го полка СС и одной роты из 32-го фузилерного батальона СС[1]. В принципе, исключать такую возможность нельзя.

«БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ДВЕНАДЦАТЬ»: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

Несмотря на определенное затишье, фронт на Одере был далек от спокойствия. Немцы напряженно следили за советскими плацдармами, с обеих сторон отмечались активные действия разведывательных групп, и часто предпринималась разведка боем — противники прощупывали оборону друг друга. Практически каждый день вспыхивали огневые бои. Все это в полной мере касалось и дивизии СС «30 января», и противостоящих ей дивизий советской 33-й армии: боевая

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 38.

активность на этом участке фронта отмечалась почти каждый день.

Согласно журналу боевых действий 1-го Белорусского фронта, 1 апреля в 14:40 по московскому времени части 49-й стрелковой дивизии генерал-майора П.К. Богдановича отразили атаку батальона пехоты, пытавшегося вести разведку боем при поддержке массированного огня артиллерии и пехоты[1]. После этого на несколько дней наступило некоторое затишье.

Затем, по советским данным, 6 апреля в 03:00 по московскому времени, организованным огнем 401-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона была рассеяна и отброшена в исходное положение немецкая разведывательная группа, силой до взвода пехоты, пытавшаяся вести разведку в районе северо-восточнее Фогельзанга[2]. По-видимому, это были подразделения II батальона 87-го полка СС. Одновременно в ночь на 6 апреля засадой 222-й стрелковой дивизии полковника А.Я. Жиденко в районе северо-восточнее Цильтендорфа был взят в плен солдат из 2-й роты 87-го полка СС[3]. Интересно, что в советском отчете 32-ю дивизию СС назвали абсолютно правильно: 32-я добровольческая пехотная дивизия СС «30 января»[4].

7 апреля в 02:00 по московскому времени под прикрытием массированного огня артиллерии и минометов, немцы силой до роты пехоты пытались вести разведку боем в районе Цшецнова, а в 06:00, силой до двух взводов пехоты — в районе южнее Визенау. В последнем случае, вероятно, это были

---

[1] ЦАМО, Ф. 233. Оп. 2356, Д. 739. Л. 26.

[2] Там же. Л. 54.

[3] Там же.

[4] Интересно, что в советских послевоенных исторических исследованиях дивизию уже именовали не пехотной, а моторизованной. Например, смотрите: *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С.167.

подразделения II батальона 88-го полка СС. Огнем пехоты и артиллерии частей 339-й и 362-й стрелковых дивизий обе разведгруппы были рассеяны и отброшены на исходное положение[1].

7 апреля 1945 года на участке обороны V горного корпуса СС (судя по дислокации частей корпуса — в полосе действий 32-й дивизии СС) в 17:50 (по берлинскому времени) была отмечена постановка советскими войсками дымовой завесы, призванной замаскировать транспортные перевозки через Одер[2].

В час ночи (по московскому времени) 8 апреля немцы (вероятно, II батальон 87-го полка СС) силой до роты пехоты, под прикрытием огня артиллерии и минометов, попытались провести разведку боем в районе севернее Фогельзанга, огнем подразделений 119-го укрепленного района эта попытка была отражена[3].

В ночь на 10 апреля южнее Фогельзанга разведывательные группы 86-го полка СС, по 10—20 человек, проводили разведывательные действия; по советским данным, организованным огнем частей 119-го укрепленного района эти попытки были пресечены[4].

Тем временем, все неутешительные немецкие прогнозы начинали сбываться. По воспоминаниям командующего 9-й армией генерала пехоты Буссе уже с 10 апреля немцы ожидали решающее советское наступление со дня на день[5].

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 61.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С.216.

[3] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 67.

[4] Там же. Л. 78.

[5] *Тике В.* Падение Берлина. С. 214.

С 1 по 10 апреля потери 33-й армии составили 213 человек убитыми, 815 ранеными, четверо пропавших без вести, 367 человек по другим причинам — всего 1399 военнослужащих[1]. Нет сомнений, что основная часть этих потерь пришлась на действия армии против дивизии СС «30 января».

11 апреля в районе Цильтендорфа и Фюрстенберга на советскую сторону добровольно перешли и сдались в плен девять солдат из подразделений дивизии СС «30 января»[2]. Маловероятно, чтобы это были немцы, скорее всего какие-то иностранные волонтеры, причем это могли быть как русские-украинцы, так и оставшиеся в саперном батальоне венгры или румыны.

Одним из наиболее отличившихся в боевых действиях весной 1945 года был дивизионный снайпер унтершарфюрер СС Петерхоф. На 13 апреля 1945 года на его боевом счету числилось 80 убитых красноармейцев[3].

13 апреля III дивизион гауптштурмфюрера СС Гюнтера Партоунса из 32-го артиллерийского полка СС принимал участие в артподготовке перед наступлением 1-й дивизии[4] КОНР[5] генерал-майора С.К. Буняченко[6] на советский плац-

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 506.

[2] Там же Л. 85.

[3] *Landwehr R.* Op. cit. P. 83.

[4] В немецком боевом расписании значилась как 600-я инонациональная (русская) пехотная дивизия.

[5] КОНР — Комитет освобождения народов России — орган под руководством генерал-лейтенанта А.А. Власова объединивший, по крайней мере, формально, русские и ряд национальных организаций, сотрудничавших с Третьим Рейхом. Был образован 14 ноября 1944 года.

[6] Бывший полковник Красной армии.

дарм «Эрленгоф» на западном берегу Одера, в двух километрах южнее Фюрстенберга. Этот в общем-то второстепенный плацдарм удерживался подразделениями 119-го укрепленного района советской 33-й армии и представлял собой предмостное укрепление полевого типа — три километра по фронту и на максимально выдающемся участке — один километр сорок метров в глубину[1]. По предварительному плану, в артподготовке должны были принять участие не менее 19 батарей из различных подразделений, однако, по оценкам российского историка К.М. Александрова, огонь по плацдарму вели не более 10 батарей[2]. В принципе, это вполне объяснимо, учитывая вышеприведенные данные о незначительном количестве орудий в зоне действий V горного корпуса СС. Впрочем, по нашему мнению, артподготовка вышла весьма ограниченной, прежде всего из-за нехватки у немецких артиллеристов боеприпасов — по советским оценкам, немцы выпустили по плацдарму не более 6000 снарядов и мин (изначально планировалось выпустить 28 000)[3]; хотя в отчете 33-й армии об этих событиях немецкая артподготовка названа «мощной»[4]. Возможно, это и предопределило итоговый результат: первое боевое крещение вооруженных сил КОНР прошло неудачно: тринадцатичасовой бой[5] окончился для дивизии Буняченко безрезультатно, все атаки

---

[1] *Александров К.М.* Указ. соч. С. 299.

[2] Там же. С. 304.

[3] Там же. С. 305.

[4] *Дробязко С.И.* Под знамёнами врага. С. 417.

[5] Как правило, историки пишут о том, что этот бой продолжался четыре часа. Однако К.М. Александров показал, что это утверждение далеко от действительности, а сам бой продолжался 13 часов.

были отбиты советскими войсками, а сама дивизия понесла большие потери[1].

В существующих реалиях немецкое командование прекрасно понимало, что наличие вполне сильной дивизии, какой была «30 января», на второстепенном участке фронта южнее Франкфурта-на-Одере, где не ожидалось широкой советской активности, — непозволительная роскошь. Поэтому вполне объяснимо, что 12 апреля командование 9-й армии издало приказ о выводе 32-й дивизии СС из состава V горного корпуса СС и о переводе дивизии в армейский резерв с 18 апреля. Части «30 января» должны были быть поэшелонно выведены с фронта и переброшены в тыловую зону XI танкового корпуса СС как средство для проведения контратак[2].

Сам по себе этот приказ достаточно любопытен и показателен. С одной стороны, его смысл вполне понятен и обоснован. С другой стороны, он показывает, как сильно надеялось немецкое командование на мощь и силу своей обороны, если отводило на переброску дивизии на не такое уж и большое расстояние целых шесть дней, притом, что, как мы уже отметили, советское наступление ожидалось со дня на день. По-видимому, мысль о том, что советские войска смогут сразу прорвать немецкую оборону, в штабе 9-й армии не допускалась.

Первыми подлежали выводу с фронта части 88-го полка СС. 14 апреля они сдали участок обороны Брисков — Фин-

---

[1] После этого генерал-майор С.К. Буняченко воспротивился любым попыткам немецкого командования задействовать его дивизию в бою, а дивизия получила приказ двигаться к Котбусу и перейти в подчинение группы армий «Центр» фельдмаршала Шернера.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 37.

кенхерд подразделениям 1237-го гренадерского полка[1], усиленного мелкими частям Фольксштурма, подчиненным 286-й пехотной дивизии. Одновременно в район к северу от Визенау подтянулись части 87-го полка СС. Однако дальнейшие события внесли в немецкие планы существенные коррективы.

Ранним утром 14 апреля, за два дня до основного наступления, войска 1-го Белорусского фронта начали проводить разведку боем немецкой оборонительной линии «с целью уточнения истинного начертания переднего края обороны противника, системы огня и группировки его сил в обороне»[2]. По данным Г.К. Жукова, «32 разведывательных отряда силой до стрелкового батальона в течение двух суток, 14 и 15 апреля, боем уточняли огневую систему обороны противника, его группировок, определяли сильные и наиболее уязвимые места оборонительной полосы... Разведка 14 и 15 апреля сопровождалась мощным артиллерийским огнем, в котором участвовали крупные калибры орудий»[3].

В штабе V горного корпуса СС в Мюллрозе уже рано утром были получены первые сообщения о сильном огне со-

---

[1] 1237-й гренадерский полк был создан 6 февраля 1945 года из персонала армейской школы № 8 для фанен-юнкеров в Ветцларе, IX военный округ. Личный состав полка был следующим: 25 % — фанен-юнкеры, 25 % — армейские учебно-запасные части и 50 % — подразделения Фольксштурма. Численность около 1600 человек, состоял из двух батальонов (по четыре роты в каждом), плюс 13-я и 14-я роты. В ходе битвы за Берлин полк действовал в районе Франкфурта-на-Одере и придавался дивизии СС «30 января» и 286-й пехотной дивизии. Смотрите: *Tessin G.* Op. cit. B. 13. S. 341.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 101.

[3] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 609—610.

ветской артиллерии по участкам фронта дивизии СС «30 января» и 286-й пехотной дивизии. В дневной сводке группы армий «Висла» говорилась: «Сегодня в утренние часы враг развернул против фронта 9-й армии давно ожидавшееся предварительное наступление»[1].

По немецким данным, позиции 32-й дивизии СС подверглись сильному артиллерийскому обстрелу (по советским документам, артиллерийский налет продолжался 10 минут[2]), после чего последовали шесть советских атак, каждый раз силами примерно одного батальона при поддержке десятка танков и самоходных орудий, отрядов огнеметчиков и штурмовой авиации. Наступление советской пехоты развивалось с плацдарма Аурит. Советская разведка боем имела переменный успех: если на южном участке фронта дивизии Фогельзанг — Цильтендорф все атаки противника были отбиты и передовая линия обороны была удержана, то на участке 87-го гренадерского полка СС у Визенау частям 62-го стрелкового корпуса удалось прорвать главную линию обороны и занять первую траншею. Днем, контратакой при поддержке артиллерийского огня эсэсовцы отбили траншею обратно. Упорные бои шли до ночи; в конце концов, прорвавшиеся советские войска удалось отсечь и оттеснить назад. При этом было уничтожено одно советское самоходное орудие.

В журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта эти события были описаны следующим образом: «62-й стрелковый корпус — двумя отрядами, силой стрелковый батальон в 07:30 после 10-минутного артиллерийского налета вел

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 221.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356, Д. 739. Л. 110—111.

Гренадеры в обороне

разведку боем в направлении отметки 42,0 и южнее Визенау. Преодолевая упорное огневое сопротивление противника, разведотряды заняли его первую траншею. В 15:00 противник контратакой силой до роты пехоты при поддержке массированного огня артиллерии и минометов оттеснил роту 362-й стрелковой дивизии в исходное положение»[1].

Атаки на участке 286-й пехотной дивизии, в особенности на ее южном фланге, примыкающем к позициям эсэсовцев (а такие места стыков всегда очень опасны), также были отбиты, хотя избежать вклинений во фронт обороны не удалось. На этом участке, по советским данным, немцы задействовали танки и самоходные орудия. Принадлежность этой бронетехники определить не удалось, это вполне могли быть

---

[1] Там же. Л. 111.

самоходки из 32-го противотанкового дивизиона СС (хотя никаких свидетельств, подтверждающих это, не имеется) или же, скорее всего, корпусные танковые части, укомплектованные итальянской бронетехникой. Хотя в этом случае можно взять на вооружение и мысль российского историка К.М. Александрова о том, что не всегда указанные в советских документах случаи использования немцами бронетехники были достоверными[1].

Интересно заметить, что, согласно немецким документам, при отражении этой советской разведки боем артиллерия V горного корпуса СС израсходовала 400 % расчетных норм легких снарядов (всего было израсходовано 1860 таких снаряда) и 97 % расчетной нормы тяжелых снарядов (232 снаряда), плюс 355 дымовых снаряда. Впрочем, такая постановка вопроса вызвала глубокие сомнения у ветерана 32-го артиллерийского полка СС Хорста Вильке. Он вспоминал, что артиллерийские наблюдатели полка часто не могли вызвать заградительный огонь артиллерии, поскольку корпус не давал на это разрешения. Вывод Вильке прост: «Командиры блефовали, чтобы сэкономить побольше снарядов». По этому поводу историк В. Тике осторожно заметил, что «вполне возможно, что в вышеприведенном донесении упоминались намного более высокие цифры расхода боеприпасов, и, по всей видимости, это был не единичный случай»[2]. Здесь же еще раз отметим, что в советских отчетах огонь немецкой артиллерии и минометов назван «массированным».

---

[1] Подробнее смотрите в книге: *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта. С.307.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 223.

По советским данным, за 14 апреля 1945 года 33-я армия уничтожила до 350 немецких солдат и офицеров, пять орудий, 26 пулеметов, было подбито три танка. Трофеями советских войск стали 21 пулемет, 82 винтовки, 23 автомата, 42 «Панцерфауста», 620 гранат. В плен было взято 48 немецких солдат и один офицер[1]. О советских потерях данных нет.

В целом V горный корпус СС вполне успешно справился с отражением наступательной активности частей советской 33-й армии, ведь на других участках фронта 9-й армии советским войскам удалось в некоторых местах даже прорвать оборону немцев и захватить несколько населенных пунктов. Отчасти это объяснялось тем, что участок V горного корпуса СС был второстепенным и для советской стороны — Жуков собирался наступать на Берлин с плацдарма севернее Франкфурта-на-Одере, так что особо значительных усилий здесь не предпринималось.

Мелкие боевые столкновения продолжались всю ночь, красноармейцам удалось захватить небольшой участок траншей в районе севернее Визенау.

15 апреля советская активность снизилась. Войска 33-й армии проводили частичную перегруппировку, готовясь к наступлению, и отражали немецкие контратаки в районе Визенау. В дневном донесении группы армий «Висла» говорилось: «В зоне действий 9-й армии противник предпринимал сегодня только отдельные атаки и разведывательные рейды на тех же участках, что и вчера… В поведении противника не было отмечено никаких признаков, которые позволили бы с уверенностью назвать точную дату начала широкомасштаб-

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 111.

ного наступления. Можно было констатировать лишь то, что противник закончил приготовления к широкомасштабному наступлению на участке немецкой 9-й армии и может начать его в любой момент»[1].

Эсэсовцы со своей стороны предпринимали решительные действия, чтобы вернуть утраченные позиции. За день 15 апреля советская 49-я стрелковая дивизия отразила восемь немецких контратак в районе отметки 42,0 силой до батальона пехоты каждая[2]. Советская сторона в долгу не осталась. По немецким данным, днем 15 апреля части 33-й армии снова предприняли ряд атак под Визенау, правда, теперь они были куда слабее, чем за день до этого, всего лишь силами до одной роты.

В итоге частям дивизии СС «30 января» в результате контратаки удалось-таки отбить небольшой участок траншей к северу от Визенау, который был захвачен противником накануне ночью. На участке V горного корпуса СС за день 15 апреля был уничтожен один советский танк[3].

Со стороны немецкого командования большое внимание уделялось моральному состоянию войск перед решающей битвой. Офицеры применяли все меры для того, чтобы повысить моральное состояние и боевой дух своих подчиненных. Вечером 14 апреля в войсках была распространена информация о смерти президента США Франклина Рузвельта (умер 12 апреля 1945 года). Резервисты из 391-й охранной дивизии рассказывали, как военнослужащие из дивизии СС «30 января» шли на лекцию, организованную для них

---

[1] *Тике* В. Падение Берлина. С.227.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 124.

[3] *Тике В.* Падение Берлина. С. 227, 229.

по случаю смерти Рузвельта. Особое внимание нацистские пропагандисты уделяли связи между этим событием и чудом, которое спасло Фридриха Великого в середине XVIII столетия. Многие надеялись, что теперь-то американские войска уже точно не перейдут в наступление, а отношения между Советским Союзом и англо-американскими союзниками резко испортятся[1].

На следующий день, 15 апреля, перед личным составом всех частей 9-й армии, в том числе и в дивизии СС «30 января», был зачитан приказ фюрера и Верховного главнокомандующего вермахтом Адольфа Гитлера. Как заметил К. Райян, хотя этот приказ и был зачитан 15 апреля, но составлен был явно раньше — его придерживали до того момента, когда в Ставке фюрера окончательно не убедились, что генеральное советское наступление вот-вот начнется. Этот приказ стал последним приказом, и одновременно призывом, Адольфа Гитлера, обращенным к личному составу войск на Восточном фронте. Адресованный прежде всего войскам на передовой, этот приказ четко показывал солдатам, за что и против чего они сражаются, и призывал драться с врагом до последнего. В этой связи имеет смысл привести текст этого приказа полностью:

«Солдаты немецкого Восточного фронта! Смертоносная еврейско-большевистская орда собирается нанести последний удар. Враг пытается уничтожить Германию и наш народ. Солдаты Восточного фронта, вы знаете, какая участь грозит вам, немецким женщинам, девушкам и детям. Стариков и детей

[1] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. C. 208.

убьют, женщин и девушек сделают армейскими шлюхами. Остальных отправят в Сибирь.

Мы ожидали этой атаки и с января делали все возможное, чтобы укрепить фронт. Врага встретит наша мощнейшая артиллерия. Потери пехоты будут восполнены свежими бесчисленными соединениями. Резервные части, вновь организованные подразделения и Фольксштурм укрепят наш фронт. На этот раз большевиков ждет старая участь Азии: они непременно падут перед великой столицей немецкого Рейха.

Тот, кто в этот судьбоносный момент не выполнит свой долг, будет считаться предателем нашего народа. Любой полк или дивизия, оставившие свои позиции, покроют себя несмываемым стыдом перед лицом женщин и детей, не сломленных бомбовым террором в наших городах. Особенно остерегайтесь тех немногочисленных офицеров и солдат, которые, чтобы спасти свои жалкие жизни, будут сражаться против нас, продавшись русским, вероятно даже, в немецкой военной форме[1]. Любой, кто прикажет вам отступать, если только вы не знаете его очень хорошо, должен быть немедленно арестован и, если необходимо, убит на месте, невзирая на его звание. Если каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг в грядущие дни и недели, последний натиск Азии будет

---

[1] Намек на Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров», которые были созданы в Советском Союзе из немецких военнопленных. Среди немецких солдат Восточного фронта все военнопленные, пошедшие на сотрудничество с врагом обобщенно именовались «Армией Зейдлица» (по имени генерала артиллерии Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха, попавшего в плен в Сталинграде и добровольно согласившимся на сотрудничество с советской стороной; именно Зейдлиц был главой «Союза немецких офицеров»).

сломлен, и в конце концов будет поставлен надежный заслон нашим врагам на Западе.

Берлин останется немецким, Вена снова станет немецкой[1], и Европа никогда не будет русской.

Торжественно поклянитесь защищать не отвлеченную концепцию Фатерлянда, а свои дома, своих жен, своих детей и, следовательно, наше будущее.

В эти часы глаза всего немецкого народа устремлены на вас, мои воины на Востоке, и наша единственная надежда на вашу верность, ваш фанатизм, ваше оружие. В ваших силах сделать так, чтобы большевистское наступление захлебнулось в собственной крови. Момент, когда судьба уничтожила величайшего военного преступника всех времен и народов[2], станет поворотным в этой войне»[3].

Конечно, высокопоставленные немецкие офицеры на Одерском фронте не питали иллюзий касательно «укрепленного фронта» с «мощной артиллерией» и «свежими бесчисленными соединениями». Закаленные в боях генералы слишком хорошо видели слабость немецких сил и полностью осознавали всю мощь противника. Не давали никакого повода для оптимизма и сводки с других фронтов, прежде всего с Западного, где американские войска уверенно двигались к Эльбе, и с других участков Восточного

---

[1] Вена была захвачена Красной армией 13 апреля 1945 года.

[2] Намек на смерть президента США Франклина Рузвельта, случившуюся 12 апреля 1945 года. Направляемая Рузвельтом политика США во второй половине 30-х годов во многом способствовала развязыванию Второй мировой войны.

[3] Цитируется по тексту, приведенному в книге: *Райан К.* Последняя битва. С. 288—289.

фронта. Тем не менее, приказ все же оказал положительное воздействие на моральное состояние немецких войск перед началом решающей битвы. Солдаты знали, во имя чего они сражаются и полностью осознавали ответственность, что на них ложится. К тому же все надеялись на обещанное «чудо-оружие»[1], которое поможет ослабленному вермахту сокрушить вражеские полчища.

Командующий 9-й армией генерал пехоты Буссе также обратился к войскам с призывом. Штандартеноберюнкер СС Гюнтер Адам вспоминал: «В частях царили настроения, что мы обязательно остановим русских, особенно после того, как нам передали смысл речи генерала Буссе: «Солдаты Восточного фронта, если вы продержитесь в течение двух дней, то вы сделаете это! Приветствие вам от вашего генерала Буссе!». После этого вспыхнули громкие аплодисменты, так как это могло означать, что обещанное нам чудо-оружие наконец будет применено»[2].

После этого командир дивизии Ханс Кемпин издал свой приказ по дивизии, в котором обращал внимание личного состава на то, что они являются солдатами СС, национал-

---

[1] От немецкого «Wunderwaffe», что буквально является совокупным названием ряда масштабных исследовательских проектов нацистских инженеров, направленных на создание новых видов вооружений. Сам термин был изобретён пропагандистами имперского министерства пропаганды Йозефа Геббельса. Делалось это в большей мере для достижения психологического эффекта, поддержания боевого духа войск и подавления панических настроений среди населения в условиях военных поражений. Пропаганда оказалась действенной: до самого конца войны немецкий народ надеялся на «чудо-оружие», которое поможет Германии выиграть войну. Но этого так и не случилось…

[2] *Michaelis R.*Op. cit. P. 40.

социалистами, и что главное — «политическими солдатами». Текст этого короткого, но яркого приказа очень характерен для иллюстрации того, как воспринимали эсэсовцы свое место в немецкой армии:

«Эсэсовцы!

На конечном этапе этой войны фюрер обращается к Восточному фронту. Как национал-социалисты, мы носим гордое наименование: дивизия «30 января». Как политические солдаты, мы осознаем цели большевизма. Что бы ни случилось, мы останемся здесь, и будем защищать существование нашего народа, со всей энергией и упорством, свойственными эсэсовцам. Германия будет и должна жить, мы не позволим отвратительной личине брутального большевизма оставить на нас свою метку.

Наш девиз: "Закопайся, спрячься и убивай!".

Да здравствует наш славный народ!

Да здравствует фюрер!»[1].

Обращает на себя внимание и провозглашенный Кемпином девиз: «Закопайся, спрячься и убивай!». Полностью осознавая слабость своей дивизии перед лицом вражеских армий, Кемпин указал, как именно его солдатам следует сражаться с превосходящим в силах и средствах наступающим врагом.

Так что моральное состояние немецких войск перед началом советского наступления было на удивление высоким. Как вспоминал один из офицеров: «Моральное состояние моих людей было хорошим, несмотря на мрачные перспективы… Все надеялись на скорый перелом к лучшему в этой войне,

[1] Ibid. P. 48—49.

хотя никто не мог сказать, когда он наступит. “Лозунги”, облетев войска, падали на благодатную почву надежды»[1].

В ночь на 16 апреля советские войска прорвались северо-западнее Визенау. Хотя, прорыв и удалось устранить, облегчение пришло ненадолго. Надвигалась буря.

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 173. Эти слова были сказаны одним из офицеров панцер-гренадерской дивизии СС «Недерланд», которая входила в состав 3-й танковой армии группы армий «Висла» и находилась на Одерском участке фронта в районе между Шведтом и Пренцлау. Однако, думаем, они будут вполне актуальны и для войск немецкой 9-й армии, находившихся практически в тех же условиях, что и войска 3-й танковой армии.

Часть 3

БЕРЛИНСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

16 АПРЕЛЯ

Решающее советское наступление началось 16 апреля 1945 года. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах описал принципы, по которым это наступление должно было проходить: «Мы решили навалиться на оборонявшиеся войска противника с такой силой, чтобы сразу ошеломить и потрясти их до основания, использовав массу авиации, танков, артиллерии и материальных запасов»[1].

Не будет преувеличением заметить, что противостоящая фронту Жукова одна немецкая 9-я армия была обречена еще до начала сражения. Действительно, надеяться, что 12 слабых дивизий на передовой и три такие же слабые дивизии в резерве, плюс части усиления, в общей сложности 235 000 солдат и офицеров[2], большей частью плохо вооруженных,

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 606.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 213.

снаряженных и обученных, сумеют отразить могучий удар советских девяти общевойсковых и двух танковых армий, не считая многочисленных частей усиления, хорошо вооруженных, укомплектованных и обученных, было невозможно. Всего 1-й Белорусский фронт имел 83 стрелковые дивизии, 1155 танков и самоходных орудий, 14 628 орудий и минометов и 1531 установку реактивной артиллерии. А ведь был еще и мощный 1-й Украинский фронт маршала И.С. Конева, наносивший свой удар южнее…

Как уже отмечалось, зона действия V горного корпуса СС лежала в стороне от направления главного советского удара. Тем не менее, советским войскам на направлении южнее Франкфурта-на-Одере также отводилась важная задача. Лучше других о ней высказался Г.К. Жуков: «Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии противника после прорыва 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одере и Нейсе, при планировании операции нами было решено нанести вспомогательный удар силами 69-й и 33-й армий из района Франкфурт-на-Одере (южнее железной дороги Франкфурт — Берлин) в общем направлении на Бонсдорф»[1].

Таким образом, 33-я армия должна была атаковать со своего плацдарма к югу от Франкфурта-на-Одере, с целью обеспечения общего успеха Берлинской операции. Следует отметить, что кроме вышеуказанных частей 33-й армии, в районе Франкфурта-на-Одере находился 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В.В. Крюкова, с 10 апреля выведенный из резерва фронта и оперативно под-

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления, С. 609.

чиненный 33-й армии[1]. Этот корпус включал в себя 3-ю, 4-ю и 17-ю гвардейские кавалерийские дивизии, три танковых полка, 1459-й самоходно-артиллерийский полк (вооружен самоходками СУ-76), один истребительно-противотанковый артиллерийский полк, один гвардейский минометный полк, один зенитно-артиллерийский полк[2].

33-й армии была поставлена задача прорвать двумя стрелковыми корпусами немецкую оборону на участке от перекрестка железной и шоссейной дорог в двух километрах к югу от Франкфурта-на-Одере до Лоссова, и одним стрелковым корпусом — на участке Брисков — Визенау. Затем, развивая наступление, частью сил атаковать на Цшецшнов, Розенгартен (в обход Франкфурта-на-Одере с юго-запада) и нанося главный удар в общем направлении Биген — Ланге-валь — Каблов, на третий день операции овладеть рубежом Шпреенхаген — Фридланд — Кошен[3].

Командованием армии было выделено два участка прорыва: первый шириной 3,5 км в полосе действий 62-го стрелкового корпуса южнее Брискова, где советским войскам противостояла дивизия СС «30 января», и второй, шириной три километра севернее Брискова, на стыке 16-го и 38-го стрелковых корпусов, в полосе действий 286-й пехотной дивизии[4].

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 79.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 16; *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 121; *Бернаж Ж.* Берлин 1945. Агония «тысячелетнего» Рейха. С. 93.

[3] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм, С. 58.

[4] *Исаев А.В.* Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. С.129.

К началу операции 33-я армия занимала фронт длиной 64 км. Численный состав стрелковых дивизий армии колебался в пределах 5000—6000 человек[1]; армия была единственной в составе 1-го Белорусского фронта, которая в апреле не получила ни одного человека пополнения из прибывших из военных округов, получив лишь 793 красноармейца из резервных частей фронта[2]. Бронетанковый кулак 33-й армии насчитывал 158 танков и самоходных орудий, причем все они были сосредоточены на участке прорыва, что составило 24,3 танка и самоходных орудия на один километр фронта прорыва[3].

Советскому наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка. Западные авторы восторженно рассказывают о том, как мудрый командующий группы армий «Висла» генерал-оберст Хайнрици ловко просчитал все действия советского командования, и вовремя вывел войска с переднего края, из-за чего советская артиллерийская подготовка «пришлась в молоко». Их оппоненты, как правило, пишут лишь о всесметающей мощи огня советской артиллерии, не особо подробно останавливаясь на результатах. Истина, как обычно лежит где-то посередине. Фактом является, что на рассвете 16 апреля немецкие войска получили указание оставить первую линию обороны, чтобы избежать лишних жертв от огня советской артиллерии. Там, где это еще не было сделано, передний край обороны переносился

---

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 121.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 502.

[3] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 123.

на запад[1]. Однако полностью выполнить этот приказ удалось не на всех участках фронта, особенно это касалось 9-й армии. Не зря оценки немецкого командования показывают, что эффективность советской артиллерийской подготовки была несколько выше, чем принято считать. В частности, командующий 9-й армией Буссе назвал советскую артиллерийскую подготовку «страшнейшей из всех», а начальник оперативного отдела 9-й армии оберст Генерального штаба Ханс-Георг Айсманн на основании первых донесений полагал, что «огонь практически смел с лица земли всю первую линию обороны»[2]. Сама советская артиллерийская подготовка на направлении главного удара шла 20—30 минут, а затем огонь артиллерии уже был направлен на поддержание атаки стрелковых дивизий и выполнение заявок командиров частей и соединений.

Артиллерийская подготовка на участке V горного корпуса СС началась в 05:45 (по московскому времени) 16 апреля. Решающего успеха она не имела. Как было отмечено в журнале боевых действий 33-й армии: «После проведенной по всему фронту нашими войсками в ночь на 15 апреля 1945 года разведки боем противник, сделав для себя правильный вывод о готовящемся нашем наступлении, в течение 15 апреля 1945 года и первой половины ночи с 15 на 16 апреля сменил значительную часть огневых позиций артиллерии и этим самым вывел из-под огня нашей артиллерии свои артиллерийские средства и таким образом сумел сохранить за собой возможность во время нашей атаки обрушиться сильным

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 232.

[2] *Райан К.* Последняя битва. С. 278.

артиллерийским огнем на боевые порядки наступающих частей нашей армии, в результате чего темп атаки был резко снижен и наша пехота понесла значительные потери от артогня противника»[1]. Так что апологеты военного гения Готтхарда Хайнрици могут аплодировать — в секторе V горного корпуса СС его план полностью удался.

Итак, уже в 06:15 стрелковые части 33-й армии пошли в атаку и сразу же встретили упорное сопротивление. Немецкой обороне благоприятствовала лесисто-болотистая местность, по которой атаковали советские войска. Вплоть до 11 часов утра похвастать 33-й армии было абсолютно нечем, только затем наступил небольшой перелом, и немцев удалось потеснить. Однако преодолеть следующий рубеж обороны V горного корпуса СС 33-й армии не удалось.

Наиболее яростные бои снова разгорелись на участке дивизии СС «30 января». Войска 62-го стрелкового корпуса ударили в районе Брисков — Визенау — Линдов — Раутенкранц. Успеха добиться им не удалось: 87-й гренадерский полк СС оберштурмбаннфюрера СС Герберта Фолльмера контратаками всякий раз восстанавливал прежнюю передовую линию обороны в районе северо-западнее Визенау. В этом ему помогла 1-я рота 86-го полка СС под командованием гауптшарфюрера СС Хелльвига, численностью около 60 человек. Эта рота в решающий момент сумела в рукопашном бою отбить назад линию окопов. О накале боев свидетельствует такой факт: в течение последующих нескольких дней деревня Визенау 21 раз(!) переходила из рук в руки.

---

[1] Цитируется по книге: *Исаев А.В.* Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. С. 129—130.

Чтобы поддержать гренадерские полки (в частности части 86-го полка СС, оборонявшиеся в районе Брисков — Финкенхерд), сюда была переброшена 2-я рота унтерштурмфюрера СС Даймлинга из 561-го противотанкового дивизиона особого назначения СС, которым командовал гауптштурмфюрер СС Якоб Лобмейер. Этот дивизион был мобильным резервом V горного корпуса СС и перед началом сражения был разделен на три боевые группы (по числу рот). Маршрут движения роты пролегал через пункты Мюллрозе — Шлаубехаммер — Линдов[1]. Правда, большой помощи гренадерам «Хетцеры» оказать не сумели, но контратаками задержали продвижение противника. По советским данным, части 62-го стрелкового корпуса отразили три контратаки: из района Брискова силою до батальона пехоты с восемью танками и самоходными орудиями, из района Раутенкранца силою до роты пехоты с шестью танками и из района Линдова силою до батальона пехоты с 10 танками. Войска корпуса овладели деревней Брисков, а 362-я стрелковая дивизия генерал-майора М.А. Еншина захватила Раутенкранц[2].

Советская атака в направлении к юго-западу от Визенау была отбита подразделениями 32-го учебно-полевого батальона СС, 32-го саперного батальона СС при поддержке огня I дивизиона 32-го артиллерийского полка СС. В 08:20 советский стрелковый взвод южнее Цильтендорфа вышел во фланг позиций батареи 20-мм зенитных орудий 550-го зенитного дивизиона СС. Эсэсовские зенитчики быстро успели развернуть орудия против наступающих красноармейцев и точным огнем рассеяли противника.

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 238.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 145—146.

Якоб Лобмейер, командир 561-го противотанкового дивизиона СС

Если дивизия СС «30 января» в целом выдержала советский удар, то слабая 286-я пехотная дивизия генерал-майора фон Родена быстро попала в сложное положение. Оборона приданного дивизии 1237-го фанен-юнкерского полка была прорвана. Обратите внимание, что начало советского наступления и прорыв советскими войсками обороны 286-й пехотной дивизии (конкретно — 1237-го фанен-юнкерского полка и приданных ему частей Фольксштурма) привели к тому, что немецкое командование было вынуждено вернуть на прежние позиции в район севернее Визенау 88-й полк СС. Прежний командир 13-й роты 88-го полка СС унтерштурмфюрер СС Гельмут Шварц[1] вспоминал: «Полк “Беккер” начали отводить с фронта где-то 14 апреля. Был приказ вывести полк в резерв в район Мюллрозе. Армейский фанен-юнкерский[2] полк (1237-й гренадерский

---

[1] Шварц родился 7 июля 1922 года. Член СС (билет № 475 435). В марте 1941 года рядовым служил в 4-м эскадроне 1-го кавалерийского полка СС.

[2] Фанен-юнкер — воинское звание в германской армии, присваиваемое слушателям вторых-третьих курсов военно-учебных заведений и примерно аналогичное по смыслу русскому курсанту, а по статусу — условно эквивалентное курсанту-сержанту. По правовому статусу и знакам различия соответствует унтер-офицеру.

полк. — *Р.П.*) занимал наш сектор. Однако уже через один или два дня мы получили приказ снова возвращаться на наши позиции. Дело в том, что к северу от Визенау, где наши траншеи упирались в молодой ельник к западу от канала, русские ворвались в обороняемые фанен-юнкерами окопы. В ближнем бою, с применением огнеметов и ручных гранат, мы попытались выбить их оттуда. Однако полностью нам это сделать не удалось. Они удержались на восточных склонах и оттуда могли фланговым огнем простреливать наши позиции. Меня, с моими тяжелыми минометами, выдвинули вперед с приказом накрыть противника огнем, я находился в передовой траншее, дабы провести разведку. Передо мной стояло очень трудное задание, поскольку точно направлять минометный огонь в этом небольшом лесу было невозможно. Русские были всего лишь в пятидесяти метрах впереди. Мы понесли очень большие потери там... Оберштурмфюрер СС Фишер, который командовал 1-й ротой в самой северной точке обороны полка, получил нервный срыв, так что я временно возглавил эту роту»[1].

Следующие воспоминания Шварца касаются уже действий его 13-й роты: «После начала русского наступления они были остановлены на западной окраине Обер-Линдова. Мы были в Шлаубехаммере со штабом полка. Русские попытались обойти Шлаубехаммер, наступая двумя клиньями через пустоши у Брискова и Линдова. Моя рота была расположена на северо-восточной окраине Шлаубехаммера. В этом направлении, я на бронемашине отправился на разведку. В ходе этого разведывательного рейда мы захватили русское 150-мм орудие, за-

[1] *Michaelis R.* Op. cit.. P. 37—38.

ряженное шрапнельным снарядом. После тяжелого боя, в особенности на северной окраине Шлаубехаммера, мы отошли на окраину Мюллрозе, попав под огонь "Сталинских орга́нов"[1]. Несколько дней спустя мы отошли оттуда на юго-запад»[2].

Однако свои прежние позиции 88-й полк СС смог занять лишь на короткое время и вскоре был оттеснен, понеся большие потери. Спасти положение на этом участке не удалось. Ударами советских войск I батальон 88-го полка СС был разбит. II батальон все же сумел оторваться от противника и организовал новую линию обороны к северу от Обер-Линдова[3]. Известно, что 16 апреля был убит унтерштурмфюрер СС Карл Штерн[4] из 88-го полка СС.

Тем не менее, 16 апреля 87-й и 88-й полки СС в целом сумели не допустить прорыва советских войск, сковав их упорными боями. Они даже прикрыли с фланга контратаку немецких войск, предпринятую в оперативных целях[5].

Результатом прорыва обороны 286-й пехотной дивизии стало то, что две дивизии 16-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Е.В. Добровольского сумели продвинуться далеко на запад. Их передовые отряды уже вошли в лесной массив к северо-востоку от Маркендорфа и до железнодорожной линии между Маркендорфом и Франкфуртом. К обеду красноармейцы достигли района западнее имперского автобана № 87 и к 17 часам (по берлинскому времени) несколькими

---

[1] Так немцы прозвали установки советской реактивной артиллерии, более известные как «Катюши».

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 46.

[3] Ibid. P. 45.

[4] Штерн родился 21 сентября 1919 года.

[5] *Тике В.* Падение Берлина. С. 236.

клиньями вышли к автотрассе Берлин — Франкфурт-на-Одере у Лихтенберга.

В немецких штабах прекрасно осознавали всю сложность положения и важность этой автотрассы. Еще во время составления предварительных планов обороны Берлина вторая линия обороны была предусмотрительно разбита вдоль автобана № 87. И, как мы помним, между Маркендорфом и Хохенвальде, прикрывая ведущий к Берлину имперский автобан № 87, занимала позиции боевая группа «Краусс».

Краусс получил непосредственную задачу удерживать вторую линию обороны в районе автобана № 87 и перекрестка Маркендорф. Фактически эта линия была в зоне ответственности 286-й пехотной дивизии. Обе пехотные роты группы были поставлены на участке обороны от Хохенвальде до Маркендорфа. Позади этой линии разместились позиции самоходных орудий. Краусс развернул свой командный пункт в Маркендорфском замке, здесь же наготове в качестве резерва находился и саперный взвод.

Утром 16 апреля участок обороны группы подвергся сильному артиллерийскому обстрелу и налету советской штурмовой авиации. Под интенсивный огонь попал и Маркендорф. Ближе к обеду прямо на группу Краусса вышли советские стрелковые подразделения — части 16-го стрелкового корпуса (339-я или 383-я стрелковая дивизия). Если верить Крауссу, то к его позициям приблизилась группа людей в немецкой униформе (Краусс назвал их людьми Зейдлица) с криками: «Не стреляйте, товарищи!»[1]. Эта демонстрация

[1] Многие немецкие мемуаристы часто упоминают подобные эпизоды касательно битвы за Берлин. Эта интереснейшая тема требует своего глубокого исследования.

произвела впечатление прежде всего на необстрелянных пожилых резервистов, которые оказались в замешательстве и огня не открыли. Хотя, в принципе, это могли быть и не немецкие антифашисты (весьма сомнительно, что они ходили в немецкой форме на передовой посреди бушующего сражения), а просто бегущие солдаты 286-й пехотной дивизии, за которыми наступали красноармейцы. Просто в горячке боя Краусс принял их за немецких антифашистов, тем более что тогда было не до разбирательств.

Как бы то ни было, но в результате противник ворвался на некоторые позиции переднего края, под огнем оказались немецкие самоходки и противотанковые орудия. Собрав все наличные силы, Краусс решительной контратакой вернул позиции назад. По его воспоминаниям, «когда на штурм пошла вторая волна — русский стрелковый полк, их расстреляли из самоходок и противотанковых орудий еще на подходе к переднему краю»[1]. Впрочем, части советских 339-й и 383-й стрелковых дивизий к концу дня закрепились в районе около двух километров восточнее Маркендорфа[2].

Интересное описание событий второй половины апреля 1945 года, как они виделись простому офицеру СС, мы найдем в дневнике начальника оружейно-технической службы 32-го противотанкового дивизиона СС оберштурмфюрера СС Берманна. В записи за 16 апреля 1945 года Берманн писал: «Мне пришлось отправить в пехотный взвод сопровождения двух своих подмастерьев-оружейников, в том числе штурмманна Шперлиха. Начальником оружейной мастерской

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 237.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 145.

стал роттенфюрер Хорн, а моим помощником водителя — штурмманн Гарке. Я получил радиограмму, в которой мне было приказано немедленно прибыть на командный пункт "боевой группы". Вместе с унтершарфюрером Шеффером и штурмманном Гарке еду через Мюллрозе в Хохенвальде, где нахожу гауптштурмфюрера Краусса. Все орудия в действии. Наш дивизионный врач, унтерштурмфюрер Штраус, с трудом сумел ускользнуть от прорвавшихся русских на санитарной машине. Ночь на 17 апреля он и мои ребята провели в Хохенвальде в каком-то подвале»[1].

Несмотря на успехи Краусса в обороне, прорыв частей 16-го стрелкового корпуса через оборону 286-й пехотной дивизии к Маркендорфу привел к нарушению коммуникаций между крепостью Франкфурт-на-Одере и V горным корпусом СС. Чтобы их восстановить, части 32-й дивизии СС, подразделения, подчиненного дивизии полка СС «Фальке», и небольшие резервы 286-й пехотной дивизии по приказу штаба армии заняли участок фронта к югу от Франкфурта-на-Одере поблизости от Лоссова. Первые меры по реализации этого плана были приняты во второй половине дня 16 апреля.

В этом районе также действовала и 1-я рота 561-го противотанкового дивизиона особого назначения СС. Согласно воспоминаниям командира дивизиона Лобмейера о боях 16 апреля 1945 года, события в районе Лоссова развивались следующим образом: «При первых же звуках артиллерийской канонады бронетанковые подразделения заняли исходные позиции, а именно: группа 1 (1-я рота под командованием оберштурмфюрера Хаукельта) двумя маршевыми группами

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 237.

двинулась в направлении Мюллрозе — Маркендорф до конца автотрассы, юго-западнее Франкфурта. Правофланговая группа проследовала через Мюллрозе, Мальхов и Лоссов. Уже в районе Мальхова ее командир доложил о первом соприкосновении с врагом. После этого левофланговая группа, направляющаяся к Маркендорфу, получила приказ свернуть к Гюльдендорфу.

Противник, вклинившись между Гюльдендорфом и Лоссовом, — а это были какие-то монголы — с двух сторон был встречен огнем моей первой… группы. Но положение осталось неопределенным до тех пор, пока к нам на помощь не подоспели части полка СС "Фальке". После этого перевес оказался на нашей стороне. К вечеру большая часть русских, прорвавшихся северо-западнее Лоссова, была окружена и расстреляна прямой наводкой»[1]. Таким образом, временно опасность была ликвидирована.

С советской стороны в районе Лоссова действовали части 339-й стрелковой дивизии полковника Г.Т. Василенко из 16-го стрелкового корпуса. Эта дивизия из района Лоссов отразила атаку батальона пехоты с 10 танками и самоходными орудиями, а затем овладела Лоссовом[2]. Однако дальше ей продвинуться не удалось, судя по всему, из-за описанных выше действий самоходок Лобмейера.

Но уничтожение одного наступающего советского клина опасность прорыва не устранило. Никакой четкой линии фронта здесь уже больше не существовало, бои носили во многом хаотичный характер. В ночь на 17 апреля части 16-го стрелкового корпуса предприняли еще одну попытку

[1] Там же. С. 238.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 145.

выйти к автобану № 87. Их тут же контратаковала 1-я рота 561-го противотанкового дивизиона СС, которому в качестве пехотной поддержки придали то, что в этот момент оказалось под рукой: III батальон из полка СС «Фальке» и подразделения 32-го учебно-полевого батальона СС оберштурмбаннфюрера СС Вальтера Плёва. Но этих сил было явно недостаточно, чтобы остановить наступающие советские войска и закрыть брешь в немецкой обороне к югу от Франкфурта-на-Одере.

Всего, по советским данным, в первый день наступления, 16 апреля 1945 года, войска 33-й армии отразили шесть немецких контратак силой рота-батальон пехоты с 4—10 танками (по большей части это явно были самоходки Краусса и Лобмейера) из районов южная часть Франкфурта, Хохенвальде, Брисков и Раутенкранц[1]. В целом, за день боя войска 33-й армии продвинулась только на 4—6 км и вышли на рубеж Цшецинов — Раутенкранц[2].

17 АПРЕЛЯ

17 апреля 1945 года боевые действия 9-й армии против атакующего 1-го Белорусского фронта достигли своей кульминации. Дивизия СС «30 января» была втянута в жестокие оборонительные бои. Советские войска то тут, то там прорывали оборону дивизии, но практически каждый раз эсэсовцы контратаками восстанавливали положение. Сплошная линия фронта обычно не существовала, бои часто носили хаотичный характер, а информация об обстановке к войсковым

[1] Там же. Л. 144.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 137.

командирам часто или не поступала вообще, или приходила с большим опозданием. Но обо всем по порядку.

В ночь на 17 апреля войска 33-й армии закреплялись на достигнутых рубежах, вели разведку, подтягивали артиллерию и бронетехнику. Были предприняты и активные действия: ночью на участке фронта 32-й дивизии СС части 62-го стрелкового корпуса сумели форсировать канал Одер — Шпрее по деревянному мосту близ Раутенкранца. Сопротивления они не встретили, поскольку там еще не было ни одной немецкой позиции. Правда, почти одновременно с выдвижением советских войск в район Раутенкранца подошло немецкое подкрепление из Риссена, в числе которого были подразделения 32-й фузилерного батальона СС гауптштурмфюрера СС Клинга и 1-я рота 32-го учебно-полевого батальона СС. Эти подразделения имели первоначальную задачу, во что бы то ни стало у канала Одер — Шпрее преградить путь советским войскам, прорвавшимся в район Маркендорфа.

Действовать эсэсовцы начали сразу же и в привычном для войск СС духе. 1-я рота 32-го учебно-полевого батальона СС под командованием унтерштурмфюрера СС Эмиля Дейшле неожиданно атаковала красноармейцев на мосту у Раутенкранца. Завязалось небольшое сражение, в котором немцы взяли вверх. После этого люди Дейшле прочно закрепились на дороге возле Раутенкранца, а противник отступил на восточный берег — красноармейцы засели в лесничестве севернее канала, оставив на деревянном мосту лишь охранение. Мигом оценив обстановку, Дейшле начал развивать успех: его рота ворвалась на мост и захватила в плен бойцов из советского охранения. Затем, под вражеским ружейно-пулеметным обстрелом подошедшая саперная груп-

па из 86-го полка СС взорвала мост. Правда, несмотря на это, позднее советским саперам все же удалось навести переправу над остатками моста.

Действия в районе Раутенкранца стали прелюдией тяжелых боев в этот день. 33-я армия возобновила наступление в 11:00 по московскому времени, после 30-минутной артиллерийской подготовки.

Войска 16-го стрелкового корпуса продолжали наступать на запад севернее Брискова и Гюльдендорфа, где им накануне удалось прорвать фронт на участке 286-й пехотной дивизии. Затем часть их повернула на юг, в сторону лесного массива Лоссов — Мальхов, чтобы окружить с севера части 32-й дивизии СС и опрокинуть немецкие позиции напротив плацдармов у Аурита и Фогельзанга. Южнее Гюльдендорфа советские войска при поддержке 30 танков продолжили наступление на запад и вышли к железнодорожной линии Мюллрозе — Франкфурт севернее Маркендорфа. Здесь им, практически в одиночку, противостояла 1-я рота 561-го противотанкового дивизиона СС оберштурмфюрера СС Хаукельта. Несмотря на оказанное отчаянное сопротивление, рота была слишком слаба, чтобы удержать оборону.

В утренней сводке группы армий «Висла» в Главное командование сухопутных войск от 17 апреля говорилось: «Контратака наших войск, предпринятая с целью восстановления целостности фронта на южной границе укрепрайона Франкфурт, потерпела неудачу из-за упорного сопротивления противника, многочисленных вражеских контратак силами до одного батальона и явной недостаточности наших сил»[1].

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 253.

Тем временем Краусс все еще держался у Маркендорфа, несмотря на непрекращающиеся атаки советских войск и собственные тяжелые потери, восполнить которые было нечем. Хотя точных данных нет, но судя по всему, к 17 апреля под его командованием сосредоточили все части его противотанкового дивизиона, в том числе и не вошедшие поначалу в его боевую группу. В советских документах указывалось, что 16-й стрелковый корпус в районе Маркендорфа «в течение дня вел тяжелые бои с непрерывно контратакующим противником силою до двух батальонов пехоты с танками и самоходными орудиями»[1].

Оберштурмфюрер СС Берманн писал в своем дневнике о событиях 17 апреля: «Ранним утром мы вместе с Шеффером на нашем “фольксвагене”, в дыму, едем в Маркендорф. Маркендорф пылает, по нему ведется интенсивный артиллерийский огонь. Однако нашей 1-й роты, которую я должен был бы встретить, здесь нет. Вместе с нашим радистом, Хоортером, мы едем в расположение роты материально-технического обеспечения в Миксдорф. Я вместе с моим оружейно-техническим персоналом, кстати, тоже принадлежу к этой роте»[2].

К концу дня 383-я стрелковая дивизия генерал-майора В.Я. Горбачева после упорных боев ворвалась на северные окраины Маркендорфа. Закипели уличные бои. Наступавшая южнее 339-я стрелковая дивизия решающего успеха не имела, о чем было упомянуто в журнале боевых действий фронта: «Встречая упорное сопротивление противника и отражая его

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356, Д. 739. Л. 162.

[2] *Тике В.* Падение Берлина, С. 252.

непрерывные контратаки, части дивизии имели незначительное продвижение»[1]. К концу дня дивизия находилась примерно в одном километре от южных окраин Маркендорфа.

В это же время 2-я рота 561-го противотанкового дивизиона СС находилась под Визенау, где поддерживала дерущиеся там части 32-й дивизии СС. В 11:00 по московскому времени из района Визенау войска 62-го стрелкового корпуса возобновили наступление на запад, но подразделениям 32-й дивизии СС до поры до времени удавалось сдержать их натиск.

Боевые действия приняли настолько упорный характер, что даже командирам частей приходилось принимать непосредственное участие в боях. Исполняющий обязанности командира 550-го зенитного дивизиона СС гауптштурмфюрер СС Карл Хохенгасснер вспоминал о боях 17 апреля: «Никаких донесений об обстановке не поступало. После 13:00 начался сильный минометный обстрел, и нас атаковал взвод красноармейцев. Однако после нескольких очередей из моего пулемета MG-42 они отступили, тогда я не мог понять почему. Лишь позже я узнал, что пехотинцы из 87-го полка СС под командованием гауптштурмфюрера Брандта и унтерштурмфюрера Плоса обошли атакующих сзади и заставили их отступить»[2]. В жестоких боях зенитный дивизион понес тяжелые потери в людях и материальной части.

62-й стрелковый корпус частями 49-й и 362-й стрелковых дивизий отразил несколько немецких контратак силою до двух батальонов пехоты с танками и самоходными орудиями из районов Шлаубехаммер и Риссен. Ближе к концу дня

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 162.

[2] *Stober H.* Die Flugabwehrverbande der Waffen-SS. S. 361.

49-я стрелковая дивизия генерал-майора П.К. Богдановича достигла Шлаубехаммера. В свою очередь под Раутенкранцем 362-я стрелковая дивизия генерал-майора М.А. Еншина вышла к каналу Одер — Шпрее и отбросила 1-ю роту унтерштурмфюрера СС Дейшле 32-го учебно-полевого батальона СС к Раутенкранцскому лесничеству, частично форсировав канал. Дивизия продвинулась на два километра северо-западнее Риссена и Раутенкранца и в итоге вышла в район в трех километрах юго-западнее Визенау[1]. Тем временем части 1237-го гренадерского (фанен-юнкерского) полка сменили 32-й полевой запасной батальон СС.

После советского прорыва у Раутенкранца положение для немцев стало весьма неопределенным. Никто в немецких штабах толком не знал: успели ли уже советские войска переправиться на западный берег канала Одер — Шпрее крупными силами или нет. В таких условиях началась подготовка контратаки, чтобы вернуть контроль над каналом в руки немцев и сорвать его форсирование противником. Основной силой для этого должен был послужить I батальон 1237-го гренадерского полка, усиленный подразделениями дивизии СС «30 января».

I дивизион 32-го артиллерийского полка СС (две батареи по шесть легких 105-мм гаубиц в каждой) под командованием штурмбаннфюрера СС Ульриха Эрнста, занимал позиции в районе Политц — Шенфлисс, и отвечал за поддержку огнем обороны участка фронта Фюрстенберг — Фогельзанг. Тем не менее, еще дивизиону дополнительно была поручена поддержка обороны района Линдов — Раутенкранц. Дивизион пока еще оставался на старых позициях, по мере надобности

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 162.

направляя свои орудия то в одном, то в другом направлении. Из-за этого, в дополнение к уже имеющемуся наблюдательному посту, для наблюдения за другими направлениями пришлось развернуть еще два передовых поста. Также несколько офицеров были направлены в соседние пехотные части, для корректировки огня поддержки. В 1237-й гренадерский полк был направлен унтерштурмфюрер СС Харниш.

После войны Харниш вспоминал: «Я был передовым наблюдателем 1-й батареи. Так как в моем распоряжении был БТР, я рассчитывал на особенно мобильный передовой пост дивизиона Эрнста. 17 апреля весь персонал покинул наблюдательный пост, так как я получил приказ явиться на командный пункт к штурмбаннфюреру Эрнсту. Эрнст направил меня в Риссен. Там я должен был привести в порядок 1237-й фанен-юнкерский полк. Майор Гесслер и его адъютант, лейтенант Дитрих ввели меня в курс дел, которые были довольно-таки запутанными. На командном пункте «бродил, как призрак» некий гауптштурмфюрер, командир венгерской части СС, который никак не мог собрать своих людей[1].

По возвращении я представил доклад штурмбаннфюреру Эрнсту и получил новый приказ — 18 апреля не позднее пяти часов явиться к гауптману Хилле, командиру I батальона 1237-го фанен-юнкерского полка, который сменил 32-й полевой запасной батальон СС в районе канала Одер — Шпрее. Командный пункт Хилле находился на южной насыпи канала, прямо на Раутенкранцском мосту. Там как раз планировалась контратака, я должен был поддержать ее огнем. Я выехал уже

[1] Речь идет о венгерском строительном батальоне, который, как мы уже указывали выше, осуществлял строительство укреплений в районе Фогельзанга.

ночью, как раз вовремя, чтобы успеть явиться к гауптману Хилле в назначенный срок. Со мной были водитель БТР, штурмманн Клукхольм, и радист, штурмманн Цент»[1]. Одновременно к Раутенкранцскому мосту немцы начали стягивать и другие резервы, в частности 32-й саперный батальон СС.

Отметим, что наличие в зоне боевых действий венгерского строительного батальона, а также активное применение на фронте частей Фольксштурма дало основание некоторым авторам, в частности Э. Бивору, утверждать, что на передовые позиции дивизии СС «30 января» были посланы подразделения, состоявшие из венгров, которые, наравне с солдатами Фольксштурма, были принесены в жертву для спасения регулярных войск. Бивор также приводит послевоенное высказывание командира 13-й роты 88-го полка СС унтершturмфюрера СС Гельмута Шварца: «Штаб использовал этих людей в качестве пушечного мяса»[2]. Однако на самом деле использование Фольксштурма было вызвано лишь военной необходимостью и нехваткой на фронте других частей, а не какими-то зловещими планами «спасти регулярные войска» за счет ополченцев — ведь других войск в распоряжении командования просто не было. Неправильно и спекулировать наличием на фронте подразделений венгерских строителей. Действительно, что еще оставалось делать в этой ситуации и немецкому командованию, и самим венграм, захваченным врасплох советским наступлением? Естественно, что их попытались использовать на фронте, тем более что отводить их было особо некуда, но поскольку боеспособность строи-

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 252—253.

[2] *Beevor E.* The Fall of Berlin 1945. P. 219.

тельных частей, не говоря уже о боевом духе, была меньше минимальной, то большая часть из них просто разбежалась. Хотя наверняка отдельные венгерские добровольцы все же сражались вместе с немцами до конца.

Что касается позиций II и III дивизионов 32-го артиллерийского полка СС вблизи Линдова (южнее, II дивизион) и Хохенвальде (III дивизион), то они уже являлись передним краем. II дивизион гауптштурмфюрера СС Альфреда Маттауша поддерживал своим огнем действия подразделений полка СС «Фальке». Командир III дивизиона гауптштурмфюрер СС Гюнтер Партоунс был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь (вскоре он умер от ран), его заменил оберштурмфюрер СС Фридрих Одой.

В целом, в течение дня 17 апреля части 33-й армии продвинулись вперед на 5—6 км. По советским данным, «противник перед фронтом армии, опираясь на заранее подготовленные позиции, огнем и неоднократными контратаками силою до двух батальонов пехоты с танками и самоходными орудиями оказывал ожесточенное сопротивление наступающим войскам армии»[1].

После относительных неудач на направлении главного удара Г.К. Жуков начал подстегивать наступательный порыв своих войск приказами. В частности, он приказал 33-й армии во второй половине дня 17 апреля ввести в сражение 2-й гвардейский кавалерийский корпус и 18 апреля 1945 года «ударом с юга во взаимодействии с частями 1-й гвардейской танковой армии овладеть юго-западной частью Берлина»[2].

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 161.

[2] Там же.

Вечером этого же дня командующий 1-м Белорусским фронтом отдал своим войскам еще один приказ:

«1. Немедля развить стремительность наступления. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся и израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина.

2. Всем командармам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении. Нахождение в тылу войск категорически запрещаю.

3. Всю артиллерию, в том числе большой мощности, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2—3 км за эшелоном, ведущим бой. Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв. Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш»[1].

В общем, теперь 1-й Белорусский фронт собрался еще более активизировать свои усилия.

18 АПРЕЛЯ

Как отметил В.Тике, «именно 18 апреля следует считать началом битвы за Берлин и последней битвы за Германию. Немногие уцелевшие немецкие войска, сражавшиеся с мужеством отчаянья и еще способные одерживать отдельные

[1] Там же. Л. 166.

победы местного значения, оказались повергнутыми в хаос, который разверзся перед ними»[1].

V горный корпус СС из всех своих скудных сил сопротивлялся натиску 33-й армии южнее Франкфурта-на-Одере. 17 апреля Хайнрици решил усилить корпус, придав ему 23-ю дивизию СС «Недерланд», однако переброска этой дивизии сильно затягивалась нехваткой горючего, так что надеяться на ее быстрое прибытие не приходилось. А уже вскоре из-за изменения обстановки об этой идее забыли и «Недерланд» перенаправили на другой участок фронта.

Главные силы 33-й армии перешли наступление в 10:50 по московскому времени, после двадцатиминутной артиллерийской подготовки. Однако боевые действия на основных направлениях разгорелись еще до этого времени.

После того как части 62-го стрелкового корпуса вышли к каналу Одер — Шпрее, немцы оказались в затруднительном положении. Чтобы вновь превратить канал Одер — Шпрее в передовую линию обороны, 1237-й гренадерский полк 286-й пехотной дивизии, накануне сменивший 32-й полевой запасной батальон СС, получил приказ закрепиться вблизи моста у Раутенкранца и выдвинуться к каналу Одер — Шпрее.

Как мы помним, унтерштурмфюрер СС Харниш, артиллерийский наблюдатель I дивизиона 32-го артиллерийского полка СС, был направлен в I батальон 1237-го фанен-юнкерского полка гауптмана резерва Альфреда Хилле[2] с заданием организовать артиллерийскую поддержку пехоты на подступах к

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 263.

[2] Хилле родился 22 ноября 1908 года в Лейпциге. 21 апреля 1945 года Хилле был награжден Рыцарским крестом. Умер 11 сентября 1996 года.

каналу. К пяти часам утра Харниш на своем бронетранспортере прибыл к мосту у Раутенкранца. Как оказалось — зря: командир 1237-го полка майор Гесслер по радио передал новый приказ: не теряя времени, отправляться в расположение подчиненной 1237-му фанен-юнкерскому полку боевой группы, основу которой составлял 32-й саперный батальон СС, усиленный подразделениями 32-го учебно-полевого батальона СС (как утверждает Р. Ландвер, это были подразделения, не вошедшие в группу Краусса[1]). Полевой запасной батальон совсем недавно получил пополнение личным составом из числа бывших солдат люфтваффе и кригсмарине, которые даже не успели сменить свою старую униформу. В каждой роте саперного батальона насчитывалось около 100 бойцов. Командовал боевой группой гауптштурмфюрер СС Лоренц Френкен, командир 32-го саперного батальона СС.

По плану, группа Лоренца Френкена должна была наступать в центре, а батальон Хилле — справа от нее. О том, что происходило слева, Френкен не имел ни малейшего представления. Впрочем, некоторого оптимизма добавляло то, что к его группе подошли два самоходных орудия, по-видимому, из 32-го противотанкового дивизиона СС[2], да еще присоединился и Харниш со своим бронетранспортером. Правда, от того, что Харниш был переведен в распоряжение Френкена, толку было мало — связи с дивизионом у него не было, ни по радио, ни по телефону. В последнем случае, по словам Харниша, телефонные провода были повреждены гусеницами

---

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 26.

[2] В. Тике указывает, что группа Лоренца Френкена была усилена подразделениями 32-го противотанкового дивизиона СС, скорее всего это и были эти две самоходки.

«Хетцеров» (с его слов не ясно, были ли эти «Хетцеры» приданы Френкену, либо просто проезжали мимо; с учетом того, что в описании боя, оставленном Харнишем, «Хетцеры» не фигурируют, то скорее второе).

Немцы ожидали, что переправляться через канал войска 33-й армии начнут рано утром и будет это происходить западнее Раутенкранца. Так и случилось. В 09:50 часов утра (по берлинскому времени, 10:50 по Москве), войска 62-го корпуса атаковали немецкие позиции. Советская артиллерия вела интенсивный огонь (артиллерийская подготовка шла 20 минут), под прикрытием которого красноармейцы начали переправляться через канал. Батальон Хилле и группа Френкена попытались контратаковать, однако из-за сильного заградительного огня советской артиллерии с противоположного, более высокого берега канала у них ничего не получилось.

В полдень Хилле, Френкен и Харниш устроили военный совет, где решали, что делать дальше. Новая атака была назначена на 15 часов, а гауптманн Хилле выделил в распоряжение Харниша отделение связистов с рацией «Дора», чтобы он смог наконец связаться с дивизионом и обеспечить поддержку атаки артиллерией.

Однако инициатива теперь была полностью в руках Красной армии. В 15 часов 362-я стрелковая дивизия предприняла внезапную контратаку без артиллерийской подготовки и отсекла группу Френкена от батальона Хилле. Не ожидавшие ничего подобного подразделения группы Френкена за какие-то 20 минут были с треском выбиты с занимаемых позиций: понеся тяжелые потери, они откатились на 500 м назад. Здесь, у небольшого водотока на опушке леса, в спешке была организованна новая линия

обороны. Харнишу удалось наладить связь со своим дивизионом, точный артиллерийский огонь задержал продвижение противника. Пользуясь моментом, Френкен предпринял контратаку при поддержке двух штурмовых орудий, но она оказалась безуспешной. В советских отчетах об этих событиях писалось, что 18 апреля войска 62-го стрелкового корпуса, «преодолевая упорное огневое сопротивление противника, отразив частями 49-й и 362-й стрелковых дивизий четыре контратаки силою до двух батальонов пехоты с 6—10 танками и самоходными орудиями каждая, из районов Кайзермюле, Цильтендорф на правом фланге продвинулись на два километра»[1]. Для усиления удара к Цильтендорфу подтягивались части резервной дивизии 33-й армии — 95-й стрелковой дивизии.

Боевая группа теперь оказалась в полуокружении, ее обходили спереди и с левого фланга, но Френкен продолжал отчаянно драться. Харниш был ранен осколком от разрывного снаряда в левое плечо и получил разрешение эвакуироваться в тыл. К этому моменту красноармейцы сумели просочиться в котловину позади и левее новой линии обороны боевой группы. Тяжело раненому Харнишу все же удалось достичь немецких позиций в двух километрах позади позиций группы Френкена. Харниш вспоминал: «Моя бронемашина дожидалась меня далеко позади. Водитель Клукхорн, узнав, что я ранен, поехал вперед, чтобы разыскать меня. При этом машина попала под обстрел, была подбита и загорелась. Спастись удалось только штурмманну Центу. Он сопроводил меня на главный медицинский

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 177.

пункт, где мне ампутировали руку»[1]. Затем через Берлин и Деммин Харниша доставили в госпиталь в Эйтине, где он и встретил окончание войны.

Лоренц Френкен же силами своего батальона и приданных частей продолжал сдерживать натиск противника. В итоге упорное сопротивление немцев заставило советское командование, несмотря на видимые успехи советских стрелковых частей в борьбе со слабыми немецкими боевыми группами, отказаться от развития наступления с плацдарма в районе Раутенкранца. А ночью на 19 апреля советские войска даже начали отходить.

18 апреля боевой группе Краусса тоже скучать не приходилось. На протяжении двух дней Краусс удерживал передний край своих позиций восточнее Маркендорфа против натиска 16-го стрелкового корпуса. Затем поле боя переместилось непосредственно в сам Маркендорф, в особенности в район вокруг замка и дорожного перекрестка. Замок Маркендорф (помещичья усадьба) был одним из ключевых пунктов обороны, семь раз переходивший из рук в руки: трижды немцы отбивали у красноармейцев замок Маркендорф, но в четвертый раз этого сделать уже не удалось. Район был окружен советскими войсками, а радиосвязь с подразделениями группы, находившимися южнее Маркендорфа, отсутствовала. Краусс не имел представления, ни где сейчас проходит передний край обороны, ни где находятся ближайшие немецкие войска.

По советским данным, части 16-го стрелкового корпуса 18 апреля, «преодолевая сильное огневое сопротивление и отразив частями 339-й стрелковой дивизии две контратаки

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 266.

противника силою до двух батальонов пехоты с 6—8 танками из района Маркендорф (южный) очистили от противника Маркендорф (северный)». Сам Маркендорф был взят 339-й стрелковой дивизией полковника Г.Т. Василенко. К 20:00 339-я и 383-я стрелковые дивизии корпуса вели бои поблизости от Маркендорфа[1].

К девяти вечера 18 апреля с девятью солдатами Крауссу удалось пробиться через вражеское окружение и выйти к позициям боевой группы южнее Маркендорфа. Здесь его настиг приказ отойти и закрепиться на линии «Ц».

Свой новый командный пункт Краусс развернул в Хохенвальде. Здесь же начали собираться подразделения 32-го противотанкового дивизиона СС. Оберштурмфюрер СС Бергманн вспоминал: «Я вместе со своим техническим персоналом выехал из Миксдорфа в Хохенвальде, где находилась боевая группа Краусса. Над Маркендорфом нависли тяжелые клубы дыма. Ночью на 19 апреля мы попытались восстановить радиосвязь с 1-й ротой… которая должна была понести огромные потери в орудиях. Наконец нам удалось выйти на связь, и гауптштурмфюрер Краусс приказал нам немедленно ехать через Лихтенбергскую овчарню в расположение 1-й роты»[2].

Начав устанавливать связь с подразделениями, которые должны были занять линию «Ц», Краусс быстро убедился, что помощи ждать ему неоткуда. После беглого осмотра оказалось, что эта линия «Ц» существует только в воображении командования и на штабных картах, на деле же никаких

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 177.

[2] *Тике В.* Падение Берлина, С. 267.

оборонительных сооружений на ней не было. Вместе с неизвестным штандартенфюрером СС[1] они собрали полторы роты солдат самых разных родов войск, объединили их с остатками боевой группы Краусса и заняли местность, которая, судя по карте, и должна была являться пресловутой линией «Ц». При этом оба они были уверены в том, что удержать линию «Ц» этими силами им не удастся.

Тем временем к этому участку фронта выдвигались части III батальона полка СС «Фальке», плюс подразделения 1-го учебно-запасного батальона СС. В авангарде шла 12-я рота этого батальона, под командованием унтерштурмфюрера СС Фридриха Блонда. Восточнее Шлаубехаммера Блонд наткнулся на командный пункт II батальона 88-го полка СС. К этому моменту от батальона оставалось одно название. Считается, что Блонд взял остатки батальона под свое командование, хотя нам кажется это маловероятным, все-таки он был лишь унтерштурмфюрером, а при батальоне наверняка были офицеры старше по званию. Скорее всего, это рота Блонда оказалась в подчинении у батальона, после чего Блонд подтянул сюда свою роту и перегруппировался. Затем Блонд двинулся в район к северо-западу от Раутенкранца[2].

Впрочем, остатки II батальона 88-го полка СС недолго пробыли вместе с ротой Блонда и вскоре уже отходили к

[1] В. Тике предполагает, что это был Йозеф Свинтек. Он получил известность как командир 3-го артиллерийского полка СС дивизии СС «Тотенкопф», на этом посту 16 июня 1944 года был награжден Рыцарским крестом. На 1 марта 1945 года еще оставался на своей должности. По некоторым данным, в апреле 1945 года Свинтек был командиром укомплектованного европейскими добровольцами добровольческого полка СС на Одерском фронте. Умер 26 июня 1991 года.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 266.

Кайзермюле, которого достигли к вечеру 21 апреля[1]. В свою очередь, командир 88-го полка СС Беккер пытался упорядочить отход своих частей, ему удалось собрать под своим началом остатки полка, включая сюда и 13-ю роту. Эти силы он повел к Беескову. Оттуда маршрут отхода пролегал к Шторкову, а затем — к Шармютцельзее[2]. По пути к Бееско-ву подразделения полка постоянно атаковались с воздуха советскими штурмовиками. Фактически 88-й гренадерский полк СС был разгромлен, что вполне объяснимо: ведь как мы уже выше писали, он был самым слабым из полков дивизии. Какие-либо данные о его боевом применении в дальнейшем отсутствуют. Что касается роты Блонда, то она была передана в подчинение I батальона 87-го полка СС и впоследствии помогала прикрывать отступление дивизии.

В отношении III батальона полка СС «Фальке» заметим, что его подразделения были подняты по тревоге в ночь на 18 апреля. На автомашинах через Мюллрозе их доставили в Лихтенберг, откуда гренадеры пешком двинулись дальше на восток по направлению к Маркендорфу, с целью контратаковать прорвавшиеся к северу от Маркендорфа советские войска. Не зная обстановки, уже вскоре эсэсовцы неожиданно нарвались на противника.

В дневном донесении группы армий «Висла» в штаб командования сухопутных войск обо всех этих событиях говорилось оптимистично: «286-я пехотная дивизия (и ни слова о дивизии СС «30 января»! — *Р.П.*) отразила несколько атак противника, развернутых с востока в направлении Хохенвальде — Маркендорф, при незначительных потерях территории. С целью ликвидации вражеского прорыва севернее

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 49.

[2] Ibid. P. 60.

Маркендорфа в настоящее время наши войска (III батальон полка СС «Фальке») проводят контратаку»[1].

Однако эта контратака существовала только в воображении штаба группы армий «Висла». На самом деле где-то до пяти часов вечера обе стороны только перестреливались. Правда, один раз эсэсовцы попытались атаковать, однако из этой затеи ничего не вышло. Ценой больших потерь был захвачен небольшой кусок территории, который вскоре пришлось оставить по причине неравенства сил и огневой мощи советских войск.

Затем советские войска подвергли позиции эсэсовцев сильному минометному обстрелу, после чего пришел приказ сменить позицию. Это стало началом конца. Командир III батальона гауптштурмфюрер СС Польстерманн и командир 12-й роты унтерштурмфюрер СС Шенк организовать отход не сумели (справедливости ради следует сказать, что в тех условиях сделать это было весьма проблематично). Гренадеры отступали беспорядочно и понесли большие потери. Только появившийся на поле боя немецкий танк, поразивший советское противотанковое орудие, сумел ненадолго изменить положение вещей в пользу эсэсовцев, как вспоминал гренадер СС Юрген Муз: «После этого мы почувствовали себя уже не такими одинокими и покинутыми». Однако к вечеру танк уехал, после чего позиции эсэсовцев подверглись обстрелу из «катюш». В итоге к концу дня и III батальон полка СС «Фальке», и 12-я рота полка были разбиты.

Их остатки вышли к огневым позициям II дивизиона 32-го артиллерийского полка СС, где занялись сооружением новой

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 269.

линии обороны. «Наше боевое крещение было жестоким, и у нас по-прежнему сохранялось ощущение, что наша рота, как и наш батальон, были бессмысленно принесены в жертву»[1], — с горечью писал после войны Юрген Муз.

Другие подразделения полка СС «Фальке» также не добились успехов. Так, I батальон полка занимал оборону у пересечения автодороги с автобаном № 87 и был раздавлен советскими войсками. В ходе этих боев был уничтожен и штаб полка. Таким образом, приданный дивизии СС «30 января» полк СС «Фальке», несмотря на мужество своих солдат, не смог оказать никакой существенной помощи частям дивизии.

Тем не менее, несмотря на то, что 18 апреля дивизии СС «30 января» не удалось добиться видимых успехов, им удалось навязать войскам советской 33-й армии тяжелые оборонительные бои на всхолмленной и лесистой местности. Тем самым было на корню сорвано выполнение генерал-полковником В.Д. Цветаевым вышеупомянутого приказа Г.К. Жукова о выходе 18 апреля к южным окраинам Берлина. Армия имела лишь незначительное продвижение (1—2 км!) в центре и на левом фланге[2]. В журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта о действиях 33-й армии 18 апреля писалось следующее: «Встретив упорное сопротивление противника, войска армии в течение дня имели незначительное продвижение на правом фланге. Противник, опираясь на заранее подготовленные позиции, оказывал упорное сопротивление наступающим войскам армии. В течение дня

---

[1] Там же. С. 268.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 149.

предпринял 11 контратак силою до двух батальонов пехоты с 6—10 танками и самоходными орудиями каждая из районов Цшецшнов, Франкфуртер-Хеэ, Кайзермюль, Раутенкранц, при поддержке массированного огня артиллерии и минометов»[1]. Так что советские войска просто выдавливали эсэсовцев с их позиций. Девиз Ханса Кемпина — «Закопайся, спрячься и убивай!», которым руководствовались солдаты дивизии, каждый день сражения показывал свою актуальность.

19 АПРЕЛЯ

19 апреля 1945 года из-за тяжелых потерь, понесенных в предыдущие дни, и неожиданно упорного сопротивления V горного корпуса СС, 33-я армия приостановила наступление. Войска армии проводили перегруппировку, сосредоточивая войска в западном и северо-западном направлениях, пополняли запасы боеприпасов, закреплялись на достигнутых рубежах и вели огневой бой с немецкими войсками.

Из-за того, что 19 апреля 33-я армия не пошла в наступление, утром V горный корпус доложил в штаб 9-й армии, что ситуация южнее Франкфурта-на-Одере находится под контролем: «На участке 391-й пехотной дивизии и 32-й дивизии СС (до Цильтендорфа включительно) по-прежнему обстановка спокойная. Вражеский прорыв южнее Визенау устранен. Войска противника, которым удалось прорваться с плацдарма Раутенкранц на юг, остановлены и отсечены севернее Риссена. Продолжаются действия по устранению прорыва»[2].

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 176.

[2] *Тике В.* Падение Берлина, С. 280.

Боевые действия против советского раутенкранцского плацдарма продолжали вести батальон гауптмана Хилле из 1237-го гренадерского полка и 32-й саперный батальон СС гауптштурмфюрера СС Френкена. По советским данным, в ночь на 19 апреля 362-я стрелковая дивизия была выведена на северный берег канала Одер — Шпрее, и к утру сосредоточилась в районе леса в двух километрах к северу от Линдена[1]. На плацдарме остались лишь небольшие части прикрытия, против которых ослабленные немецкие батальоны тут же развернули активные действия. Серией контратак, с учетом того, что советские войска за плацдарм больше не цеплялись, немцам удалось полностью его ликвидировать. В свою очередь, советская 222-я стрелковая дивизия в ночь на 19 апреля заняла оборону по северному берегу канала Одер — Шпрее, в районе Шлаубехаммер — отметка 44,3.

В зоне советского прорыва между Маркендорфом и Лихтенбергом оборонялись части дивизии СС «30 января», в частности 32-й фузилерный батальон СС гауптштурмфюрера СС Клинга, части 286-й пехотной дивизии, подразделения полка СС «Фальке» и 561-го противотанкового дивизиона СС. По советским данным, в первой половине дня из района южнее Розенгартена немцы неожиданно контратаковали 383-ю стрелковую дивизию, силой до полка пехоты с 35 танками (такое количество участвующей в контратаке бронетехники наверняка являлось плодом воображения советских генералов), оттеснив ее на восточную окраину северных предместий Маркендорфа. В итоге понесшую большие потери 383-ю стрелковую дивизию советское командование было

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 198.

вынуждено вывести во второй эшелон, заменив 64-й стрелковой дивизией генерал-майора П.К. Шкрылева из состава 38-го стрелкового корпуса, наступавшего севернее[1]. Советские позиции восточнее Маркендорфа подверглись сильному обстрелу артиллерии V горного корпуса СС. Что касается 339-й стрелковой дивизии 16-го стрелкового корпуса, то она весь день не предпринимала активных действий и только вела огневой бой с немецкими войсками на ранее занятом рубеже южнее Маркендорфа.

Пауза в активных действиях 33-й армии привела к тому, что 32-й противотанковый дивизион СС 19 апреля по большей части активных действий не вел, проводя реорганизацию и занимаясь ремонтом материальной части после трех дней непрерывного боя. Оберштурмфюрер СС Берманн писал в своем дневнике: «Телеграмма от 19 апреля 1945 года, 03:00: «Оберштурмфюреру Берманну немедленно прибыть в расположение 1-й роты в Лихтенбергской овчарне». Рота располагалась в лесном массиве восточнее Лихтенберга. До обеда мне с моими солдатами пришлось устранять поломки орудий… Вечером я вернулся на командный пункт дивизиона в Хохенвальде, а затем отправился в Миксдорф, где стояла рота снабжения. Там я узнал от оберштурмфюрера Хёрля (командир роты), что наш бывший командир оберштурмбаннфюрер Нойенфельд и бывший командир штабной роты, оберштурмфюрер Шнур находятся в лазарете в Беескове.

Местное население пребывало в состоянии сильного страха перед русскими. Мы попытались успокоить их, одновременно узнав, что «иваны» стоят всего в восьми километрах

[1] Там же. Л. 192.

от Миксдорфа. В этот день я был награжден Крестом за военные заслуги I класса»[1].

Так что в вечернем донесении корпуса по итогам дня 19 апреля звучали еще более оптимистические нотки, чем в утреннем: «На участке V горного корпуса СС севернее Рисена вражеский плацдарм устранен в ходе контрнаступления, несмотря на упорное сопротивление, восстановлена старая передовая линия обороны. Артиллерия корпуса разбила укрепленные вражеские позиции восточнее Маркендорфа»[2]. Группа армий «Висла» в своем дневном донесении сообщала, что «на правом фланге участка фронта 9-й армии по обе стороны от Франкфурта удалось вновь добиться полного успеха в обороне и в ходе контратаки восстановить старую передовую линию обороны»[3]. Однако местные успехи в районе Франкфурта-на-Одере были единственными положительными моментами для 9-й армии и особой роли не играли. Основные события битвы за Берлин разгорались гораздо севернее.

Характерно, что все эти достижения в обороне были достигнуты путем использования прежних ослабленных сил. Со стороны дивизии СС «30 января» в более или менее активных боях 19 апреля участвовали в основном саперный и фузилерный батальоны, не считая мелких подразделений из других частей дивизии (того же учебно-полевого батальона) и подчиненных частей (типа остатков полка СС «Фальке»). Но, с другой стороны, не нужно забывать, что советская 33-я армия никаких активных действий 19 апреля не вела, благодаря чему V горный корпус СС получил передышку

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 280—281.

[2] Там же. С. 280.

[3] Там же. С. 281.

Командир XI танкового корпуса СС Матиас Кляйнхайстеркамп

и смог стабилизировать свое положение.

Однако эти успехи были слабым утешением, поскольку бои под Франкфуртом-на-Одере носили уже сугубо местное значение и ничего не могли изменить в ходе сражения: севернее Франкфурта советские армии рвались к Берлину и вот-вот должны были выйти к окраинам имперской столицы. Поэтому уже с утра 19 апреля основные части 32-й дивизии СС начали отводить с передовой и перебрасывать северо-западнее, на участок XI танкового корпуса СС обергруппенфюрера СС Маттиаса Кляйнхайстеркампа, где приходилось куда тяжелее, чем под Франкфуртом-на-Одере. Советские войска прорвали фронт у Зеелова и Мюнхеберга, а командование V горного корпуса СС было вынуждено перебросить крупные силы на линию Фюрстенвальде — Шпрее, чтобы прикрыть свой северный фланг. Командир дивизии, штандартенфюрер СС Кемпин одним из первых выехал в штаб XI танкового корпуса СС.

Заметим, что прекращение активных действий 33-й армией очень поспособствовало начавшемуся отводу частей 32-й дивизии СС, тем более что критическое положение, которое накануне сложилось в районе Маркендорф — Лихтенберг, как мы уже отметили, было стабилизировано наличными силами корпуса.

Все же переброска дивизии проходила крайне медленно из-за нехватки автотранспорта, к тому же дороги были запружены потоками машин, подвод и беженцев. «Добраться до командного пункта XI танкового корпуса СС я уже не мог, — вспоминал Ханс Кемпин. — Все дороги были запружены. Невозможно было перебросить даже роту. Только спустя 24 часа (фактически это случилось 21 апреля. — *Р.П.*) моему радисту удалось установить связь со штабом корпуса. Оттуда мы получили приказ вместе со всеми силами перекрыть район Фюрстенвальде вдоль Шпрее до Мюггельзее. Чуть позже пришла новая радиограмма: «Командный пункт XI танкового корпуса СС переносится, на связь с вами выйдут позже»[1].

Кемпин приказал командиру 86-го полка СС оберштурмбаннфюреру СС Вальтеру Эккеру собрать боевую группу и двигаться в район южнее Фюрстенвальде. Так появилась полковая группа 86-го полка СС. Ее основу составляли штаб полка, II батальон 86-го полка СС и II батальон 87-го полка СС. О том, в каких условиях формировалась полковая группа 86-го полка СС, рассказал штандартеноберюнкер СС Гюнтер Адам: «Все вокруг нас громыхало, только у нас было спокойно. Но затем мы получили приказ отходить: русские прорвались в двух направлениях. Наши артиллеристы взяли нас с собой, целый взвод разместился на передках орудий и тягачах. Наш 2-й взвод также уже здесь, и мы ожидаем приказов. Тут русские открыли огонь по небольшому сосновому лесу, в котором мы скрывались. Лес тут же загорелся. Наш командир роты хочет прорваться через этот огненный ад на тягачах. Но, поскольку в дыму ничего нельзя было распознать, я высказался против этой затеи. Мои товарищи

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 281.

из 2-го взвода согласны со мной, мы хотим подождать, пока огонь не утихнет. Он назвал нас трусами и двинулся в горящий лес, мы не могли удержать его. Мы же остались, и вскоре огонь русских стал стихать. Лесной пожар тоже утих, дым рассеялся, видимость улучшилась. Я направился в глубь леса, и нашел нашего командира роты. Он был мертв. Вскоре мы установили контакт с другими подразделениями боевой группы. Ближе к вечеру мы достигли Фюрстенвальде. Судя по всему, здесь уже шли бои, так как повсюду виднелись следы боевых действий»[1].

Вместе с Эккером к новому месту назначения выступили подразделения батальона связи, противотанкового дивизиона и штаб артиллерийского полка дивизии во главе с полковым командиром оберштурмбаннфюрером СС Хайнцом Лоренцом. Командный пункт этой полковой группы был развернут в Таннегрюне.

В свою очередь, оставшиеся на Одерском фронте остальные части дивизии также образовали смешанную полковую группу. Возглавил ее оберштурмбаннфюрер СС Фосс. В группу Фосса (она же — группа 87-го полка СС) вошли штаб 87-го полка СС, I батальон 86-го полка СС и I батальон 87-го полка СС, плюс некоторые части других подразделений дивизии.

Вместе с этим Фоссу было поручено поддерживать связь со штабом дивизии, так как планировалось, что группа Фосса очень быстро выступит вслед за остальными частями дивизии. В качестве предположительного места назначения был назван район западнее Фюрстенвальде. Однако прежде чем выдвигаться, Фосс должен был дождаться прибытия войск, которые сменят его подразделения на прежней линии обороны, что,

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 50—51.

естественно, «несколько» осложняло ситуацию, так как ждать прибытия этих частей можно было до бесконечности. Силы Фосса практически в одиночку удерживали участок фронта длиной почти 20 км от Цильтендорфа до Фогельзанга. На один километр фронта приходилось всего по 20 солдат[1].

В этой связи стоит помнить, что отвод других частей 32-й дивизии СС, которые все еще находились на старых позициях на Одере, в частности той же группы Фосса, завершить так и не удалось из-за последовавших вскоре событий и отсутствия для этих войск смены. Отметим, также, что в районе Раутенкранца все еще оставалась боевая группа гауптштурмфюрера СС Френкена, состоявшая из саперного батальона и подразделений учебно-полевого батальона. «Всех этих частей моей дивизии я больше не видел», — мрачно заметил Кемпин после войны[2]. Стремительно менявшаяся обстановка на фронте срывала все немецкие планы. В результате 32-я дивизия СС «30 января» оказалась разорванной надвое — часть дивизии осталась на Одерском фронте, а часть — присоединилась к XI танковому корпусу СС много западнее Франкфурта-на-Одере. Все эти части скоро оказались втянуты в смертельный водоворот последних боев.

20—21 АПРЕЛЯ

20 апреля 33-я армия возобновила наступление, атаковав в 08:20 по московскому времени, после двадцатиминутной артиллерийской подготовки. 16-й стрелковый корпус перерезал автостраду Франкфурт — Фюрстенвальде и достиг Лихтенберга. К концу дня 323-я стрелковая дивизия вы-

[1] Ibid. P. 51.

[2] *Тике В.* Падение Берлина, С. 281.

шла к восточной окраине Лихтенберга, а 339-я — к южной. 64-я стрелковая дивизия 38-го стрелкового корпуса вела бои в районе северных окраин Маркендорфа.

Части 62-го стрелкового корпуса отразили за день несколько немецких контратак силой рота — батальон пехоты с 10—15 танками из района Хохенвальде и Шлаубехаммера. 95-я стрелковая дивизия вышла к восточным окраинам Хохенвальде, а 49-я — к юго-восточным. Всего за 20 апреля 1945 года 33-я армия отразила 11 немецких контратак силой до батальона пехоты с танками и продвинулась на 2—3 км[1].

Со своей стороны, немцы отмечают, что на участке V горного корпуса СС 20 апреля существенных изменений не произошло, а «небольшие прорывы были устранены»[2]. Советская атака к северо-востоку от Фюрстенберга была отражена. Другая атака, предпринятая в районе Визенау, силой до одного батальона при поддержке танков, также была отбита. Под Маркендорфом и севернее были отмечены не особо успешные советские атаки силой до стрелкового батальона (судя по всему, из 64-й стрелковой дивизии) при поддержке самоходных орудий.

21 апреля 9-й армия должна была создать фронт фасом на запад между Кёнигс-Вустерхаузеном и Котбусом и нанести удар во фланг 1-го Украинского фронта, наступающего на Берлин с юга[3]. Излишне и говорить, что этот приказ был невыполним, армия едва могла отбиться от наседавших советских войск. Более того, 21 апреля немецкое командование осознало, что 9-я армия находится под непосредственной угрозой

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 205—206.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 292.

[3] *Земке Э.* От Сталинграда до Берлина. С. 569.

окружения войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Если 1-й Белорусский фронт обходил северный фланг 9-й армии, то войска 1-го Украинского фронта, продвигаясь к Берлину, поставили под угрозу ее южный фланг. Прорыв 1-го Украинского фронта вдоль автострады Котбус — Кёнигс-Вустерхаузен наметился уже к утру 21 апреля. Стремительно меняющаяся обстановка на фронте привела к определенной неразберихе в немецких штабах, которая, в свою очередь, привела к отдаче противоречивых приказов. В полной мере это коснулось дивизии СС «30 января». Сначала для прикрытия южного фланга 9-й армии в спешке была выделена 35-я полицейская дивизия СС, усиленная 105-м разведывательным батальоном СС (корпусная часть V горного корпуса СС). Согласно дневному донесению группы армий «Висла», планировалось, что к этим войскам также добавится и 32-я дивизия СС, которая должна была восстановить связь с пехотной дивизией «Фридрих-Людвиг Ян» и занять оборону у Меркиш-Буххольца[1]. Честно говоря, так и не ясно, каким образом немецкое командование серьезно рассматривало участие «30 января» в этой акции, с учетом того, что одни части дивизии непосредственно в данный момент перебрасывались в зону действия XI танкового корпуса СС, другие вели бои в районе Хохенвальде — Лихтенберг, а третьи вообще оставались на Одерском фронте.

21 апреля 33-я армия возобновила наступление в 09:00 по московскому времени, после десятиминутного артналета. V горный корпус СС снова втянулся в тяжелые бои. Атака под Шлаубехаммером 222-й стрелковой дивизии 62-го стрел-

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 303.

кового корпуса силой до батальона при поддержке танков была отбита. Войска 62-го стрелкового корпуса наступали, «преодолевая упорное огневое сопротивление противника». 95-я стрелковая дивизия полковника С.К. Артемьева при поддержке 21 танка захватила Хохенвальде, в то время как 222-я стрелковая дивизия одним полком продолжала вести бои за Шлаубехаммер и Кайзермюль[1].

Хотя немцы потеряли Хохенвальде, но под Лихтенбергом упорные бои все еще продолжались. В районе Лихтенберга бои вели части 32-й дивизии СС (фузилерный батальон, подразделения противотанкового дивизиона), 286-й пехотной дивизии, полка СС «Фальке» и 561-го противотанкового дивизиона СС. Эти силы отбивали настойчивые атаки 16-го стрелкового корпуса, усиленного бронетехникой: немцы отметили примерно 30 танков. В этих боях наглядно проявились тяжелые моменты, характерные для многих частей немецкой армии в последних боях Второй мировой войны; особенно это касалось остатков полка СС «Фальке». Так, младшие командиры часто бросали совсем молодых, необстрелянных солдат одних. Это же касалось и старых опытных фронтовиков, которые предпочитали действовать отдельно, воспринимая молодых только как лишний груз. Нередко можно было наблюдать распад дисциплины, а раненых и умирающих часто просто оставляли на милость противника. Вместе с этим в немецкой армии еще оставались командиры, солдаты и даже целые подразделения, которые рисковали и жертвовали собой ради спасения своих товарищей.

Общая неразбериха только усугубляла и без того тяжелое положение. Гренадер СС Юрген Муз вспоминал, как на одну

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 222.

из батарей 150-мм орудий по ошибке прислали 105-мм снаряды и наоборот. Очень возможно, что в таком положении оказались батареи 32-го артиллерийского полка СС, сражавшиеся рядом с полком СС «Фальке».

В итоге, несмотря на отчаянное сопротивление немцев, части 16-го стрелкового корпуса, скорее всего 323-я стрелковая дивизия при поддержке бронетехники, захватили Лихтенберг. В бою под Лихтенбергом был убит командир полка СС «Фальке» оберштурмбаннфюрер СС Эрих Розенбуш. По воспоминаниям гренадера СС Юргена Муза, Розенбуш застрелился, когда к его командному пункту вышли советские танки[1]. При этом Р. Ландвер утверждает, что Розенбуш лично уничтожил один из советских танков, вышедших к его командному пункту[2]. Отметим, что М. Йергер указывает, что на момент гибели Розенбуш командовал остатками 87-го полка СС[3], что неверно — 87-й полк СС оставался на Одерском фронте, а М. Йергер просто допустил часто встречающуюся ошибку, назвав полк СС «Фальке» 87-м полком СС. С гибелью Розенбуша управление остатками полка было окончательно нарушено, а полк СС «Фальке» превратился в несколько разрозненных боевых групп, воюющих сами по себе.

Советская 33-я армия продвинулась за день на четыре километра. К концу дня части армии вели бои на рубеже Цшецшнов — лес два километра южнее Пильграма — Шлаубехаммер — и далее по северному берегу канала Одер — Шпрее.

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 304.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 34.

[3] *Yerger M.* German Cross in Gold. Vol. 3. P. 137.

32-й противотанковый дивизион СС Краусса 21 апреля сражался между Маркендорфом и Бигеном, сдерживая натиск 16-го стрелкового корпуса. Командный пункт Краусса был размещен в Альт-Гольме. Днем, согласно полученному приказу, Краусс начал отходить в северо-западном направлении для прикрытия северного фланга XI танкового корпуса СС и достиг Вернсдорфа. Оберштурмфюрер СС Берманн писал в своем дневнике об этих событиях: «21 апреля 1945 года. К утру вышли к новому месту назначения в Бад-Саарове. Командный пункт дивизиона разместился в Альт-Гольме.

Вместе с Герке отправился на "фольксвагене" на новый командный пункт. Там встретился с унтерштурмфюрерами Графом и Шмидтом. Граф просил меня разведать дорогу на Шторков. Через три часа я вернулся. Делать нечего, дорога очень плохая и к тому же запружена солдатами всех возможных родов войск, которые даже не знают, что впереди и что сзади.

Радиограмма из боевой группы Краусса: "Берманну срочно прибыть в штаб боевой группы в Фридрихсдорф".

Снова еду с Герке через Бад-Сааров и Шторков во Фридрихсдорф. Но боевой группы Краусса там уже нет. На командном пункте 86-го полка СС в Таннегрюне узнаю, что боевая группа перебралась в Вернсдорф. По пути туда в Нидер-Леме случайно встречаю нашего командира гауптштурмфюрера Краусса. Вместе с ним еду на командный пункт боевой группы в Вернсдорф»[1].

Тем временем XI танковый корпус СС был оттеснен на линию Фюрстенвальде. Участок на реке Шпрее — от Фюр-

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 302—303.

стенвальде до Мюггельзее, оказался открытым, и в него сразу ринулись части 8-й гвардейской армии и 1-й танковой армии[1]. Эти силы вышли прямо к берегам Шпрее, восточнее Мюггельзее. Теперь немецкое командование опять пересмотрело свои намерения касательно использования 32-й дивизии СС. Об использовании дивизии на южном фланге 9-й армии было забыто. В итоге штандартенфюрер СС Кемпин получил из штаба XI корпуса СС радиограмму (о которой он упоминал в своем интервью), приказывавшую частям дивизии занять оборону на участке фронта вдоль Шпрее от Фюрстенвальде до Мюггельзее. Однако, как уже указывалось, переброску дивизии удалось произвести лишь частично. В распоряжении Кемпина в тот момент находились только слабая полковая группа 86-го полка СС во главе с оберштурмбаннфюрером СС Эккером — штаб полка и один батальон (II батальон 86-го полка СС). Эти силы к этому моменту достигли Данненрайха. Некоторые подразделения полковой группы все еще находились в пути, преодолевая дорожные заторы. К тому же, прежде чем остальные части дивизии СС «30 января» успели выйти в заданный район, советские войска в нескольких местах форсировали Шпрее и устремились на юг. В этих условиях Ханс Кемпин отдал приказ находящемуся на марше II батальону 87-го полка СС из полковой группы 86-го полка СС занять оборону на канале Одер — Шпрее и реки Шпрее. В оборонительных боях на этом рубеже батальон был почти полностью уничтожен.

Оставшимся силам полковой группы Эккера было приказано выдвинуться на север вдоль Берлинской кольцевой

[1] Там же. С. 304.

дороги и выставить линию охранения близ Ней-Циттау. Затем пришел еще один приказ: тем подразделениям дивизии, которые оказались в XI танковом корпусе СС, надлежало занять позиции в районе Шпреенхагена и Вернсдорфа, чтобы прикрыть северный фланг XI танкового корпуса СС, который с каждым часом становился все более растянутым (прежде всего этот приказ коснулся 32-го противотанкового дивизиона СС). В конце концов Кемпину удалось разместить свои подразделения на линии между озерами Вольцингер-зее и Зельховер-зее. Сюда же из Берлина было дополнительно переброшено три батальона Фольксштурма, правда, толку от них было немного. Долго удерживать эту линию под сильным натиском Красной армии не удалось. II батальон 86-го полка СС с боями отошел к Вернсдорфу.

Остальные подразделения дивизии вели бои в районе Лихтенберг — Хохенвальде — Биген, на канале Одер — Шпрее, а полковая группа под командованием оберштурмбаннфюрера СС Фосса все еще находилась на старых позициях на Одерском фронте, и сменить их было некому.

Таким образом, к концу дня 21 апреля значительные силы 9-й армии оказались охваченными советскими войсками с севера и юга. Армия была на грани окружения, и помешать этому уже ничто не могло.

В конце отметим, что по состоянию на 21 апреля 1945 года советские историки объявили дивизию СС «30 января» разбитой[1]. Фактически с этим можно согласиться, хотя был разбит лишь один полк дивизии — 88-й, но сама дивизия при этом

---

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 167.

была расчленена на несколько частей. В то же время нелишне напомнить, что еще остающиеся части дивизии хотя и были потрепаны, но все же сохраняли боеспособность. Интересно, что в дальнейших боевых сводках советских войск дивизия СС «30 января» фигурирует чуть ли не как полноценное соединение.

КОТЕЛ ПОД ХАЛЬБЕ: 22—28 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

К 22 апреля в результате наступательных действий 8-й гвардейской, 69-й и 33-й армий 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской танковой армии и части сил 28-й армии 1-го Украинского фронта создались благоприятные условия для отсечения основных сил 9-й армии от берлинской группировки немецких войск, и окружения ее в лесах юго-восточнее Берлина. Под угрозой окружения оказались войска V горного корпуса СС, XI танкового корпуса СС и V армейского корпуса. Эта группировка с севера, востока, юга и юго-запада была плотно охвачена сплошным кольцом войск 69-й, 33-й и 3-й гвардейской армий. Войска 3-й гвардейской танковой армии, наступавшие на Берлин с юга, отделяла от войск 8-й гвардейской армии, которая наступала на юго-восточную окраину Берлина, полоса шириной около 12 км. Связь между берлинской группировкой и основными силами 9-й армии могла поддерживаться только через это узкое «бутылочное» горлышко. Полное ее перекрытие советскими войсками было лишь вопросом времени.

22 апреля на участке V горного корпуса СС в районе Цильтендорфа было отбито несколько атак 33-й армии, предпринятых силами от батальона до полка. 3-я батарея

штандартеноберюнкера СС Шольца из зенитного дивизиона отразила атаку советской пехоты через мост у канала, однако около восьми утра советские части сумели несколько потеснить зенитчиков. С советской стороны здесь атаковали три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона из состава 119-го укрепленного района. В конце концов советским частям удалось овладеть тремя траншеями немцев северо-западнее Цильтендорфа[1]. Правда, особо на общую ситуацию это никак не повлияло, поскольку немцы у Цильтендорфа все еще держали обстановку под контролем. Подошедшие сюда подразделения I батальона 86-го полка СС поддержали зенитчиков и стабилизировали положение[2].

На других участках фронта немецких войск все складывалось гораздо хуже. Инициатива была полностью в руках Красной армии. К полудню 22 апреля советские войска (возможно, это были части 28-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии) подошли к Вернсдорфу, где находился II батальон под командованием штурмбаннфюрера СС Бостманна из 86-го полка СС, 1-я и 3-я роты 32-го противотанкового дивизиона СС (командиры рот, соответственно, оберштурмфюрер СС Брауэр и унтерштурмфюрер СС Альфред Штахон, временно исполняющий обязанности). Основные бои развернулись за важную дорогу Вюнсдорф — Нидер-Леме. Оберштурмфюрер СС Берманн вспоминал: «Я должен был отремонтировать одно из орудий прикрытия, застрявшее на трассе в Нидер-Леме. Дорога простреливалась из минометов. Пехота отступала. Я послал своих людей занять

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 238.

[2] *Landwehr R.* Op. cit. P. 37.

оборону, приказав им: “Чтоб ни один русский не подошел к трассе на Нидер-Леме!”». Поначалу немцам удавалось удерживать оборону, одна из советских атак была остановлена примерно в сотне метров от дороги. Несмотря на этот успех, по воспоминаниям Берманна, на командном пункте Бостманна царило подавленное настроение. Бостманн даже не захотел обсудить обстановку с прибывшим туда Берманном.

Дальнейшие события Берманн описал так: «Тем временем русские все-таки прорвались к восточным окраинам Вернсдорфа параллельно дороге. Но у нашего единственного пулемета вышел из строя эжектор гильз, и никаких запчастей к нему не было.

Я решил сам разведать обстановку. С одного пригорка я заметил, что русские начали окапываться. Несколько выстрелов из моей винтовки с оптическим прицелом заставили их прервать свою работу».

Несмотря на все трудности, немцы при поддержке двух самоходок перешли в контратаку и отбили кусок территории. Однако и этот успех не принес результатов, советские войска обошли Вернсдорф с востока, со стороны Ней-Циттау, где никто не оказывал им сопротивления, и вышли к дороге Вернсдорф — Нидер-Леме. В этих условиях Краусс начал отвод частей своего противотанкового дивизиона в Нидер-Леме, а Бостманн со своим батальоном остался защищать Вернсдорф. Вскоре его командный пункт, размещенный в подвале одного из домов, был накрыт прямым попаданием 152-мм снаряда. Бостманн и многие офицеры из его штаба были тяжело ранены. Оберштурмфюрер СС Берманн предпринял попытку эвакуации раненых: «Я побежал вызвать один из бронетранспортеров 3-й роты, чтобы вывезти раненых, и тут,

в каких-то 300 метрах от батальонного командного пункта, на мосту через канал заметил две русских тяжелых самоходки. Они вели огонь по всему, что двигалось в Вернсдорфе. Когда я добрался до командного пункта, в него угодил еще один снаряд. Меня тяжело ранило: осколки попали в колено, в руку и в голову. Однако я оставался в сознании. Вместе с другими ранеными нам удалось загрузиться в бронетранспортер и выехать. Хотя русские все же сумели выйти к дороге Вернсдорф — Нидер-Леме, мы успели проскочить мимо них, и на перевязочном пункте в Нидер-Леме нам оказали первую помощь. Водитель нашего бронетранспортера еще трижды возвращался в Вернсдорф и доставлял оттуда все новых раненых, пока его в конце-концов не подбили. Оберштурмфюрер Хёрль приказал доставить меня в расположение роты материально-технического снабжения нашего батальона, которая вместе с остатками 1-й и 2-й рот укрылась в лесу возле Гребендорфа»[1].

Вот так эсэсовцам удалось эвакуировать раненых в Нидер-Леме, прямо из-под носа у наступающих советских войск.

Между тем, одновременно с Крауссом в Нидер-Леме перебрался и штаб дивизии СС «30 января» с Хансом Кемпиным во главе. Обстановка была неопределенной. «Никто не мог объяснить мне, каково наше положение, так как все пребывали в постоянном движении и повсюду царила сумятица», — вспоминал Пауль Краусс. В течение дня к ним присоединились подразделения, отошедшие из Вернсдорфа. В этих боях 3-я рота 32-го противотанкового дивизиона СС была почти полностью уничтожена.

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 314—315.

Дальше события развивались так: с подходом советских войск к Нидер-Леме немцы почти без сопротивления оставили поселок и перебазировались в Кёнигс-Вустерхаузен. Вместе с другими частями немецких войск сюда прибыл и Пауль Краусс с отдельными подразделениями своего дивизиона. Этот городок уже собирался капитулировать, на домах висели белые флаги. Сопротивление собиралась оказывать лишь рота, сформированная из местных членов Гитлерюгенда, под командованием старого оберста, ветерана Первой мировой войны. Плохо вооруженная и укомплектованная 14—16-летними мальчишками, она не представляла никакой боевой ценности. Поэтому Краусс, чтобы не усугублять положение, лично распустил этих мальчишек по домам, не видя смысла в их участии в боевых действиях.

Однако сам Краусс, как и другие оказавшиеся здесь немецкие войска, так просто сдаваться не собирался. Немцы быстро организовали сопротивление наступающим советским танковым частям. Скорее всего, это были части 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П.С. Рыбалко. Всего за шесть суток советские танкисты преодолели расстояние в 174 км. От передовых частей 8-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Чуйкова, находящихся на северном берегу Мюггельзее, их отделяла цепь озер и каналов. Это означало, что остатки 9-й армии генерала пехоты Буссе оказались в фактическом окружении.

Обстановка осложнялась тем, что на вокзале Кёнигс-Вустерхаузена стоял эшелон с ранеными немецкими солдатами. Краусс вспоминал: «Он (эшелон. — *Р.П.*) уже несколько раз подвергался налетам русских штурмовиков. Персонал

Ветеран войск СС

лазарета разбежался. Беспомощные раненые были брошены на произвол судьбы. Некоторые пытались самостоятельно уйти куда-нибудь, оставляя на земле длинные кровавые следы. Мы ничем не могли помочь им, так как в это время были слишком заняты боем с прорвавшейся группой танков Т-34, которые палили по всему, что двигалось. Гражданских, пытавшихся помочь раненым, они тоже расстреливали»[1].

В один из моментов затишья Краусс вывел свои небольшие подразделения из Кёнигс-Вустерхаузена (так и не ясно, по своей инициативе или же по приказу сверху) и отошел к местечку Прирос. Там он встретил 1-ю и 2-ю роты своего дивизиона и получил возможность провести его реорганизацию.

Здесь отметим, что Нидер-Леме был захвачен 290-й стрелковой дивизией полковника Н.А. Возниковцева из 35-го стрелкового корпуса 3-й армии только к утру 25 апреля. Во второй половине дня части 290-й стрелковой дивизии вышли к северо-западной окраине Кёнигс-Вустерхаузена, который был ею захвачен совместно с 348-й стрелковой дивизией

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 315—316.

полковника М.А. Грекова, в первой половине дня 26 апреля[1]. Так что следует признать, что отступление частей дивизии СС «30 января» из этого района было весьма поспешным, с учетом того, что немецкие войска удерживали его еще два-три дня. Впрочем, этот поспешный отход может объясняться слабостью наличных сил дивизии.

Тем временем, 23 апреля штаб уже почти окруженной 9-й армии отдал приказ отводить войска с участков фронта на Одере и Нейсе, оборона которых уже никак не могла повлиять на дальнейший ход сражения. Главной задачей теперь было создать ударную группировку для соединения с 12-й армией генерала танковых войск Вальтера Венка, для чего и было решено задействовать высвобожденные войска. В результате на XI танковый корпус СС легла задача удерживать северный фланг 9-й армии до того момента, пока не будут выведены части с южного и восточного флангов. Нужно отметить, что местность на участке XI танкового корпуса СС благоприятствовала продвижению советских войск, что создавало обороняющимся дополнительные трудности. Одним из следствий этого было то, что днем 23 апреля в штаб 32-й дивизии СС пришел приказ из XI танкового корпуса СС: Кемпину предписывалось создать оборонительную линию вдоль цепочки озер от Вольцига до Шторкова. Это было нужно для прикрытия слишком растянутого северного фланга XI танкового корпуса. Этот приказ по мере возможности был выполнен силами полковой группы 86-го полка СС. Подразделения 32-го противотанкового дивизиона СС гауптштурмфюрера СС Краусса были сосредоточены в районе Гребендорфа (за-

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 287, 296.

паднее Вольцига), для защиты озерного перешейка. Линия обороны была очень тонкой и особых надежд не внушала.

Отвод войск с восточного фланга 9-й армии непосредственно коснулся V горного корпуса СС, которому все еще подчинялись разные подразделения 32-й дивизии СС. Нужно сказать, что 23 апреля V горный корпус СС на восточном участке фронта 9-й армии предотвратил попытку прорыва частей 119-го укрепленного района 33-й армии под Цильтендорфом и отразил атаку силой до батальона западнее Визенау. К юго-востоку от Мюллрозе было предотвращено несколько попыток войск 33-й армии форсировать канал Одер — Шпрее. Несмотря на эти успехи в обороне, стрелковым и танковым частям Красной армии удалось потеснить части корпуса в западном направлении и к каналу Одер — Шпрее. Теперь же началось отступление. Полковая группа оберштурмбаннфюрера СС Фосса отступала из района Цильтендорф — Визенау, который она весьма успешно обороняла несколько дней, в направлении на Беесков. Свои позиции эсэсовцы сдали отрядам Фольксштурма из Тюрингии и армейским подразделениям, которые должны были вести сдерживающие бои. О том, что из себя представляли эти части, можно судить по тому факту, что уже через полчаса советские войска заняли прежние позиции полковой группы[1]. Цильтендорф был полностью захвачен советскими войсками (119-й укрепленный район) к 18 часам по московскому времени.

Сражавшаяся бок о бок с «30 января» 286-я пехотная дивизия оставляла позиции на канале Одер — Шпрее и под Мюллрозе. И боевая группа 87-го полка СС «Курмарк»,

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 52.

и части 286-й пехотной дивизии отступали в направлении Беескова, где должна была проходить новая линия обороны вдоль Шпрее. В этом же направлении отступал и зенитный дивизион, начавший отход еще 22 апреля. К этому моменту дивизион находился в Чернсдорфе, маршрут отступления проходил через Грунов — Даммендорф — Беесков — Глиннике — Вендиш-Риц на Шторков[1].

Отводу немецких войск благоприятствовала местность, так как из-за многочисленных водных преград и всхолмленного и лесистого рельефа в данном районе можно было не опасаться немедленного вторжения советских войск в оставляемую корпусом зону. Отход прикрывала боевая группа Лобмейера, в которой были собраны остатки 561-го противотанкового дивизиона СС.

Поспешное отступление немцев не осталось незамеченным советским командованием. В журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта 24 апреля 1945 года была сделана следующая запись: «На левом крыле фронта части XI танкового корпуса СС и V горнострелкового корпуса СС в результате выхода наших войск на их тыловые коммуникации в районе Фридланд с боями отходили в западном направлении, стремясь сосредоточить части окруженные юго-восточнее Берлина, для прорыва в западном направлении»[2].

К концу дня 24 апреля в район Шторкова вышли части 69-й армии при поддержке недавно введенного в сражение 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта В.В. Крюкова. Отметим, что еще 21 апреля 2-й гвардейский

---

[1] *Stober H.* Op. cit. S. 361.

[2] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 261.

кавалерийский корпус был выведен из оперативного подчинения 33-й армии и передан в непосредственное подчинение командующему фронтом[1]. Сначала 10-й гвардейский кавалерийский полк с ходу выбил немцев из Люббена, а 12-й гвардейский кавалерийский полк овладел Риплосом. Затем 2-й гвардейский кавалерийский корпус прорвался к перешейку между многоводными озерами Гросс-Шауэн-зее и Гросс-Шторкер-зее, по которому проходила магистраль Губен — Шторков — Берлин. Здесь в бой вступили части полковой группы 86-го полка СС. Ветеран 2-го гвардейского кавалерийского корпуса С.Н. Севрюгов вспоминал: «Командование противника, стремясь не допустить захвата важнейшей своей коммуникации, подтянуло в район перешейка главные силы 86-й пехотной дивизии. Сюда же подходила 32-я моторизованная дивизия СС. После потери автострады Франкфурт — Берлин вражеские части были вынуждены отходить по шоссе Губен — Шторков, которому теперь угрожали конногвардейцы и танковые соединения генерала Рыбалко (3-я гвардейская танковая армия. — *Р.П.*). Части 86-й немецкой пехотной дивизии, наступая между берлинской автострадой и этим шоссе, выходили на фланги и в тыл первого эшелона кавалерийского корпуса»[2]. Обратите внимание, что у мемуариста упомянута 86-я пехотная дивизия, которой к тому времени в боевом расписании вермахта уже не было (окончательно расформирована в сентябре 1944 года). Очевидно, что здесь С.Н. Севрюговым допущена ошибка, но вот какая именно часть немецкой арии имелась в виду? Скорее

[1] Там же. Л. 223.

[2] *Севрюгов С.Н.* Так это было. С. 339.

всего, здесь речь может идти или о 286-й пехотной дивизии, маршрут отступления которой с одерских позиций в целом лежал в направлении Шторкова, или же, что нам кажется более вероятным, в виду здесь имеется 86-й полк СС. Ведь части 86-го полка СС были сосредоточены в районе Шторкова еще 23—24 апреля, в то время как никаких упоминаний о действиях частей 286-й пехотной дивизии у Шторкова нам найти не удалось.

В целом же, к исходу дня 24 апреля части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса уже вели бои на северо-восточной окраине Шторкова.

В итоге всех этих событий к концу дня 24 апреля 9-я армия окончательно оказалась в окружении. Войска V горного корпуса СС, XI танкового корпуса СС и V армейского корпуса были заперты в районе Губен — Мюллрозе — Фюрстенвальде — Кёнигс-Вустерхаузен — Люббен. Началась агония 9-й армии, которую не могли скрыть мелкие успехи немецких войск в обороне на том или ином участке фронта.

25 апреля ко 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу присоединились 4-я и 41-я стрелковые дивизии 69-й армии[1]. Части дивизии СС «30 января» также получили усиление. Дело в том, что боевая группа 87-го полка СС «Курмарк», отступавшая в направлении Беескова, оттуда затем вышла к Шторкову, где с ходу приняла участие в боях с частями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Вот как в своих мемуарах описал эти бои С.Н. Севрюгов: «На рассвете (25 апреля. — *Р.П.*) с востока к Шторкову подошли 86-й и 87-й полки (СС. — *Р.П.*). Части 32-й моторизованной дивизии СС “Тридцатое

[1] Советская кавалерия. С. 299.

января", названной так в честь гитлеровского переворота 1933 года, с хода бросились в контратаку. Их встретил огонь эскадронов и батарей, танков и самоходок, находившихся в боевых порядках спешенной конницы. Эсэсовцы отхлынули назад. Эскадрон капитана Бублика овладел железнодорожным мостом на северном канале и наступал с запада на центральную часть Шторкова. Правее 12-й и 9-й гвардейские кавалерийские полки атаковали Шауэн. Головной отряд капитана Кудленко стремительным броском вдоль шоссе прорвался к озеру. Главные силы вместе с танками подполковника Беляева развертывались из-за его флангов и форсировали южный канал. Дорога на Берлин была перерезана.

Генерал Курсаков (генерал-майор П.Т. Курсаков, командир 17-й гвардейской кавалерийской дивизии. — *Р.П.*), получив известие о крупном успехе на правом фланге корпуса, приказал: 59-му гвардейскому кавалерийскому полку выйти из боя в северо-западной части Шторкова и атаковать город с запада и юго-запада; 61-му гвардейскому кавалерийскому полку — форсировать южный канал и очистить центральную часть Шторкова.

Около полудня эскадрон старшего лейтенанта Золотухина вышел на юго-западную окраину Шторкова, установив локтевую связь с 9-м гвардейским кавалерийским полком, дравшимся в Шауэне. Эскадрон капитана Руткова захватил железнодорожную станцию и вел бой в южной части Шторкова, но был контратакован двумя батальонами 87-го полка СС. Лавина эсэсовцев навалилась на стык эскадронов и прорвалась к вокзалу. Впереди цепей двигалось шесть "Тигров".

Батарея старшего лейтенанта Коростелева встретила танки огнем. Не прошло и пяти минут, как два «Тигра» пре-

вратились в огромные пылающие костры, еще один замер с перебитыми гусеницами; три уцелевшие машины уползли за дома. Минометы старшего лейтенанта Харитонова частыми очередями прижали эсэсовцев к земле. Подполковник Журба ввел в бой резервный эскадрон с танковой ротой капитана Шпака… Наступая вслед за подошедшими танками, кавалеристы смяли эсэсовцев, опрокинули и погнали их обратно[1].

Обходной маневр 3-й гвардейской кавалерийской дивизии и фланговая атака 59-го гвардейского кавалерийского полка сказались и на действиях 61-го гвардейского кавалерийского полка. В полдень эскадроны этого полка сломили сопротивление противника, форсировали южный канал и продолжали бои в заречной части города. Танки переправились через канал и атаковали "Тигров", снова пытавшихся пробить дорогу своей пехоте на Берлин. Бой шел всю ночь. Эсэсовцы предприняли тринадцать атак, пытаясь прорваться на запад, но все их атаки были отражены…

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков приказал 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу обойти Берлин с севера, разгромить противостоящего противника и выйти на реку Эльбу.

Во исполнение этого приказа генерал Крюков отдал распоряжение генералам Ягодину и Курсакову прекратить наступление, передать ликвидацию остатков 32-й моторизованной дивизии СС "30 января" частям стрелковых дивизий и немедленно выйти из боя для переброски на берлинское направление»[2].

---

[1] В этом бою отличился капитан М. Слободян, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

[2] *Севрюгов С.Н.* Так это было. С. 341—343.

Упомянутые ветераном «Тигры», скорее всего, принадлежали к 502-му тяжелому танковому батальону СС, который как раз 25 апреля вел бои в районе Шторкова. По немецким данным, в этих боях батальоном был потерян «Тигр» № 505 гауптшарфюрера СС Вильгельма Шмидта, который «взорвался у Шторкова после нескольких прямых попаданий»[1]. Также в бою с немецкой стороны могла принимать участие и бронетехника других типов, например самоходки из 32-го противотанкового дивизиона СС, по привычке идентифицированные советской стороной как «Тигры».

Интересно, что в другом советском источнике говорится, что части кавалерийского корпуса при поддержке вышеупомянутых стрелковых дивизий «отбили шесть контратак эсэсовцев, сами перешли в атаку и разгромили 32-ю дивизию гитлеровцев»[2], хотя в мемуарах непосредственного участника событий о прямо-таки разгроме дивизии СС «30 января» речь не идет, да и количество немецких контратак указано куда больше. По итогам дня 25 апреля части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса «в результате упорных боев» продвинулись до пяти километров[3]. Шторков был взят советскими войсками 26 апреля.

После этого, в конце дня 25 апреля части дивизии СС «30 января», находившиеся под командованием Ханса Кемпина, были выведены из боя у Шторкова и к 26 апреля сосредоточены в районе озерного перешейка у Гребендорфа. Боевая группа 87-го полка СС через Фридердорф направилась

---

[1] *Schneider W.* Tigers in Combat II. P. 273.

[2] Советская кавалерия. С. 299.

[3] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 292.

к Приросу[1]. Остатки зенитного дивизиона сосредотачивались в районе Хермсдорф — лесничество Хаммер[2].

Участок между Шторковом и Вольцигом был передан смешанной боевой группе войск СС, куда среди прочего входили остатки полка СС «Фальке» и части 502-го тяжелого танкового батальона СС. Долго они там не продержались и вскоре тоже начали отступать. В район Прироса отошли некоторые подразделения 502-го тяжелого танкового батальона СС.

Пока эсэсовцы отчаянно сражались у Шторкова, 25 апреля в штаб 9-й армии пришел приказ Гитлера прорвать кольцо окружения и выйти из котла на соединение с 12-й армией Венка. Интересно, что этот прорыв вписывался в общий немецкий план по спасению Берлина. В приказе указывалось, что «действие 9-й армии является решающим для того, чтобы удалось отрезать вторгнувшиеся войска противника в оборонительную полосу города Берлин и освободить столицу Рейха. Само собой разумеется, что для этой атаки подтягивается последний резерв и что войска, прикрывающие тыл, и фланги атакующей армии должны защищаться на своих позициях до последнего патрона»[3].

Несмотря на такие патетические надежды Гитлера, они были не более чем химерой: к 25—26 апреля развал 9-й армии принял катастрофические размеры. Хотя постоянно отдавались приказы, войска постоянно перемещались, спешно формировались сборные боевые группы из разных частей, что были под рукой, организовывались новые линии обо-

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 52.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 361.

[3] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 286.

роны, но все это только оттягивало неизбежный финал. Разведывательная информация о противнике отсутствовала, о советских войсках немцы узнавали только тогда, когда те уже атаковали их позиции. Положение усугублялось нехваткой всех предметов снабжения, постоянными налетами советской авиации и натиском советских войск, в основном с северного фланга. К исходу дня 26 апреля войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж Моцен — Каблов — Шторков — Бришт — Гросс-Лойтен. К концу 26 апреля в результате наступления советских войск кольцо окружения 9-й армии значительно сжалось, и территория котла теперь не превышала 900 км^2.

Командующий 12-й армией генерал Вальтер Венк

Впрочем, отдельные немецкие подразделения все еще демонстрировали высокий боевой дух. 25 апреля под Цернсдорфом и к югу от него несколько сборных воинских частей и подразделения дивизии СС «30 января», в частности, 32-й противотанковый дивизион СС, пытались сдержать наступление частей 35-го стрелкового корпуса 3-й армии — на направлении Цернсдорфа действовала 250-я стрелковая дивизия корпуса генерал-майора М. Абилова.

26 апреля к Приросу вышла 120-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П.С. Телкова из 41-го стрелкового

корпуса 3-й армии[1]. Находившиеся здесь части 32-й дивизии СС отошли в район Хермсдорфа.

Здесь части 9-й армии предприняли первую попытку прорыва из окружения, в которой приняли участие и части 32-й дивизии СС. Плохо организованная и несколько хаотичная, попытка закончилась неудачей. Командир зенитного дивизиона гауптштурмфюрер СС Карл Хохенгасснер вспоминал: «В 24 часа 25 апреля меня вызывал к себе командир дивизии. Он уведомил нас, что около 4 часов утра мы предпримем попытку вырваться из окружения: Нам впервые сообщили, что мы окружены. Все транспортные средства, которые не были нужны при прорыве, предписывалось уничтожить. 20-мм орудие мы установили на автомобиль "хорьх" Kfz.16, превратив его в самоходную зенитку. На рассвете "Небельвеферы" открыли огонь по врагу. Вместе с несколькими танками (очевидно, самоходки Краусса. — *Р.П.*) части начинают движение. Мы двигались в направлении Вольцига, где в районе Вольцигер-зее танки сумели пробить брешь. Мы прошли озеро (Вольцигер-зее) и достигли Фридердорфа, где и остановились»[2]. Здесь же к дивизиону присоединилась его 2-я батарея, которая до этого вела боевые действия под Мюнхехофе.

После провала первой попытки прорыва 27 апреля штаб 9-й армии пал духом. Буссе докладывал, что его армия не в состоянии ни предпринять вторую организованную попытку прорыва, ни удержаться на занимаемых позициях[3].

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 305.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 361—362.

[3] *Земке* Э. От Сталинграда до Берлина. С. 581.

26 апреля 1-я рота саперного батальона (судя по всему, Лоренц Френкен слил в нее все подразделения своего батальона) совместно с подразделениями 32-го учебно-запасного батальона СС вела упорные оборонительные бои в районе Аренсдорф — Беренсдорф, южнее Бад-Саарова. Фактически это были остатки боевой группы Френкена, с боями отходившие из района Раутенкранца. Их противником была 383-я стрелковая дивизия 16-го стрелкового корпуса 33-й армии[1].

Еще один заслуживающий внимания момент произошел 27 апреля у южной оконечности Зелховского озера. В этом районе наступали части 370-й стрелковой дивизии генерал-майора П.С. Говилевского из 61-го стрелкового корпуса 69-й армии. Еще относительно свежий I батальон 86-го полка СС «Шилль», ранее входивший в полковую группу 87-го полка СС и недавно присоединившийся к дивизии после эвакуации позиций на Одере, под командованием оберштурмфюрера СС Хорста Матибе, с одними только штыками и шанцевым инструментом неожиданно напал на развернувшихся в лесу красноармейцев и прогнал их из леса[2]. В бою приняли участие и солдаты 32-го артиллерийского полка СС (только неясно — как артиллеристы или же как пехотинцы, скорее последнее). Очевидно, что это была какая-то советская тыловая часть, да еще и, по-видимому, расположившаяся на отдых и захваченная врасплох. В ходе этой атаки в руки немцев попала группа бывших французских военнопленных, освобожденных Красной армией из немецкого плена, скорее всего из лагеря военнопленных под Кёнигс-Вустерхаузеном, где из плена

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 309.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 334.

было освобождено до 3000 военнопленных. По немецким данным, эти французы встретили солдат СС аплодисментами и объятиями[1].

27 апреля 32-й противотанковый дивизион СС под командованием Краусса стоял на рубежах, достигнутых вчера, к западу от Вольцигского озера (Вольцигер-зее), в теснине у Гребендорфа. Шла подготовка части к дальнейшим боям, к тому же ходили слухи, что будет предпринят прорыв на соединение с 12-й армией. Оберштурмфюрер СС Берманн, который в данный момент лежал раненый в расположении роты материально-технического обеспечения в лесу у Гребендорфа, писал в дневнике: «Повсюду все были заняты выкачиванием и перераспределением бензина. Все автомашины, которые были уже не нужны в бою и при прорыве, были сожжены.

Теперь я уже никак не мог попасть в тыл, так как мы оказались в “котле”. У меня сильно болели голова и нога. 27 апреля под Хелльверденом русским удалось неожиданно подойти к нам на 500 метров. Ребята уложили меня в автомобиль “опель-олимпия” и погнали куда-то через лес. Никто уже не знал, куда именно. Мы проехали через Гребендорф, где к нам присоединилась рота материально-технического обеспечения дивизиона, и в конце концов собрались на какой-то лесной дороге. Здесь мы встретили уцелевших из наших 1-й и 2-й рот.

Мои товарищи — оберштурмфюрер Хёрль и унтерштурмфюреры Шмидт и Штахон, а также новые начальники тыла и оружейно-технической службы — постоянно заботились обо мне. Вскоре появился и наш командир, гауптштурмфюрер Краусс, который вручил мне Железный крест I степени».

---

[1] Там же.

Советская авиация беспрестанно атаковала немецкие войска в котле, отсутствие у немцев какой-либо организованной противовоздушной обороны только благоприятствовало этому. К примеру, 26 апреля советская авиаразведка обнаружила в районе Меркиш-Буххольц — Хальбе немецкую группировку в составе остатков 21-й танковой дивизии, панцер-гренадерской дивизии «Курмарк», 32-й дивизии СС, 169-й и 712-й пехотных дивизий (состав группировки стал известен советской стороне позже). На основании этих разведывательных данных 4-й бомбардировочный авиационный корпус нанес сосредоточенный удар 70 самолетами по этой группировке. Затем, в конце дня 26 апреля 11-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия нанесла массированный удар по немецким войскам сосредоточенным в районе Хермсдорфа[1]. Оберштурмфюрер СС Берманн вспоминал: «Русские самолеты "Ил-2" снова и снова атаковали нас с неба. Особенно досталось перекрестку дорог; нашу полевую кухню дважды прошило осколками».

Вместе с этим, в дневнике Берманна описаны и по-настоящему трогательные моменты, происходившие в котле: «Какой-то мальчик приблизительно двенадцати лет бегал вокруг с ведерком воды и поил солдат. Одна щека у него была изуродована осколком и сильно кровоточила, однако это не мешало ему выполнять свою самаритянскую миссию»[2].

Кроме всего прочего, немецкие войска в котле подвергались активному психологическому воздействию противника. Для этого советская сторона использовала Национальный комитет «Свободная Германия». Цель была проста: дезорга-

---

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 292, 294.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 335.

низовать немецкие войска (хотя они и так были дезорганизованы), запутать их противоречивыми приказами, заставить ликвидировать запасы боеприпасов и оружия, вывести в специальные районы сбора и так далее. Командир зенитного дивизиона Хохенгасснер вспоминал об этом после войны: «Против нас активно действовала и “армия Зейдлица”. Все чаще появлялись офицеры с самыми разными приказами. Все они выглядели однотипно: без головного убора, с белым галстуком, рука перевязана, в новой форме и с многочисленными наградами. Отдаваемые ими приказы были согласованы по содержанию: подразделениям запрещалось возвращаться, они должны были собираться на определенных местах сбора; орудия, танки и транспортные средства нужно было взрывать. Если командир части отказывался им подчиняться, то они угрожали ему расстрелом на месте»[1]. Здесь же отметим, что всего в котел был «заслан» 861 военнопленный, из них вернулось 477 (остальные либо присоединились к немецким войскам, либо были разоблачены и казнены). Впрочем, вернувшиеся 477 человек привели с собою 8816 немецких солдат[2].

Долго у Гребендорфа эсэсовцам оставаться не пришлось. 27 апреля 269-я стрелковая дивизия полковника М.К. Кривенцова из 41-го стрелкового корпуса 3-й армии захватила Гребендорф. По советским данным, части дивизии отразили контратаку немцев силой до двух рот пехоты с четырьмя танками. Затем в районе Прироса 120-й гвардейской стрелковой дивизией были отмечены две контратаки немцев. Обе они

---

[1] *Stober H.* Op. cit. S. 362.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 313.

были силой до батальона пехоты с пятью танками и самоходными орудиями, и обе были отражены[1]. Скорее всего, во всех случаях это были части дивизии СС «30 января», а в «роли» танков выступили боеспособные самоходки противотанкового дивизиона. Прирос в итоге был захвачен советскими гвардейцами.

Так что после этого, в этот же день части дивизии отошли юго-восточнее, в район Хермсдорфа, где уже и так были сосредоточены некоторые дивизионные подразделения. Передвижению войск мешали тысячные толпы немецких беженцев, пытавшихся найти спасение от Красной армии. Берманн вспоминал об этих событиях: «Вскоре мы отступили дальше. Были выставлены посты охранения. Пока мы ждали новых приказов, через лес к югу от Прироса между позициями вермахта и войск СС катились подводы с беженцами. К 11 часам вечера мы выступили. Моросил дождь. Как длинная змея цвета фельдграу, огромная идущая и едущая масса людей и животных, машин и бронетехники потянулась по лесной дороге к Хермсдорфу»[2].

Здесь эсэсовцы в спешке организовали импровизированную линию обороны. Однако в леса вокруг Хермсдорфа уже вышли части советской 3-й армии. В самом Хермсдорфе оставалось около 700 немецких раненых. Чтобы стабилизировать положение, в этот район был направлен I батальон 86-го полка СС Хорста Матибе. Люди Матибе закрепились у Гросс-Шлёйзе и отразили несколько советских атак. Тем не менее, к вечеру 27 апреля советские войска ворвались в

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 320.

[2] *Тике В.* Падение Берлина. С. 334—335.

Хермсдорф. Там они пробыли недолго, уже вскоре батальон Хорста Матибе стремительной контратакой выбил их оттуда и очистил село от противника.

Тем не менее, к исходу 27 апреля кольцо окружения вокруг 9-й армии сжалось еще сильнее — в распоряжении немцев осталась территория площадью не более 400 км^2. К утру 28 апреля остатки 9-й армии оказались зажатыми на узком пространстве между Кляйн-Кёрисом, Хермсдорфом, Меркиш-Буххольцем и Хальбе. Выбор у них был невелик: или попытаться прорваться или капитулировать.

28 апреля части 9-й армии сосредоточились в лесах в районе Лептен — Хермсдорф — Меркиш-Буххольц и Хальбе. Штабы дивизии СС «30 января» и XI танкового корпуса СС расположились в Хермсдорфе. Штандартенфюрер СС Кемпин запросил указаний у командования корпуса, как ему действовать дальше, но никто не мог ответить на этот вопрос. Положение было неясным, а среди солдат ходили слухи о полном окружении 9-й армии. Последнее наглядно показывает, что основная масса солдат в котле не имела представления ни о реальной обстановке, ни о противнике, ни об общем ходе боевых действий. Хотя, если вспомнить цитированные выше воспоминания гауптштурмфюрера СС Хохенгасснера, то согласно им, его и других командиров дивизии об окружении проинформировали еще утром 26 апреля.

Обстановка была нервной. Оберштурмфюрер СС Берманн вспоминал: «Штаб нашей дивизии находился в Хермсдорфе. Какой-то генерал (возможно — Кляйнхайстеркамп), размахивая пистолетом, попытался регулировать движение транспорта через село. Только так и удалось остановить панику

и несколько упорядочить движение машин. Нам также был указан пункт для сбора»[1].

Незадолго до полудня 28 апреля части 32-го противотанкового дивизиона СС вышли в указанный им район сосредоточения, примерно в трех километрах к северо-западу от Хермсдорфа. Однако здесь немцы сразу же были атакованы противником. Берманн рассказывал: «Унтершарфюрер Альтхауз со своим танковым тягачом, вооруженным спаренными пулеметами, составлял боевое охранение. В это время со стороны леса, лежавшего к северо-востоку от нашей позиции, нас атаковали русские. Пока Альтхауз вместе с еще оставшимися в строю другими бойцами дивизиона отражали атаку, товарищи закинули меня (раненого) в кузов "фольксвагена" и погнали машину в глубь леса. Большинство грузовиков были выведены из строя в ходе атаки, так что их пришлось бросить. Подразделение реактивных минометов вело непрерывную стрельбу, несколько облегчая наше положение»[2].

В условиях прорыва войск противника Хермсдорф был сдан без боя. При отступлении из Хермсдорфа, на милость советских войск были оставлены около 2000 раненых, под присмотром двух врачей и санитаров из 32-й дивизии СС; решение это далось нелегко, но иного выхода не было.

Тем не менее, немцы все еще пытались огрызаться. 28 апреля остатки I батальона Хорста Матибе из 86-го полка СС успешно контратаковали наступающие части 61-го стрелкового корпуса 69-й армии в районе Хермсдорф — Штреганц. Понятно, что большой пользы от этого не было, лишь

---

[1] Там же. С. 420.

[2] Там же.

выиграно немного времени. Один из танкистов 502-го тяжелого танкового батальона СС оставил описание эсэсовской контратаки 28 апреля: «Солдаты одной из рот войск СС несколько минут спустя после трех часов утра выстраиваются за танками, готовые к контратаке; затем устремляются через листву крон деревьев вперед, увлекая за собой слабых духом своим презрением к опасности и порывом. Голубые дымки разрывов ручных гранат возникают перед идущими в атаку. Рев из глоток наступающих частей гаснет в стаккато непрерывно работающего автоматического стрелкового оружия; скоро ползком, на ногах, спотыкаясь, большая их часть возвращается тем же путем: раненые легко и тяжело, переполненные все еще надеждой и ожиданием помощи — человека человеку. Врачам много работы: перевязки, наложение шин, операции. И утешение. А что происходит там, где остались лежать тяжелораненые? Мысли о них невыносимы»[1]. После этого батальон был разделен на две боевые группы, которые и приняли участие в последующем прорыве[2].

Другой пример подобного рода: на перекрестке дорог Мёркиш-Буххольц — Кёнигс-Вустерхаузен в свой последний бой вступила приданная 550-му зенитному дивизиону СС 103-я зенитная батарея СС, вооруженная 37-мм зенитками. Сдерживая натиск противника (скорее всего, это были войска 35-го стрелкового корпуса 3-й армии), батарея обеспечила продвижение войск 9-й армии к месту прорыва, хотя сама понесла большие потери, а командир батареи — погиб. После выполнения боевой задачи остатки батареи присоединились

---

[1] *Фей В.* Бронетанковые дивизии СС в бою. С. 322.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 56.

к отступающим арьергардам 9-й армии[1]. Всего, по советским отчетам 28 апреля войска 9-й армии предприняли шесть контратак в районе Хаммер, каждая силой до пехотного полка с 10—12 танками[2], не считая атак в других направлениях.

Остатки 32-й дивизии СС сконцентрировались в районе вокруг лесничества Хаммер, где также находился и штаб 9-й армии. Об этих событиях Берманн рассказывал следующее: «Оберштурмфюрер Хольц подобрал меня и доставил в штаб армии, также расположившийся в лесничестве Хаммер. От Хольца я услышал, что мой друг, унтерштурмфюрер Вайкзельбаум, должен быть где-то поблизости. Низко нависшие облака не помогали нам укрыться от русских самолетов: отдельные, даже не нацеленные бомбы все равно находили свои жертвы в этом переполненном котле. По оценкам штаба, этот котел имел площадь 3 на 5 км. В нем находилось около 30 тыс. солдат и 10—15 тыс. гражданских — мужчин, женщин, детей. Я слышал, что наш войсковой врач доктор Штраус и унтерштурмфюреры Шмидт[3] и Граф нашли свою смерть в котле под Хермсдорфом»[4].

Во время передислокации оставшихся подразделений 32-го противотанкового дивизиона СС к лесничеству Хаммер

---

[1] *Stober H.* Op. cit. S. 363.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм, С. 300.

[3] Имеется в виду унтерштурмфюрер СС Кристиан Шмидт. Он родился 22 марта 1908 года. Член СС (билет № 174 612). В январе 1944 года Шмидт служил офицером для поручений во II батальоне 10-го полка СС «Вестланд», а в июне 1944 года был переведен на такую же должность в 16-й противотанковый дивизион СС, с которым и пришел в дивизию СС «30 января».

[4] *Тике В.* Падение Берлина. С. 421.

Колонна частей войск СС

автомашины, перевозившие еще остающееся продовольствие и снаряжение, просто застряли в заторах на узких лесных просеках. Ехать дальше было невозможно. В этих условиях гауптштурмфюрер СС Краусс приказал распределить продовольствие среди солдат, а машины уничтожить, так как они все равно не могли дальше проехать. Также на пути в лесничество Хаммер и при выходе на исходные позиции для прорыва, подразделения дивизии наткнулись на отряд советских войск, в стычке погиб (по другим данным — был ранен) ординарец противотанкового дивизиона (должность 02) унтерштурмфюрер СС Янсен. Если верить Берманну, то со стороны советских войск участие в бою принимали члены комитета «Свободная Германия»[1], хотя такой поворот событий, как нам кажется, был маловероятен.

ПРОРЫВ

Тем временем командование 9-й армии, несмотря на прежние сомнения, решило 28 апреля вновь осуществить попытку прорваться из окружения. В 14 часов 28 апреля командиры корпусов и дивизий, кто смог (связи со штабами V горного корпуса СС и

[1] Там же. С. 420.

V армейского корпуса не было), прибыли на совещание в штаб 9-й армии в лесничестве Хаммер. Здесь генерал пехоты Буссе обрисовал собравшимся неприглядное положение 9-й армии. После подробного обсуждения обстановки было принято решение в 6 часов вечера начать прорыв из окружения. Прорываться предстояло на запад, через захваченное противником село Хальбе в сторону Беелитца, где стояли войска 12-й армии Вальтера Венка. Именно небольшое бранденбургское село Хальбе должно было стать для 9-й армии воротами к спасению.

После общего совещания в штабе армии последовало еще одно — на этот раз в штабе XI танкового корпуса СС, здесь же, в лесничестве Хаммер. Собственно, на этот корпус была возложена задача обеспечить бреши для прорыва кольца окружения. Обергруппенфюрер СС Кляйнхайстеркамп созвал на него всех, кто смог явиться, высших офицеров подчиненных ему частей вплоть до батальонных командиров. Здесь были отданы последние распоряжения о прорыве.

Для пробития брешей в кольце окружения были сформированы две ударные группировки, северная и южная. Оставшиеся части 32-й дивизии СС вошли в состав южной ударной группы. Острие группы составляли танки 502-го тяжелого танкового батальона СС, минометная батарея, панцер-гренадерская рота на бронетранспортерах из дивизии «Курмарк» и подразделения фанен-юнкерской роты в качестве пехоты. Вслед за этими частями, в арьергарде ударной группировки должны были идти штаб и оставшиеся части дивизии «Курмарк», штабы 9-й армии и XI танкового корпуса СС, отдельные оставшиеся части V горного корпуса СС и остатки 32-й дивизии СС, в том числе противотанкового дивизиона. Изначально планировалось, что часть подразделений дивизии СС «30 января» будет находиться

в передовой группе прорыва, однако затем их все направили в арьергард.

В прорыве должны были участвовать только те машины, которые были непосредственно необходимы для перевозки горючего и боеприпасов, а также санитарные и штабные автомобили. Весь остальной транспорт должен был быть уничтожен. Естественно, что перед этим из него слили последние остатки горючего. Кроме этого, обергруппенфюрер СС Йекельн приказал также уничтожить все тяжелое вооружение, для которого уже не оставалось боеприпасов и транспортировать которое возможности также не было.

Командиры направились к своим частям. Настроение у большинства из них было подавленным. Некоторые офицеры покончили с собой, в частности начальник оперативного отдела XI танкового корпуса СС майор Генерального штаба Томас.

Здесь же штандартенфюрер СС Кемпин в последний раз увидел обергруппенфюрера СС Йекельна, командира V горного корпуса СС. По воспоминаниям Кемпина, Йекельн находился в крайней стадии нервного возбуждения и заявил, что все кончено. Кемпин возразил, что еще ничего не потеряно, и прорыв навстречу 12-й армии может принести спасение. Йекельн хмуро промолчал. Больше Кемпин его не видел.

Перед самым прорывом советские самолеты разбросали над окруженной группировкой листовки следующего содержания: «Солдаты 9-й армии! Сдавайтесь, бросайте оружие! Переходите к нам! Гибель или плен!»[1]. И если в прежние времена такие листовки не оказывали на немецких солдат практически никакого

[1] *Фей В.* Бронетанковые дивизии СС в бою. С. 328.

влияния, то теперь ситуация изменилась коренным образом. Однако хоть и призрачная, но надежда на спасение все же еще оставалась.

Сразу отметим, что информация о прорыве 9-й армии из Хальбского котла существует весьма отрывочная и часто противоречивая, главным образом, это воспоминания его непосредственных участников. Поэтому в приведенном нами описании, возможно, присутствуют некоторые ошибки и неточности.

По немецким данным[1], в 18:00 началась артиллерийская подготовка — орудия расстреливали последние имевшиеся в наличии снаряды. После того как снаряды заканчивались, орудие подрывали. В то же время, согласно советским отчетам, немецкий прорыв начался в 01:00 29 апреля (по московскому времени), с «сосредоточенного огня немецкой артиллерии, обрушившегося на позиции советских войск». Под прикрытием этого огня группировка в составе до 10 000 человек при поддержке 35—40 танков перешла в атаку на участке Тейров — Хальбе, как раз в месте стыка 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов[2].

Итак, в 18:30 9-я армия пошла в прорыв. Оберштурмфюрер СС Берманн писал в дневнике: «К вечеру был получен приказ о начале прорыва. Остатки 32-го противотанкового дивизиона СС должны были составлять арьергард. Поскольку наши самоходные орудия могли стрелять только вперед, нам пришлось отогнать их на шесть километров назад. Унтерштурмфюрер Хольц, который подсадил меня в свой “фольксваген”, налетел в лесу на пенек. Машина была разбита, дальше пришлось идти пешком.

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 56.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 301.

Я нашел себе палку покрепче и с ее помощью поковылял вдоль опушки вместе с другими солдатами в сторону Хальбе»[1].

Движение войск 9-й армии к Хальбе заняло чуть больше часа. Вскоре на ближних подступах и в самом Хальбе закипел бой между советскими войсками и пытавшимися вырваться из окружения немцами. Командир 550-го зенитного дивизиона СС гауптштурмфюрер СС Хохенгасснер назвал эти бои «взламыванием советского замка»[2]. С советской стороны здесь оборонялась 5-я стрелковая дивизия генерал-майора П.Т. Михалицына из 40-го стрелкового корпуса 3-й армии[3].

Роттенфюрер СС Эбергард Баумгарт, бывший штабной писарь, ныне приписанный к охранной роте штаба 32-й дивизии СС, был тяжело ранен во время прорыва из котла. Он вспоминал: «Наступает ночь, но все движения в темном лесу хорошо заметны. Время идет, но ничего не происходит, только нас, группу из 15 роттенфюреров, штурмманнов и солдат, сидевших на танках, отправили назад в расположение роты. Я предполагаю, что господа из штаба хотели бы двигаться самостоятельно. Вскоре после них выступила и рота. В темноте идем по песчаным лесным тропинкам. Через некоторое время мы развертываемся веером, с приказом следить за обстановкой с обеих сторон. Мы проходим через широкую асфальтированную улицу, и я читаю надпись на дорожном указателе, что если идти назад, то выйдешь к Меркиш-Буххольцу, а если вперед, то к Хальбе. Впереди, в районе Хальбе, слышен огонь русской артиллерии. Снаряды всех калибров взрываются у верхушек деревьев, в воздухе целый водоворот из срезанных осколками древесных

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 424.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 363.

[3] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 334.

верхушек, падающих стволов и древесной крошки. Прыгая от укрытия к укрытию, мы выходим к железнодорожной станции. Как раз в этот момент крыша станционного склада вспыхнула, осветив все вокруг, и в свете этого огня мы читаем название станции: “Хальбе”»[1].

Дальше события развивались следующим образом. Приблизительно через час марша, шедшие в авангарде «Тигры» из взвода унтерштурмфюрера СС Кунке (из 502-го тяжелого танкового батальона СС) выехали на прямую дорогу, обсаженную старыми деревьями. Было уже около восьми часов вечера, когда недалеко от въезда в село Хальбе танки уткнулись в противотанковое заграждение. Кунке на своем «Королевском тигре» приблизился к преграде на дистанцию до 80 метров и остановился, оценивая обстановку. В этот момент сюда вышел отряд роттенфюрера СС Эбергарда Баумгарта: «Пройдя еще 1000 метров, мы вышли к серым колоссам — это оказались три наших танка: два “Королевских тигра” и “Пантера” (за “Пантеру” Баумгарт скорее всего принял третий “Королевский тигр”. — *Р.П.*). Но почему они так близко друг к другу? Я был справа от них и пошел вперед, но неожиданно уткнулся в противотанковое препятствие — надежное сооружение из толстых древесных стволов и песка. Пока думаем, что же делать дальше, начинается сильный минометный обстрел. Несколько офицеров погибли, и их тела положили здесь же, рядом»[2]. Как отметил В. Тике, описавший эти же события, «перед немецкой танковой колонной, остановившейся у противотанкового заграждения, разверзлись врата

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 57.

[2] Ibidem.

ада. На "Тигры" посыпались фосфорные и фугасные снаряды»[1]. Основу советской обороны здесь составляли противотанковые орудия, так что Кунке даже не пытался объезжать препятствие, дабы не попасть под обстрел противотанковых пушек. Возникла заминка, стоявшие вокруг под обстрелом солдаты начали нервничать. Баумгарт вспоминал: «Что-то нужно было делать; казалось, что лучшим выходом было оставаться здесь и ждать танки». В конце концов Кунке отправился за советом к своему командиру батальона, штурмбаннфюреру СС Курту Хартрампфу. Быстро взвесив все за и против, Хартрампф решил, что рваться вперед на рожон не стоит, а лучше попытаться обойти Хальбе с остальными танками под прикрытием передовых «Королевских тигров». Однако Баумгарт этого уже не дождался: «Неожиданно: свист пуль, вспышки, дым, все случилось в один момент. Я сильно ранен в нижнюю часть моих ног, пытаюсь подняться, но тут же падаю. Я еще осознаю происходящее, но оно уже не трогает меня. Я теряю чувство реальности, у меня начинаются видения. Я вижу мою мать, сидящую на солнце, наше вишневое дерево в саду и высокий деревянный забор перед ним. Все кажется таким мирным. Когда сознание возвращается ко мне, я замечаю, что мой рот полон гравия. Я весь в крови, вытекшей из ран на моих ногах»[2].

Пока танкисты размышляли, что же им делать дальше, в Хальбе по этому же пути вступали все новые и новые части 9-й армии. Как заметил В. Тике, район от противотанкового заграждения до церкви «стал замочной скважиной от ворот Хальбе. И некоторым особенно решительным подразделениям

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С.425.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 57—58.

удалось прорваться сквозь нее в ближнем бою под фланговым огнем противника»[1].

Оберштурмфюрер СС Берманн рассказывал о своем участии в прорыве: «Образовалась заминка (по-видимому, та самая заминка танков перед противотанковым препятствием. — *Р.П.*). Все разом закричали: “Пехоту вперед!”. Когда я поковылял дальше, мне встретилась колонна подвод, среди которых затесалась наша самоходка. Командир самоходного орудия был ранен и просил меня взять на себя командование. Чтобы пробиться вперед, мы должны были оставить колонну и съехать с дороги в лес. Деревья здесь были не слишком крупные, так что мы смогли проложить себе дорогу. Вскоре мы выехали на просеку и прокатили к Хальбе. Там словно разверзлись врата ада.

Мы приблизились к Хальбе. В селе было полно танков, грузовиков, лошадиных упряжек, солдат и гражданских. Три четверти села занимали русские. Постоянно взрывались снаряды. Везде лежали убитые и раненые. Вдруг кто-то крикнул: “Справа идут русские!”. Мы отъехали на боковую улочку и, подпустив их поближе, отбросили русских парой фугасных снарядов. Затем мы вернулись назад к главной улице»[2]. В итоге Берманну со своим штурмовым орудием удалось прорваться через Хальбе, действуя с частями дивизии «Курмарк», боевой группой из роты охраны XI танкового корпуса СС и сотнями других солдат.

В большинстве случаев, ни о каких организованных действиях речь не шла. Штандартеноберюнкер СС Гюнтер Адам из полковой группы 86-го полка СС вспоминал: «Прямо перед Хальбе был какой-то промышленный комплекс, огороженный

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 427.

[2] Там же. С. 425.

большой проволочной сеткой. Со всех сторон громыхало и ревело. Мы торопливо идем среди мертвецов. Улицы покрыты сотнями раненых и мертвых солдат и гражданских, танк просто едет по ним. Мы пересекли улицу под сильным ружейным огнем. Ужасный удар в мою грудь. "Все, — думаю, — я убит!» и падаю. Однако почти сразу же осознаю, что со мной все в порядке — висевший на груди бинокль принял пулю на себя и теперь разбит на куски. Чтобы немного передохнуть, я присел у входа в какой-то дом и неожиданно встретил своего старого знакомого из юнкерской школы СС в Позен-Трескау. Мы снова устремляемся вперед, но уже вскоре мы с ним потеряли друг друга. Только некоторые из нас сумели достичь деревни (Хальбе. — *Р.П.*). Мы не можем поверить, что мы сделали это»[1].

В целом, немецкая колонна ворвалась в Хальбе между 8 и 9 часами вечера. В селе царила суматоха, все перемешалось — солдаты, гражданские, бронетехника, автотранспорт, подводы. Советская артиллерия вела по Хальбе огонь, снаряды рвались среди людей. Тем не менее, решительными действиями отдельных сохранивших боеспособность подразделений и некоторых сборных боевых групп войскам 9-й армии удалось очистить деревню Хальбе от советских войск и выйти в леса южнее Хальбе.

По советским данным, в полосе обороны 5-й стрелковой дивизии немцы во второй половине дня 28 апреля предприняли две контратаки силой свыше полка пехоты с 10—12 танками из района Меркиш-Буххольц, и потеснили правофланговые части 5-й стрелковой дивизии на западную окраину Хальбе. К исходу дня данная дивизия вела бои на линии западная окраина

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 58.

Хальбе — пять километров севернее Хальбе[1]. Таким образом, советские историки были вынуждены констатировать, что к рассвету 29 апреля немцам удалось прорвать фронт 21-го и 40-го стрелковых корпусов, овладеть Хальбе, выйти в лес южнее Хальбе и перерезать автостраду в трех километрах юго-восточнее Торнова. В ходе последующих боев 9-й армии, стремившейся расширить фронт прорыва, удалось отбросить войска 21-го стрелкового корпуса к северу[2].

После прорыва через деревню боеспособная немецкая бронетехника начала концентрироваться к западу от Хальбе. По воспоминаниям Берманна, без всякого приказа сверху здесь сформировалась новая колонна в составе двух «Королевских тигров», трех «Пантер», двух «Хетцеров», нескольких бронетранспортеров, самоходных 20-мм зениток и нескольких автомашин самых разных марок. К бронетехнике присоединились пехотинцы, хотя многие из них не имели никакого оружия. Фактически основу этой боевой группы составили остатки 502-го тяжелого танкового батальона СС, отдельные подразделения дивизии «Курмарк», 561-го противотанкового дивизиона СС и 32-го противотанкового дивизиона СС. В ночь на 29 апреля эта боевая группа двинулась в свой первый и последний поход. Оберштурмфюрер СС Берманн вспоминал: «Пехота испуганно теснилась вокруг танков. Я гнал их прочь, так как они должны были обеспечивать ближнее охранение для всей колонны по краям лесной дороги. Когда наконец рассвело и наступило 29 апреля, мы со всеми предосторожностями продолжили свой путь. Вскоре мы увидели противотанковое заграждение,

---

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 334.

[2] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм, С. 301.

а за ним — два танка Т-34. "Тигр", следовавший сразу вслед за нашим, тотчас же открыл по ним огонь. Я крикнул вниз наводчику: "Прицел на два часа — цель справа!". Совместными усилиями мы расстреляли противотанковое орудие и оба танка за заграждением»[1]. Этот неожиданный успех поднял боевой дух солдат. Настроение улучшилось. Следующее противотанковое заграждение на шоссе западнее Хальбе, на которое наткнулись танки, было расстреляно из орудий. Когда рассвело окончательно, в небе появилась советская штурмовая авиация, попытавшаяся атаковать колонну, однако единственная немецкая самоходная счетверенная 20-мм зенитка открыла огонь из всех стволов и сорвала советским пилотам прицельное бомбометание. С боями колонна достигла лесничества Массов, где был установлен пункт сбора остатков 9-й армии.

Между тем, пока авангард ударной группы еще стоял перед въездом в Хальбе, многие другие немецкие подразделения попытались обойти село. Среди них были и остатки 32-го противотанкового дивизиона СС. Перед началом прорыва в лесу северо-восточнее Хальбе они уничтожили свои последние автомашины. Первым делом гауптштурмфюрер СС Краусс вместе со своим ординарцем ван Хогеном отправился на рекогносцировку. Оставшиеся бойцы дивизиона во главе с оберштурмфюрером СС Мартином Шнуром[2] должны были последовать за ними через 20 минут. Примерно в это же время немецкая танковая колонна приблизилась к Хальбе.

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 430.

[2] Шнур родился 23 декабря 1911 года. Ветеран СС (билет № 15 932). В апреле 1943 года служил офицером для поручений зенитного дивизиона дивизии СС «Дас Райх».

Итак, Краусс и ван Хоген достигли лесного массива, где столкнулись с большой смешанной группой немецких солдат и гражданских. Впереди лежал перрон вокзала Хальбе, занятый советскими подразделениями. Оттуда красноармейцы из пулеметов и минометов обстреливали занятый немцами лесок. Ответного огня из леса не велось, немецкие солдаты были полностью деморализованы и в отупении ждали развития событий. Казалось, они смирились со своей неизбежной судьбой. Однако появление уверенного и решительного офицера войск СС, каким был Краусс, все поменяло. Краусс рассказывал после войны: «Повсюду слышались крики раненых и умирающих. Нужно было срочно что-то предпринять. Пока ван Хоген отправился за нашими людьми, я нашел нескольких офицеров и унтер-офицеров. Объяснив им наше положение, я сказал, что принимаю командование, и как только мои люди будут здесь, мы попробуем прорваться. Кто хочет, может присоединиться к нам». В итоге гауптштурмфюрер СС Краусс объединил под своим началом несколько разрозненных отрядов солдат разных родов войск, собрав их в импровизированную сводную боевую группу численностью до 300 человек. Осталось только дождаться ван Хогена с остатками дивизиона. Однако ожидание было напрасным, вместо этого с той стороны донеслись звуки боя. Больше ждать было нельзя и Краусс с криком «Вперед, гренадеры, вперед!» повел доверившихся ему людей на прорыв. Немцы двинулись к красному кирпичному зданию, стоявшему неподалеку от железнодорожных путей. Вместе с солдатами за Крауссом устремились и некоторые гражданские, в том числе женщины и дети. «Наши устрашающие вопли и пальба, видимо, заставили русских подумать, что наступил конец света, так что те бегом покинули здание вокзала. Мы ворвались на перрон и,

миновав его, добежали до противоположного участка леса. Те, кто погиб или был ранен во время этого прорыва, так и остались лежать там же», — вспоминал Краусс[1].

Таким образом, Краусс во главе сводного отряда солдат разных родов войск осуществил успешный прорыв через пылающий Хальбе. Однако, хотя прорваться через село им и удалось, но опасность далеко не миновала: советские артиллерия и минометы вели по лесу непрерывный огонь. Начался неизбежный распад. «Повсюду лежали раненые и убитые, военные рядом с гражданскими. Здесь моя группа рассеялась; по одиночке и небольшими кучками — все устремились на запад. Вся солидарность тут же распалась. Эта масса людей уже не поддавалась какому бы то ни было контролю. Дисциплина была забыта», — вспоминал Краусс[2].

Низкий боевой дух и трудности с дисциплиной, с которыми столкнулся Краусс, были характерны для всей 9-й армии. Как заметил один из участвовавших в прорыве немецких офицеров: «Основная масса солдат была истощена физически и не хотела больше сражаться»[3]. Командир 550-го зенитного дивизиона СС гауптштурмфюрер СС Хохенгасснер рассказывал: «Происходили страшные сцены, офицеры думали только о себе, солдаты бесцельно бежали, бросая раненых, русские снова и снова атаковали нас со всех сторон, и мы несли тяжелые потери, сопротивления больше никто не оказывал, каждый действовал по собственному усмотрению»[4]. Хотя отдельным командирам благодаря собственной отваге и мужеству еще удавалось повести

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 427—428.

[2] Там же. С. 429.

[3] Там же. С. 427.

[4] *Stober H.* Op. cit. S. 363.

за собой своих людей и тех, кто отстал от своих частей и прибился к их подразделениям, но это было скорее исключением, чем правилом. Были и совсем уж необычные моменты: так, следовавших за самоходкой Берманна немецких пехотинцев вели две девушки-связистки, которые, как могли, подбадривали потерявших боевой дух солдат.

В целом же войска уже не представляли собой единое целое, превратившись в бегущую, охваченной паникой толпу. Командир 32-й дивизии СС Кемпин вспоминал о конце 9-й армии: «Я мог восстановить контроль над ситуацией только благодаря моим голосовым связкам и моему штабу, в составе начальника оперативного отдела Ленца, начальника разведотдела профессора Ваккера, адъютантов Денера и Брауна (гауптштурмфюрер СС Густав Браун. — *Р.П.*). Остатки 9-й армии в основном представляли собой толпу задерганных и лишенных всякого руководства солдат. Многие офицеры и унтер-офицеры срывали с себя знаки отличия. Солдаты, как стадо баранов, бежали вслед за "вожаком", который едва ли мог взять на себя обязанности командира роты или мог вывести их из окружения. Никакого упорядоченного руководства больше не существовало, повсюду царил полнейший хаос»[1].

Несмотря на все эти трудности, после прорыва у Хальбе остатки 9-й армии стекались к лесничеству Массов. Сюда же прибыл командующий армией генерал пехоты Буссе. Немцам предстояло пройти еще около 60 км на соединение с 12-й армией. Окрыленный тем, что из котла удалось вывести часть боеспособных войск, Теодор Буссе был настроен весьма воинственно,

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 430.

собираясь силой добывать у противника горючее для имеющейся бронетехники — весьма многообещающее заявление, с учетом всех имеющихся обстоятельств.

Здесь же собирались остатки 550-го зенитного дивизиона СС. Дивизион понес тяжелые потери у Хальбе, среди прочих погиб врач дивизиона лейтенант доктор Коссманн. На примере этого дивизиона мы продемонстрируем, в каких условиях проходил дальнейший отход 9-й армии. Организовав колонну из автомашин с буксируемыми орудиями, самоходных зениток и грузовиков, командир дивизиона Хохенгасснер продолжил движение на запад. Маршрут проходил через Тёпитц — Эгсдорф — Церенсдорф, к имперскому автобану № 96. Эсэсовцы отходили под постоянным обстрелом советской артиллерии и налетами авиации. По мере движения в машинах заканчивалось топливо, и их пришлось бросать, сильно ощущалась нехватка боеприпасов для еще имеющихся зенитных орудий. С такими же трудностями столкнулись и остальные части и подразделения 9-й армии. Так что оптимизм Теодора Буссе был весьма преждевременным. Немецкие колонны были в буквальном смысле затравлены противником.

Несмотря на это, немцы сумели доставить советским войскам немало трудностей. По советским данным, 9-й армии удалось довести общую численность прорывающейся группировки до 45 000 человек (о том, что большая часть этих сил была дезорганизованной толпой, советские историки скромно умолчали), после чего она возобновила атаки против частей 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора П.А. Александрова и прорвала его фронт на стыке 50-й и 54-й гвардейских стрелковых дивизий в районе Мюккендорфа, образовав двухкилометровую брешь. Используя эту брешь, несмотря на сильный

артиллерийский и минометный огонь, который вели советские войска с севера и юга, немцы, сначала небольшими группами, а затем и целыми колоннами, начали прорываться в лес восточнее Куммерсдорфа. На этом направлении 9-й армии противостояли части 71-й механизированной бригады, часть сил 117-й гвардейской стрелковой дивизии и 68-я отдельная гвардейская танковая бригада[1].

Так что дальнейшее развитие прорыва в сторону 12-й армии застопорилось уже после полудня, у шоссе Цоссен — Барут (имперский автобан № 96). Советские войска организовали в этом районе целую сеть опорных позиций с противотанковыми орудиями и пулеметами, каждая из которых представляла для немцев серьезную угрозу. На одном из участков пути дорогу колонне 550-го зенитного дивизиона СС преградила советская опорная позиция. Полностью простреливая дорогу, красноармейцы делали невозможным всякое передвижение, заблокировав путь. В этих условиях Хохенгасснер собрал 25 добровольцев из своего дивизиона и лично повел их на штурм. С отчаяньем обреченных эсэсовцы сокрушили противника, уничтожив несколько противотанковых орудий и пулеметов и захватив в плен 12 красноармейцев (которые вскоре бежали) [2].

Однако такие отдельные успехи никак не могли повлиять на общий исход дела. Тяжелое положение войск 9-й армии усугублялось тем, что обстановка была неясной, какие-либо сведения о противнике отсутствовали, а войска — дезорганизованы. Вынужденный командир штурмового орудия оберштурмфюрер СС Берманн вспоминал: «Мы продолжали стоять на шоссе

---

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 301—302.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 363.

Цоссен — Барут. Ситуация была неопределенной. Пехота уже обогнала нас. Мы тоже двинулись на юг вслед за пехотинцами. Уже через несколько сотен метров мы обнаружили, что попали в ловушку, которую расставили нам люди Зейдлица. Впереди нас ждала позиция противотанковых орудий, несколько танков Т-34 и полно снайперов среди деревьев. Мы повернули назад». С грехом пополам Берманну удалось добраться до следующего места сбора — лесничества Вундер. Здесь под командованием оберштурмфюрера СС Карла Хёрля были собраны оставшиеся солдаты 32-го противотанкового дивизиона СС — около 80 человек и не менее шести самоходок. Среди них были семь опытных водителей штурмовых орудий. «Там же мы встретили и унтерштурмфюрера Штахона с его бронетранспортером, в который погрузили наших раненых под надзором обершарфюреров Эвердинга и Валя. Я пересел на самоходку оберштурмфюрера Хёрля в качестве заряжающего. Радиопередатчики бортовой связи на нашей машине вышли из строя. Поэтому рассчитывать на полное понимание в бою уже не приходилось. Примерно в половине восьмого вечера мы выступили. Незадолго до наступления темноты русские бомбардировщики налетели еще раз, но, к счастью, нас они не задели», — вспоминал Берманн[1]. Немцы двигались на Куммерсдорф.

Уже в сумерках остатки 32-го противотанкового дивизиона прошли через деревню Хорствальде. После широкой заболоченной долины, наконец, начался подъем вверх. В самый неподходящий момент колонна остановилась: прямо перед деревянным завалом у головной самоходки закончился бензин. В этот момент раздался панический крик: «Иван наступает!». «И никто уже не

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С.434.

мог понять, где и кто здесь "Иван"? Пальба раздавалась повсюду. Мы с нашей самоходной гаубицей оттащили злосчастную самоходку подальше от завала, слили из ее баков последние капли горючего, а потом взорвали ее». В ночь на 30 апреля немцы взяли штурмом военный городок при артиллерийском полигоне Куммерсдорф и близлежащую одноименную деревню. С советской стороны в боях в лесах восточнее Куммерсдорфа, кроме указанных выше частей, принимали участие и оказавшиеся здесь тыловые части и учреждения 28-й, 3-й гвардейской танковой и 13-й армий[1].

Берманн рассказывал: «Когда снова наступил день, мы были уже на Куммерсдорфском вокзале. Стояла пара подбитых русских противотанковых орудий. Здания вокзала, депо и склада горючего горели. Мы прорвались через вокзал, невзирая на потери. Убитые оставались лежать на земле. Миновав вокзальные строения, мы увидели пару наших ребят, которые катили бочку с бензином. Горючее разделили между всеми пятью нашими боевыми машинами, которые еще оставались в строю. Один командир, потерявший свое штурмовое орудие, пересел на брошеный русский танк Т-34, украсив его знаменем со свастикой в качестве опознавательного знака. Он же и возглавил колонну».

Следующей целью немецких войск было Лукенвальде. С советской стороны в Лукенвальде находилась 117-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Волковича Т.И. из состава 13-й армии, получившая в конце дня 29 апреля приказ наступать на Куммерсдорф с целью разгрома немецких войск, наступавших на Лукенвальде. Одновременно, для предотвращения прорыва

---

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 305.

9-й армии на Беелитц, в район Треббина перебрасывалась 63-я гвардейская танковая бригада полковника М.Г. Фомичева и 7-й мотоциклетный полк майора В.А. Константинова. В дополнение 68-я отдельная танковая бригада получила приказ выйти в район Лукенвальде. Усиливалась и советская группировка в районе Шперренберга (севернее Куммерсдорфа), где находилась 71-я механизированная бригада. В этот район должна была наступать 395-я стрелковая дивизия полковника А.Н. Корусевича, сюда же перебрасывались два полка 61-й стрелковой дивизии[1]. Так что этот район для немцев представлял большую опасность.

В боях 30 апреля немцам удалось сбить охранение 117-й гвардейской стрелковой дивизии и подразделения 71-й механизированной бригады, продвинувшись вперед до 10 км. Передовые части 9-й армии вышли в район Вольтерсдорфа (северо-восточнее Лукенвальде), где столкнулись с главными силами 117-й гвардейской стрелковой дивизии, атакующей из Лукенвальде на восток. Сюда же подошли и вышеуказанные части советских войск, создав немцам дополнительные трудности.

Измотанным людям в группе Берманна была необходима передышка. Однако надеяться на отдых при свете дня и при постоянной опасности воздушных налетов не приходилось. Поэтому эсэсовцы обогнули по широкой дуге полигон Куммерсдорф и скрылись в ближайшем лесу. Здесь солдатам удалось немного передохнуть. Тут же обнаружилось, что запасы продовольствия закончились и есть больше нечего. Берманн рассказывал после войны: «Этот отдых продолжался недолго, так как скоро русские самолеты обнаружили нас. Посыпались бомбы, затре-

[1] Там же. С.306.

щали авиационные пушки и пулеметы. Мы двинулись дальше, постоянно отыскивая место, где можно было бы укрыться от вражеской авиации. На броню танков погрузили только раненых, все остальные были вынуждены идти пешком. Я лежал в задней части самоходки рядом с обершарфюром Эвердингом, который был ранен в бедро, и от усталости скоро уснул»[1].

Командир зенитного дивизиона Хохенгасснер также не стал вести остатки своего дивизиона через Куммерсдорф; напротив, вместе с некоторыми другими немецкими частями он обошел его с севера, в направлении Меллензее, двигаясь через лес, в котором можно было найти укрытие от авиации. В районе Меллензее — Шперренберг стояла 71-я механизированная бригада полковника И.М. Журавлева из состава 3-й гвардейской танковой армии, выдвинутая в этот район еще 27 апреля. В течение 29—30 апреля бригада вела бои, не допуская прорыва немцев в северо-западном направлении. Красноармейцам удалось заблокировать путь на Меллензее, однако эсэсовцы из зенитного дивизиона пробились через несколько советских засад у Шперренберга, при этом большую поддержку им оказали оставшиеся 20-мм зенитки. Затем, под прикрытием огня зениток, расстреливавших последние боеприпасы, в рукопашном бою штурмом была взята деревня Готтов (западнее Куммерсдорфа)[2], где оборонялись части 280-й стрелковой дивизии генерал-майора Е.А. Ляшенко. Отсюда части зенитного дивизиона направились на Лукенвальде.

После того как остатки 9-й армии столкнулись с частями 117-й гвардейской стрелковой дивизии, они прекратили движе-

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 434—435.

[2] *Stober H.* Op. cit. S. 363.

ние вперед, решив лучше подготовиться к последнему броску. Для последнего прорыва они концентрировались в лесах в районе Треббин — Лукенвальде. Это заняло весь день 30 апреля. Здесь к основной группировке 9-й армии присоединились и многие другие пробивающиеся боевые группы. Часть солдат дивизии СС «30 января», потерявших контакт со своей дивизией, присоединялась к другим боевым группам. Так, штандартеноберюнкер СС Гюнтер Адам из полковой группы 86-го полка СС присоединился к прорывающимся частям дивизии СС «Нидерланд» бригадефюрера СС Юргена Вагнера. Адам вспоминал: «На следующее утро мы достигли, как мне кажется, района Куммерсдорфа. Повсюду лежали тела недавно убитых солдат. Жуткий район. Но затем мы натыкаемся на большое подразделение войск СС. Впереди на автомашине ехал бригадефюрер СС Вагнер. Мы доверились ему и присоединились к его отряду. Мы быстро продвигаемся, сметая сопротивление. Большие группы пехотинцев, часто без оружия, присоединяются к нам, но они не производят впечатления тех, кто готов сражаться дальше. Как только раздается орудийная пальба, они тут же сникают»[1]. Отметим, что к группе Вагнера присоединились и остатки роты унтерштурмфюрера СС Фридриха Блонда. За отличия в боях Юрген Вагнер лично наградил Фридриха Блонда Рыцарским крестом, это произошло 28 апреля 1945 года.

Что касается главной группы войск 9-й армии, то вся имеющаяся боеспособная бронетехника, в том числе и самоходки 32-го противотанкового дивизиона СС, была сведена в основную боевую группу, которая двинулась вперед к вечеру 30 апреля.

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 62.

Следом за танковой колонной в прорыв устремились основные силы.

Уже вскоре после начала прорыва раненый оберштурмфюрер СС Берманн отстал от своих и прибился к потоку солдат и гражданских. Затем эта колонна попала под обстрел двух хорошо замаскированных советских противотанковых орудий. Перебраться через дорогу раненому Берманну, да еще и под огнем противника, было непросто. Берманн даже начал подумывать о самоубийстве, когда в последний момент перед ним появился повар роты материально-технического обеспечения роттенфюрер СС Фаренкамп, взявший на себя заботу о Берманне. Почти сразу же они наткнулись на еще нескольких солдат дивизиона, которые и помогли перенести раненого Берманна из под обстрела. Эсэсовцы углубились в лес, пробираясь на запад. Где-то в районе Либетца они натолкнулись на самоходки из своего дивизиона — два штурмовых орудия и одну 105-мм гаубицу Stuh-42. К счастью Берманна и его группы, самоходки были вынуждены объезжать болотистый луг, чтобы перебраться по деревянному мосту и добраться до леса, что и вызвало задержку. С наступлением темноты эта группа вышла к Мертенсмюле, деревня находилась под артиллерийским обстрелом противника. В лесу у деревни эсэсовцы наткнулись на своего командира гауптштурмфюрера СС Краусса.

Между тем, Ханс Кемпин развернул свой командный пункт в лесничестве Мертенсмюле. Вокруг него собирались остатки дивизии. На командном пункте были выставлены часовые, кипела работа некоторых штабных отделов, в частности разведывательного, что в условиях настигшей армию дезорганизации достаточно показательно. Кемпин собирался начать прорыв еще в течение ночи. По некоторым данным, вокруг Кемпина

собралось около 400 солдат, принадлежавших к разным подразделениям 32-й дивизии СС[1]. Нервозность достигла крайней степени: когда начали взрывать оставшиеся без топлива машины, часовые доложили, что это диверсии «армии Зейдлица». Один из солдат раздобыл где-то 40 литров бензина, которые залил в бак самоходки, на которой должен был ехать Берманн. Прорыв решено было начать после полуночи. План был прост — ехать вперед, пока хватит топлива. После небольшого совещания оберштурмфюреры СС Хёрль и Берманн простились с Кемпиным, оставив ему свои домашние адреса.

Уже на рассвете 1 мая на подходе к Хенникендорфу немцев с небольшого холма обстреляли советские противотанковые орудия. Несколько ответных выстрелов из самоходок заставили их замолчать. Через несколько сот метров у Перечного ручья эсэсовцы наткнулись на противотанковое заграждение. Карл Хёрль со своей самоходной гаубицей занял позицию слева, на опушке леса, откуда открывался отличный обзор. Немцы засекли несколько советских танков и даже одну «Катюшу». Танки, скорее всего, принадлежали 63-й гвардейской танковой бригаде. Отметим, что в этом же районе действовали части 72-го гвардейского тяжелого танкового полка и отдельный самоходно-артиллерийский полк[2].

После этого под прикрытием одного «Королевского тигра» начался прорыв. Советская сторона открыла огонь, немцы отвечали огнем 88-мм орудия «Королевского тигра», 105-мм орудия гаубицы Хёрля и пулеметным огнем прибившейся к их группе бронемашины из 10-го разведывательного батальона СС диви-

---

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 58.

[2] *Лелюшенко Д.Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. С. 348.

зии СС «Фрундсберг». После того как точным попаданием была разнесена «Катюша», советские танки откатились назад, освободив путь. Так колонна войск 9-й армии миновала Добриккау и двинулась дальше, к Рибену. Советская авиация постоянно атаковала отступающих немцев, однако остановить марш не могла. Так же как и не дать немцам войти в Рибен, который был взят отчаянным штурмом. Отметим, что немцам удалось прорваться на стыке 117-й гвардейской стрелковой дивизии и 63-й гвардейской танковой бригады, после чего они вышли в район Цаухвитц — Рибен — Добриккау. Затем колонна войск 9-й армии вышла на шоссе Рибен — Шёнефельд — Беелитц. Отдельные немецкие части вышли прямо к штабу 4-й гвардейской танковой армии.

В этих условиях командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал-полковник Д.Д. Лелюшенко бросил в угрожаемый район части 68-й отдельной гвардейской танковой бригады, 7-й мотоциклетный полк, 71-ю легкую артиллерийскую бригаду, 61-ю гвардейскую танковую бригаду 10-го гвардейского танкового корпуса, 12-ю гвардейскую механизированную бригаду 5-го гвардейского механизированного корпуса, а также некоторые находившиеся в районе Беелитца корпусные части 5-го гвардейского механизированного корпуса[1].

Эти меры быстро дали эффект: уже под Шёнефельдом немцы натолкнулись на очередное противотанковое заграждение и не менее десятка советских танков Т-34. Два боеспособных «Королевских тигра» открыли по ним огонь,и стреляли до того момента, пока не израсходовали все снаряды. Толку от этой

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 309.

стрельбы было не много, пробиться здесь немцам так и не удалось, а танк гауптшарфюрера СС Эрнста Штренга в итоге подбили, а у второго «Королевского тигра» заглох мотор. В итоге часть оставшейся бронетехники, в том числе и самоходные установки 32-го противотанкового дивизиона СС, повернули налево и рванули через поле по проселочной дороге. Советская сторона открыла огонь, но несмотря на это немцам удалось добраться до какого-то поросшего лесом холма, в 400 м к югу от Шёнефельда, на котором стояла радиомачта. Здесь они остановились, чтобы сориентироваться, а затем направились к Беелитцу.

Отдельно, южнее Беелитца, для последнего броска собирались подразделения 32-го противотанкового дивизиона СС. Гауптштурмфюрер СС Краусс мог еще рассчитывать на две самоходки и один бронетранспортер. При решающем прорыве к остаткам его дивизиона присоединился командующий 9-й армией генерал пехоты Буссе со своим штабом. Также к Крауссу примкнули остатки роты материально-технического обеспечения во главе с командиром (судя по всему, Карлом Хёрлем). Ценой больших усилий этот прорыв увенчался успехом; хотя оба самоходных орудия были потеряны, но людей удалось вывести на сборный пункт 12-й армии в районе Беелитца. Этот сборный пункт обеспечивала пехотная дивизия «Шарнхорст» генерал-лейтенанта Хайнриха Гётца. Краусс вспоминал: «Примерно через километр нам встретились трое немецких солдат, в основном вспомогательный персонал зенитной артиллерии или члены РАД. В деревне, расположенной за сборным пунктом, мы сделали привал. Название деревни вылетело у меня из головы. Когда генерал Буссе в последний раз видел проходящие перед ним остатки своей армии, в его глазах стояли слезы. Это была разбитая армия, без оружия, большинство солдат были ране-

ны. Колонны продолжали двигаться в направлении Эльбы»[1]. 5 мая подразделения Краусса сдались американцам севернее Магдебурга.

Часть подразделений 32-го противотанкового дивизиона СС откололась от основных сил и выбиралась самостоятельно, среди них был и оберштурмфюрер СС Берманн. Он вспоминал о своем последнем прорыве: «Немецкая передовая линия не могла быть далеко. По мере продвижения дальше я скоро перестал чувствовать мою раненую ногу. Пара наших ребят помогла мне перебраться через дорогу, которая простреливалась русскими. Параллельно ей проходила железнодорожная линия, а за ней начинался немецкий передний край. Это было 1 мая, 13 часов 30 минут. Вот и все.

На железнодорожном полотне лежал немецкий парнишка лет шестнадцати с русским пулеметом. Я спросил его, один ли он здесь. Он сказал: нет, в 150 метрах отсюда лежит еще один с пулеметом»[2]. Севернее Эльсхольца Берманну удалось выйти на один из сборных пунктов 12-й армии, а затем через лес и луг — к Шёпе. Легким это путешествие также не было. Советские войска, артиллерия и авиация, простреливали зону прорыва с фланга из района Беелитца. Тем не менее, Берманну с несколькими солдатами дивизиона, удалось благополучно прорваться. Из-за его ранения его поместили в лазарет в Бурге, под Магдебургом, где врач осмотрел его раненую ногу. Как только в воздухе запахло срочной ампутацией, Берманн предпочел не расставаться с частичкой себя, коей бесспорно, была его нога, и тихонько исчез из госпиталя. Оставшиеся товарищи из

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 449.

[2] Там же. С. 448—449.

дивизиона помогли ему дойти да расположения американских войск на Эльбе.

О трудностях, с которыми столкнулись советские войска в последних боях с прорывающимися частями 9-й армии, упоминалось даже в официальных источниках, например: «Боевые действия советских войск… по уничтожению франкфуртско-губенской группировки противника протекали в чрезвычайно сложной обстановке. Гитлеровцы, доведенные безнадежностью своего положения до полного отчаяния, атаковали всюду, где им представлялась хоть малейшая возможность просочиться на запад. Поросшая лесом, изобилующая озерами и реками местность затрудняла советским войскам наблюдение за противником как с земли, так и с воздуха, а гитлеровцам способствовала в навязывании нам ближнего боя. Большое количество соединений из различных армий двух фронтов, принимавших участие в этом сражении, не объединенных единым командованием и не имевших между собой связи, затрудняло организацию четкого взаимодействия»[1].

Прибившиеся к частям дивизии СС «Недерланд» солдаты «30 января» вместе с ними вышли к Беелитцу, где столкнулись с противником. Штандартеноберюнкер СС Гюнтер Адам вспоминал: «Пытаясь прорваться у Беелитца, мы втянулись в тяжелые бои, в ходе которых многие, в том числе и я, потеряли контакт с основной группой. Однако через короткое время нам удалось выйти к нашим товарищам из 12-й армии. Мы были смертельно уставшие, и уже в темноте достигли широкой улицы с интенсив-

[1] *Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм. С. 306—307.

ным движением. Недалеко формировалась колонна грузовиков, и мы побежали туда. Кузов грузовика был забит, но мне удалось найти место впереди, у решетки радиатора. Мы направились в Белциг, а затем в Бург. Когда мы прибыли туда на следующий день, нам сказали: "Фюрер погиб!". Мы не могли, да и не хотели поверить в это, но со всех сторон нам подтверждали это. Мы были ошеломлены, многие рыдали, так как мы верили в фюрера и надеялись на "чудо-оружие". Неужели всему конец? Попытка переправиться через Эльбу провалилась, и мы направились на север, к Тангермюнде. Здесь мы пересекли реку и сдались американцам»[1]. Что касается упомянутых выше двух боевых групп I батальона 86-го полка СС, то одна из них была рассеяна с воздуха советской штурмовой авиацией, а вторая сумела-таки пробиться к Беелитцу[2].

Не всем повезло прорваться из окружения к 12-й армии, многие солдаты и офицеры дивизии СС «30 января» попали в советский плен. Фактически же к концу дня 30 апреля советские войска расчленили остатки 9-й армии на отдельные группы, потерявшие связь между собой. Началась массовая сдача немцев в плен советским войскам.

После захвата деревни Готтов колонны 550-го зенитного дивизиона двигались в направлении на Лукенвальде. Перед Лукенвальде эсэсовцев атаковали советские танки, вероятно, из 68-й отдельной танковой бригады. Гауптштурмфюрер СС Хохенгасснер уничтожил один Т-34, поразив его из «Панцерфауста». После этого советские танки отошли. Тем временем соседние немецкие подразделения приняли решение сложить оружие и

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 62.

[2] Ibid. P. 56.

сдаться советским войскам. Такой вариант развития событий Хохенгасснера и его людей аж никак не устраивал, и он принял решение пробиваться по направлению к югу от Лукенвальде. К его отряду присоединилось некоторое количество солдат из других подразделений и гражданские беженцы, в том числе женщины и дети. Хохенгасснер рассчитывал тихонько прорваться через леса, однако советские войска обложили немцев достаточно плотно, так что у него ничего не вышло. С учетом того что в его отряде находились гражданские беженцы и поэтому прорыв с боем был невозможен, Хохенгасснер принял нелегкое решение капитулировать. 1 мая 1945 года его отряд сдался советским войскам у Лукенвальде. Так закончился боевой путь 550-го зенитного дивизиона СС.

Среди офицеров дивизии, попавших в советский плен был командир I батальона 87-го полка СС гауптштурмфюрер СС Вальтер Лерманн. Он содержался в лагере для военнопленных в Вологде, последняя информация о нем датирована 1949 годом, по-видимому, Лерманн погиб в плену[1].

В это же время наступил окончательный конец и 88-го полка СС. Где-то в конце апреля командир полка Карл Беккер вывел остатки полка, не более одного сводного батальона, к Шармютцельзее. Командир 13-й роты 88-го полка СС унтерштурмфюрер СС Гельмут Шварц вспоминал: «Здесь Беккер расформировал остатки батальона со словами, что мы были до конца с нашими войсками, и никаких шансов у нас больше нет. Напоследок он приказал нам попытаться достичь Торгау на Эльбе, там мы должны были встретить американцев и сдаться им. С этого момента, в дополнение к остаткам моей 13-й роты, ко мне присоединились

[1] *Landwehr R.* Op. cit. P. 54.

и другие солдаты, так что под моим началом оказалось почти 300 человек. Карты местности не было, и мы маршировали в общем направлении на запад. Мы прошли через Меркиш-Буххольц, Барут и вышли в район западнее Лукенвальде. По пути нам часто приходилось вступать в бой. При пересечении автобана Хальбе — Тёпитц нас обстреляли русские танки. Где-то 3 мая 1945 года в районе Барута я расформировал остатки своего подразделения, так как с такой большой толпой было безнадежно надеяться прорваться. Маленькими группами мы попытались обойти занятый русскими Лукенвальде с севера или с юга. За два километра до Лукенвальде я был ранен и попал в русский плен»[1].

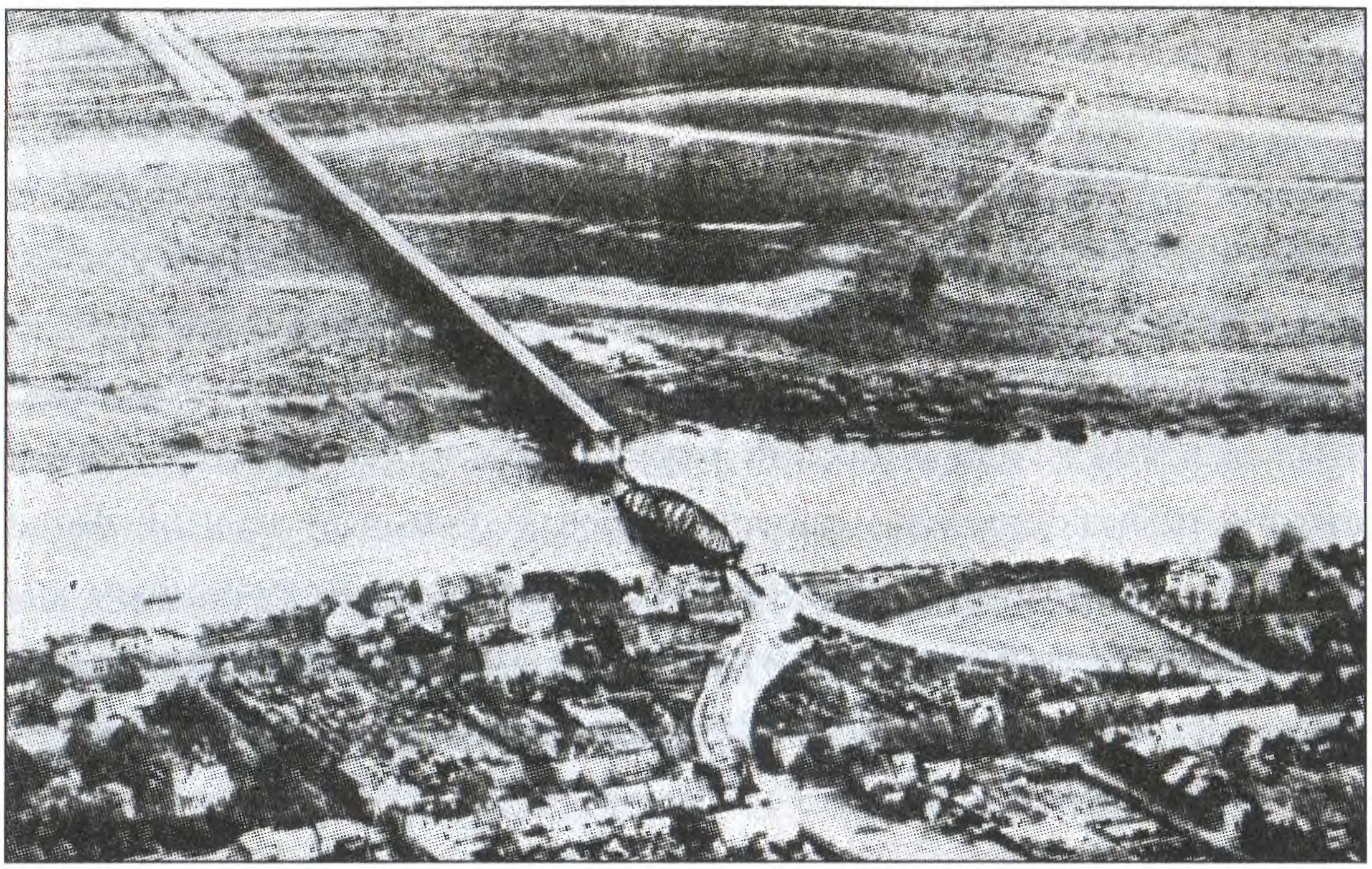
Тяжело раненый у Хальбе роттенфюрер СС Эбергард Баумгарт вспоминал о своем попадании в советский плен: «Коричневые солдаты шли через подлесок и громко кричали: “Немецкие камерады! Война капут! Пора по домам!”. Они настигли нас, веселые и расслабленные, с автоматами за спиной, вытаскивая сигареты… “Домой. Война капут!”. Я дышу, и я свободен. Критический момент пройден. Эти солдаты из состава Украинского фронта (1-го. — *Р.П.*)… Мы попали в плен к боевым частям. Советские солдаты радостно прыгают, иногда врываются в колонну и дружелюбно кричат: “Война капут!”. Наконец мы пришли в город, улицы и дворы полны солдат и автомашин. Здесь нас начали обыскивать. Везде раздается: “Урри, урри!”, и многие из нас лишаются своих часов»[2].

12-я армия держала свои сборные пункты в Беелитце, на которые выходили остатки 9-й армии, до 3 мая 1945 года. За

---

[1] *Michaelis R.* Op. cit. P. 60—61.

[2] Ibid. P. 61.

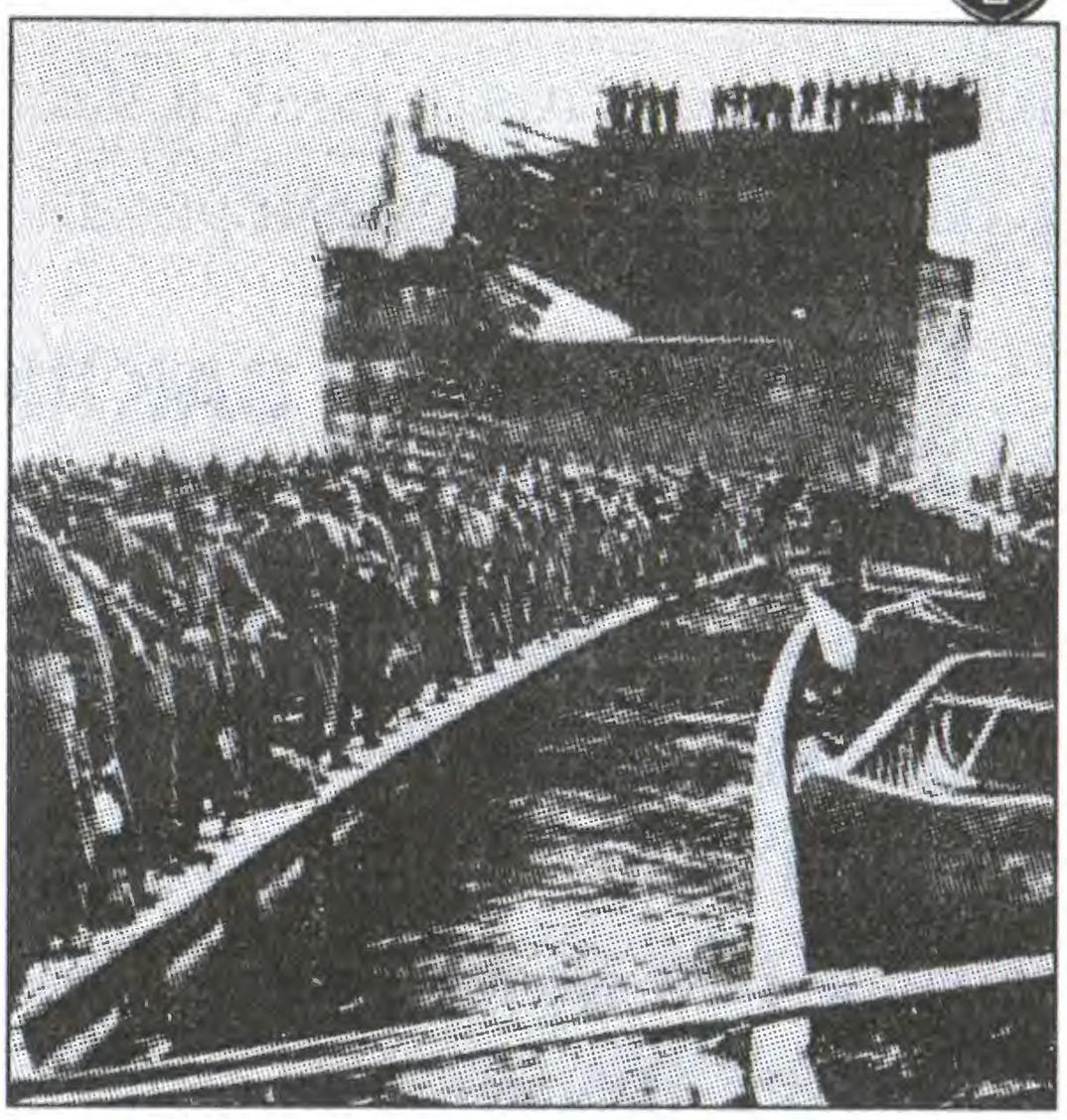


Разрушенный мост в Тангермюнде

это время через них прошли еще несколько подразделений 32-й дивизии СС, правда, какие именно это были части, — данных нет. Всего на соединение с 12-й армией удалось пробиться до 40 000 солдат 9-й армии (из около 150 000 человек, оказавшихся в котле). Остальные либо погибли, либо попали в советский плен.

После этого немецкие войска начали двигаться по направлению к Тангермюнде, где спешно сооружалась переправа через Эльбу. Главной целью было попасть в оккупированную американцами часть Германии и сдаться в плен войскам западных союзников.

Фактически переправа началась 4 мая 1945 года. С американской стороны это выглядело так: «Немецкие солдаты, гражданские и перемещенные лица всех национальностей (военнопленные и иностранные рабочие. — *Р.П.*), охваченные общим чувством ужаса, ждали приближения советских войск,



Немецкие войска переправляются через Эльбу у Тангермюнде

сгрудившись на берегу и упрашивая западных солдат взять их на тот берег, группами и поодиночке бросались в реку или пытались переправиться на чем можно. Казалось, что они ждут перевозчика на берегу сказочной реки Стикс, однако на самом деле ждать им было некого. Они хватались за все, что могло послужить плавсредством, используя импровизированные плоты, автомобильные покрышки, доски и лохани. Их были сотни, тысячи…»[1].

Вечером 6 мая[2] командир дивизии штандартенфюрер СС Ханс Кемпин организовал последнее построение своей дивизии. Перед ним стояло 148 военнослужащих — все, что удалось собрать от его дивизии. После краткой напутственной речи, поблагодарив солдат за их самопожертвование, Кемпин освободил всех их от воинской присяги и сложил с себя полномочия командира дивизии. К 10 часам вечера Кемпин и его штаб последними переправились через Эльбу у Йерихова, в районе южнее Тангермюнде, и сдались частям 102-й пехотной дивизии армии США; по другим данным, это произошло 7 мая[3]. Кроме этого, некоторая часть военнослужащих дивизии СС «30 января» переправилась через Эльбу в составе других подразделений

---

[1] *Тике В.* Падение Берлина. С. 576.

[2] Там же. С. 578.

[3] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 1. P. 282.

или же самостоятельно, в частности, уже упоминаемая группа Краусса, сдавшаяся американцам 5 мая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При ретроспективном взгляде не будет преувеличением сказать, что Берлинская стратегическая наступательная операция Красной армии была обречена на успех еще до ее начала. Надеяться на то, что слабая 9-я армия сумеет остановить мощнейший натиск 1-го Белорусского фронта, мог только беспроглядный оптимист. В военно-исторической литературе очень любят сопоставлять соотношение сил и средств к началу операции, хотя и в пользу советских войск, но при этом всячески подчеркивая «мощь и силу» 9-й армии, путем перечисления входивших в нее частей и соединений и указания количества танков. Взахлеб рассказывают о дивизиях СС, о «сотнях отдельных батальонов», о частях Фольксштурма и танкоистребительных бригадах. Такие подходы рассчитаны на невзыскательную публику, которая к тому же не умеет думать, и совсем не делают чести применяющим их историкам. Часто за кадром остается то, что все дивизии 9-й армии были недоукомплектованными, а их личный состав был не только плохо обучен, но также плохо вооружен и оснащен. Снабжение немецких войск боеприпасами было неудовлетворительным. Да что повторять, обо всем этом мы уже писали выше. Главное, что из всего этого следует — несмотря на героическое мужество немецких солдат, их борьба изначально была обречена на поражение.

Дивизия СС «30 января» свою последнюю и главную битву провела, без преувеличения, героически, сыграв важную роль в немецких военных усилиях южнее Франкфурта-на-Одере. Для начала подчеркнем, что анализ боевых действий 32-й дивизии

СС на Одерском фронте показывает, что большей частью дивизия действовала не как единое целое, а скорее как несколько боевых групп, решавших индивидуальные задачи. Это характерно как для боев февраля-марта, так и для апреля 1945 года. И если в первые дни сражения за Берлин еще сохранялась какая-то видимость единства, то после того как Ханс Кемпин получил приказ перебросить часть своей дивизии на прикрытие фланга XI танкового корпуса СС, дивизия фактически распалась. В постоянном процессе боевых действий, маневрирования, отступления некоторые части дивизии снова соединялись, но толку от этого было немного.

Подчеркнем, что собранная «с бору по сосенке» из различных подразделений дивизия в целом показала сравнительно неплохую боеспособность. Естественно, что у всех частей и подразделений она была разной, к тому же особенности развития боевых действий оказали свое влияние. Так, из трех панцер-гренадерских полков дивизии 88-й полк СС был разбит уже едва ли не с самого начала сражения, а остальные полки вскоре были растянуты по двум смешанным боевым группам.

Из всех частей дивизии наибольшую боеспособность продемонстрировал 32-й противотанковый дивизион СС, что было вполне прогнозируемо, с учетом того что он был хорошо вооружен и организован. Также хотелось бы выделить 32-й саперный батальон СС — после того как в его состав была включена боевая группа Лоренца Френкена, боеспособность батальона резко возросла, что показали бои частей Френкена с 62-м стрелковым корпусом. В меру своих скромных сил и возможностей дрались артиллеристы и зенитчики дивизии, добившись определенных успехов. Вместе с ними на удивление хорошо показал себя 32-й полевой запасной батальон СС, то есть часть, от которой

действительно сложно было ожидать крупных боевых успехов (да они от батальона по большому счету и не требовались, его задача — подготовка пополнения). Очевидно, во многом это связано с тем, кто командиром батальона был опытнейший Вальтер Плёв.

Нужно признать, что дивизия СС «30 января» создала большие трудности советской 33-й армии. Мы увидели, что продвижение войск армии было незначительным и что части эсэсовцев из дня в день в жестоких боях сдерживали натиск стрелковых корпусов генерал-полковника Цветаева. Если бы не крушение немецкого фронта севернее Франкфурта-на-Одере, то неизвестно, как бы еще повернулись события в районе действий V горного корпуса СС.

Ущерб, нанесенный советским войскам дивизией СС «30 января», определить трудно. Есть данные, что один из основных противников дивизии — советская 33-я армия с 11 апреля по 1 мая 1945 года потеряла 3462 человека убитыми, 13 696 человек ранеными, 220 пропавшими без вести; 532 выбыло из строя по другим причинам — всего 17 910 человек[1]. При этом интересно отметить, что потери 33-й армии не слишком отличаются от потерь 3-й и 5-й ударных армий (17 993 и 17 966 военнослужащих соответственно), которые вели наступление на Берлин с Кюстринского плацдарма и затем участвовали в уличных боях.

С учетом того, что «30 января» была самой сильной дивизией V горного корпуса СС, а ее оборона — наиболее подготовленной, то думаем, вполне справедливым будет сделать заключение, что не менее половины потерь 33-й армии были понесены в боях именно с данной дивизией. Также напомним, что воевавшая

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 507.

против частей «30 января» 383-я стрелковая дивизия понесла столь большие потери, что с 19 апреля была выведена во второй эшелон и к активным действиям вернулась лишь 25 апреля, когда во второй эшелон вывели 339-ю стрелковую дивизию (также сражавшуюся против 32-й дивизии СС).

С попаданием 9-й армии в окружение части дивизии СС «30 января» вели сдерживающие бои на различных участках котла, стремясь задержать натиск советских армий. Приняли они участие и в итоговом прорыве. Интересно, что роль дивизии СС «30 января» в прорыве из Хальбского котла часто преувеличивают. Это пошло с легкой руки П. Хауссера, заявившего в своей книге, что «выход из окружения оказался возможным в первую очередь благодаря 32-й дивизии СС, которая сначала взяла на себя прикрытие южного фланга, а затем пробилась к армии Венка»[1]. Известный исследователь М. Йергер, в свою очередь, также отметил, что «30 января» прикрывала отход 9-й армии[2].

Очевидно, что этот вывод они сделали на основании факта изначального нахождения частей дивизии не в передовой группе прорыва, а в ее арьергарде. Кроме этого, подразделения дивизии принимали участие в сдерживающих боях против советских войск 28 апреля, выше мы приводили такие факты. Однако, как мы увидели, значение вклада именно 32-й дивизии СС в спасение 9-й армии было невелико. Ведь все боеспособные подразделения дивизии быстро перешли из арьергардов в передовые части, многие подразделения действовали сами по себе, а многие просто распались на отдельные группки солдат и бесследно сгинули.

---

[1] *Хауссер П.* Войска СС в действии. С. 584.

[2] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 1. P. 282.

Так что разговоры о большом вкладе дивизии СС «30 января» в обеспечение прорыва 9-й армии являются преувеличением, хотя военнослужащие дивизии в этих последних жестоких схватках показали свою отвагу и мужество.

Здесь же подчеркнем, что какие-либо данные касательно выхода из окружения и дальнейшей судьбы 32-го саперного батальона СС (боевая группа Френкена), 32-го фузилерного батальона СС и 32-го полевого запасного батальона СС в нашем распоряжении отсутствуют. Можем лишь сказать, что оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Плёв и гауптштурмфюрер СС Лоренц Френкен пережили войну.

Закономерный разгром 9-й армии привел к уничтожению 32-й дивизии СС. В итоговой разведывательной сводке штаба 1-го Белорусского фронта от 30 апреля 1945 года, 32-я дивизия СС «30 января» была объявлена разгромленной в период с 16 по 29 апреля 1945 года и подлежащей списанию[1]. С этим заключением остается только согласиться: дивизия была уничтожена.

По данным Р. Михаэлиса, потери дивизии СС «30 января» в апреле 1945 года составили около 4000 военнослужащих, погибших и попавших в плен (большинство раненых). Из этого количества почти 800 человек после войны были официально объявлены пропавшими без вести[2]. Всего, по данным Германского Красного креста, пропавшими без вести числятся 1600 военнослужащих дивизии. Тем не менее, число, представленное Р. Михаэлисом нам кажется заниженным — в результате полного разгрома дивизии безвозвратные потери ее должны быть куда больше, минимум на 1000—1500 человек.

---

[1] ЦАМО, Ф. 233. Оп. 2356, Д. 739. Л. 478.

[2] *Michaelis R.* Op. cit. P. 65.

Из известных офицеров войск СС в боях погиб адъютант дивизии гауптштурмфюрер СС Густав Браун. Точная дата его гибели неизвестна. По данным Д. Мура, Браун погиб в марте 1945 года, М. Йергер называет апрель. Судя по всему, он погиб где-то 29—30 апреля, так как утром 29 апреля, по воспоминаниям Кемпина, Браун еще был жив. Также нет никаких данных о судьбе командира 32-го артиллерийского полка СС Хайнца Лоренца; скорее всего он погиб или в бою, или в плену.

По потерям других должностных лиц информации немного. Известно, что III артиллерийский дивизион потерял обоих своих командиров: первый, тяжело раненый гауптштурмфюрер СС Гюнтер Партоунс умер от ран в госпитале, а сменивший его оберштурмфюрер СС Фридрих Одой пропал без вести (погиб). Также в бою в апреле погиб командир 2-й саперной роты оберштурмфюрер СС Рейнхольд Штаух. Упоминавшийся нами унтерштурмфюрер СС Эмиль Дейшле, командир 1-й роты 32-го учебно-полевого батальона СС, числится пропавшим без вести.

Таким образом, 32-я дивизия СС была создана в феврале 1945 года спонтанно, с большой долей импровизации, из разношерстных подразделений войск СС. Формирование дивизии проходило непосредственно в условиях боевых действий. Дивизию можно рассматривать в качестве хорошего примера креативности немецкого командования в условиях необходимости срочного формирования новых частей. Более или менее цельным дивизионным организмом дивизия предстала в конце марта — начале апреля 1945 года, то есть к началу советского наступления на Берлин, но при этом она была слабо организована и подготовлена, что вполне закономерно в условиях реалий весны 1945 года для немецкого военного руководства.

Боевая история дивизии СС «30 января» очень коротка, она имеет всего два сражения, но зато одно из них было сражением судьбоносным — это битва за Берлин. И не вина солдат и офицеров «30 января» в том, что эта битва была проиграна, а дивизия — уничтожена. Сформированная в конце войны, брошенная спасать положение на Одерский фронт, слабо организованная и подготовленная 32-я дивизия СС все же завоевала неплохую боевую репутацию — «30 января» оказалась упорным противником для наступающих частей Красной армии. Но спасти гибнущий под ударами врагов Третий Рейх она уже не могла.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Известные номера полевой почты подразделений 32-й дивизии СС (составлено автором на материалах М. Вендела, Р. Михаэлиса и Х. Штобера).

Номер полевой почты	Подразделение
05 662	Штаб дивизии
26 667 A	Штаб 86-го добровольческого гренадерского полка СС «Шилль»
33 920	I батальон
35 520	II батальон
26 667 B	13-я рота
26 667 C	14-я рота
07 776 A	Штаб 87-го добровольческого гренадерского полка СС «Курмарк»
08 964	I батальон
10 036	II батальон
07 776 B	13-я рота
07 776 C	14-я рота
38 416	88-й добровольческий гренадерский полк СС «Беккер»
11586	32-й добровольческий артиллерийский полк СС
16881A	I дивизион
16881B	1-я батарея

Номер полевой почты	Подразделение
16881C	2-я батарея
18539A	II дивизион
18539B	3-я батарея
18539C	4-я батарея
19714A	III дивизион
19714B	5-я батарея
19714C	6-я батарея
20 686	32-й саперный батальон СС
37 196	32-й противотанковый дивизион СС
31 765	550-й зенитный дивизион СС
64 273	1-я батарея
66 779	2-я батарея
67 964	3-я батарея
25 655	1204-й зенитный дивизион люфтваффе
21 641	32-й батальон связи СС
36 652	32-й фузилерный батальон СС
05 066	32-й полевой запасной батальон СС
38 280	32-й полк снабжения СС
22 608	Хлебопекарная и мясников роты
37 569	Остальные подразделения
38 280	32-й хозяйственный батальон СС
39 339	32-я санитарная рота СС
23 045	32-я ветеринарная рота СС
27 186	32-й полевой почтамт СС

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Соответствие воинских рангов и званий

	Войска СС	Вермахт	Красная армия
1.	Шютце/Манн	Шютце/гренадер	Красноармеец/рядовой
2.	Обершютце	Обершютце/обергренадер	—
3.	Штурмманн	Ефрейтор	Ефрейтор
4.	Роттенфюрер	Штабсефрейтор/оберефрейтор	—
5.	Унтершарфюрер	Унтер-офицер	Младший сержант
6.	Юнкер СС*	—	—
7.	Шарфюрер	Унтерфельдфебель	Сержант
8.	Штандартенюнкер*	Фенрих*	—

	Войска СС	Вермахт	Красная армия
9.	Обершарфюрер	Фельдфебель	Старший сержант
10.	Гауптшарфюрер	Оберфельдфебель	Старшина
11.	Штабсшарфюрер	Гауптфельдфебель	Старшина подразделения (должность)
12.	Штурмшарфюрер	Штабсфельдфебель	—
13.	Штандартенобербюнкер*	Обер-фенрих/фанен-юнкер*	Младший лейтенант
14.	Унтерштурмфюрер	Лейтенант	Лейтенант
15.	Оберштурмфюрер	Обер-лейтенант	Старший лейтенант
16.	Гауптштурмфюрер	Гауптманн	Капитан
17.	Штурмбаннфюрер	Майор	Майор
18.	Оберштурмбаннфюрер	Оберстлейтенант	Подполковник
19.	Штандартенфюрер	Оберст	Полковник
20.	Оберфюрер	—	—
21.	Бригадефюрер	Генерал-майор	Генерал-майор
22.	Группенфюрер	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант
23.	Обергруппенфюрер	Генерал	Генерал-полковник
24.	Оберстгруппенфюрер	Генерал-оберст	Генерал
25.	—	—	Маршал
26.	—	—	Главный маршал
27.	Рейхсфюрер	Фельдмаршал	Маршал Советского Союза

Звания кандидатов в офицеры, обучавшихся в военных училищах. В войсках СС условно соответствовало: юнкер СС — унтершарфюрер СС; штандартенюнкер СС — шарфюрер СС; штандартенобербюнкер СС — гауптшарфюрер СС.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Документы

Документы из Национального архива США (NARA).

Документы из частных архивов Д.П. Мура (США), Р. Пономаренко, К. Семенова (Россия), П. Куропятника (Россия).

Журнал боевых действий войск 1-го Белорусского фронта за апрель месяц 1945 года. // Центральный архив Министерства обороны Российской федерации, Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739.

Описание наступательной Берлинской операции войск фронта (1-го Украинского. — *Р.П.*) с приложением схем и других документов. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236, О. 2673, Д. 2750.

The Last Levy: Waffen-SS Officer Roster, March 1st 1945. By Antony Munoz. New York: Europa Books, 2001. 168 p.

Мемуары

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1972. 704 с.

Лелюшенко Д.Д. Москва Сталинград Берлин Прага. М.: Наука, 1973. 408 с.

Севрюгов С.Н. Так это было. Записки кавалериста (1941—1945). М.: Воениздат, 1957. 352 с.

Фей В. Бронетанковые дивизии СС в бою. М.: Эксмо, 2008. 384 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х книгах. Книга первая. М.: Воениздат, 1985. 448 с.

Энциклопедии и справочные издания

Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 656 с.

Залесский К.А. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 672 с.

Залесский К.А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М.: Вече, 2009.— 784 с.

Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП.— М.: Эксмо, Яуза, 2004.— 656с.

Ланнуа Ф., Шарита Й. Немецкие танковые войска 1935—1945. М.: Аст, 2005. 285 с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. М.: Эксмо, 2003. 800 с.

Освобождение городов М.: Воениздат, 1985. 598 с.

Семенов К. Войска СС. Солдаты, как все. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 384 с.

Шунков В.Н. Оружие вермахта. Минск: Харвест, 1999. 480 с.

Bender R.J., Taylor H.P. Uniforms, organisation and history of the Waffen-SS. Vol. 2. R.J. Bender Publishing, 1986. 175 p.

Nafziger G. The German Order Of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. Da Capo Press, 2000. 320 p.

Tessin G. Verbande und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS, B. 4. Frankfurt/Main, 1965. 342 s.

Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg, B. 5. Frankfurt/Main, 1971. 296 s.

Tessin G. Verbande und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS, B. 6. Osnabruck, 1972. 336 s.

Tessin G. Verbande und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS, B. 11. Osnabruck, 1975. 347 s.

Tessin G. Verbande und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS, B. 13. Osnabruck, 1976. 429 s.

Yerger M.C. Allgemeine-SS. The Commands, Units and Leaders of the General SS Atglen: Schiffer Military History, 1997. 251 p.

Yerger M.C. German Cross in Gold. Holders of the SS and Police. Vol. 1. "Das Reich". James Bender Publishing, 2003. 432 p.

Yerger M.C. German Cross in Gold. Holders of the SS and Police. Vol. 2. "Das Reich". James Bender Publishing, 2005. 432 p.

Yerger M.C. German Cross in Gold. Holders of the SS and Police. Vol. 3. "Regiment and Division "Nordland". James Bender Publishing, 2008. 252 p.

Yerger M.C. German Cross in Gold. Holders of the SS and Police. Vol. 4. "Cavalry Brigade and Divisions". James Bender Publishing, 2009. 368 p.

Yerger M.C. German Cross in Silver. Holders of the SS and Police. James Bender Publishing, 2002. p.208.

Yerger M.C. Waffen-SS Commanders. Vol. 1. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1997. 356 p.

Yerger M.C. Waffen-SS Commanders. Vol. 2. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1999. 389 p.

История боевых действий на Восточном фронте

Баженов Н. Тайны Берлинской операции. М.: Аст, Астрель, 2010. 828 с.

Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М.: Воениздат, 1970. 624 с.

Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н. Последний штурм. Берлинская операция 1945 г. М.: Воениздат, 1970. 464 с.

Исаев А. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 352 с.

Райан К. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. 429 с.

Советская кавалерия. М.: Воениздат, 1984. 319 с.

Beevor E. The Fall of Berlin 1945. Penguin Group, 2003. 528 p.

Kliment C., Nakladal B. Germany's First Ally. Armed forces of the Slovak State 1939—1945. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1997. 205 p.

Германия во Второй мировой войне

Александров К. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 752 с.

Бернаж Ж. Берлин 1945. Агония «тысячелетнего Рейха». М.: Эксмо, 2007. 184 с.

Гилязов И. Легион «Идель-Урал». М.: Вече, 2009. 304 с.

Гончаренко О.Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. Судьбы белогвардейцев. М.: Вече, 2005. 352 с.

Дробязко С.И. Под знамёнами врага. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

Земке Э. От Сталинграда до Берлина. М.: Центрполиграф, 2009. 604 с.

Монетчиков С. Пехотное оружие Третьего рейха. Ч. VI: Реактивное оружие вермахта. // Оружие, 2003, № 11—12. 60 с.

Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М.: Наука, 1972. 768 с.

Свирин М. Штурмовое орудие SturmGeschutz III. // Армада, № 3: М.: Экспринт, 2000. 48 с.

Тике В. Падение Берлина // Марш на Берлин. М.: Эксмо, 2005. С. 149—604.

Le Tissier T. Zhukov at the Oder: The Decisive Battle for Berlin. Stackpole Books, 2009. 384 p.

Schneider W. Tigers in Combat II. Stackpole books, 2005. 354 p.

История СС и войск СС

Пономаренко Р., Залесский К., Семенов К. Войска СС без грифа секретности. М.: Вече, 2010. 288 с.

Пономаренко Р. 38-я гренадерская дивизия СС «Нибелунги». М.: Вече, 2010. 352 с.

Хауссер П. Войска СС в действии. // Черная гвардия Гитлера. М.: Яуза-Пресс, 2008. С. 349—636.

Уильямсон Г. Дивизии СС. 24. Gebirgs SS-Division 38. SS-Division «Nibelungen». Под ред. В.И. Киселева // Альманах «Новый солдат».— № 75.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 352 с.

Furbringer H. 9.SS-Panzer-Division. Editions Heimdal, 1984. 555 s.

Hart S., Hart R. Weapons and fighting tactics of the Waffen SS. Spellmount, 1999. 192 p.

Landwehr R. V. SS Mountain Corps and 32nd SS Panzer Grenadier Division «30.Januar» on the Oder front, 1945. Siegrunen, 1991. 93 p.

Maclean F. The Camp men. The SS Officers who ran the Nazi Concentration Camp System. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1999. 380 p.

Michaelis R. The 32nd SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «30.Januar». Schiffer Military History, Atglen, PA, 2008. 128 p.

Pioniere der Waffen SS im Bild. Nation Europa Verlag, 2000. 242 s.

Rikmenspoel M. Soldiers of the Waffen-SS. Many Nations, One Motto. J.J. Fedorowicz Publishing, 1999. 419 p.

Rikmenspoel M. Waffen-SS Encyclopedia. The Aberjona Press, Bedford, PA, 2004. 285 p.

Schulze-Kossens R. Die Junkerschulen. Militärischer Führernachwuchs der Waffen-SS. Nation Europa Verlag, 1999. 429 s.

Stober H. Die Flugabwehrverbande der Waffen-SS. Verlag K.W. Schutz Kg, 1984. 608 s.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 3

Часть 1

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ..... 12

Часть 2

ДИВИЗИЯ СС «30 ЯНВАРЯ»
В ФЕВРАЛЕ—АПРЕЛЕ 1945 ГОДА..... 87

Часть 3

БЕРЛИНСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ..... 153

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 260

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 266

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 268

Научно-популярное издание

Враги и союзники

Пономаренко Роман Олегович

32-я ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ СС «30 ЯНВАРЯ»

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 14.02.2011. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз. Заказ Р-200.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Враги И союзники

Рассказывая об истории войск СС, большинство исследователей упоминают прежде всего элитарные формирования, забывая в то же время, что значительное количество дивизий СС составляли «некондиционные дивизии». Одной из таковых является 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС «30 января». Послужной список ее очень короткий, но достаточно яркий. Просуществовав всего лишь три с лишним месяца, дивизия приняла активное участие в последних сражениях Второй мировой войны в Европе — в боях на Одере в феврале 1945 года и в обороне Берлина. В конце войны дивизия разделила трагическую судьбу 9-й армии, уничтоженной в Хальбском котле.

ISBN 978-5-9533-5617-6

9 785953 356176

Вече